Hom. 2092 u

РУКОВОДСТВО

КЪ

ЦЕРКОВНОМУ

КРАСНОРѢЧІЮ,

съ примѣрами изъ Священнаго Писанія, Святыхъ Отецъ и славнѣйшихъ Ораторовъ Христіанскихъ.

Сочиненіе полезное для духовныхъ училищь и для младыхъ Священнослужителей, посвятившихъ себя проповѣданію Слова Божія.

Перевелъ съ иностраннаго I. I.

Изданіе третіе.

МОСКВА.

Въ Сvнодальной Типографіи,

1833 года.

Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ.

2 Посл. къ Тимоѳею гл. IV, ст. 2.

Bayerische Staatsbibliothek München

20/87/883

ОГЛАВЛЕНІЕ

матерій, содержащихся въ сей книгѣ.

Стран.

Предварительныя понятія.

I. Опредѣленіе краснорѣчія. - - - - 1.
II. О Рѣчи Ораторской и о различныхъ ея видахъ. - - - - - - - 3.
III. О трехъ родахъ рѣчи. - - - - —
IV. О сочиненіи. - - - - - - 6.
V. Опредѣленіе и раздѣленіе Риторики. - 8.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О Изобрѣтеніи. - - - - - 9.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Мысляхъ. - - - - - - - 10.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Доказательствахъ. - - - - 11.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Мѣстахъ Риторическихъ внутреннихъ.
I. О Опредѣленіи. - - - - - - 12.
II. О Изчисленіи частей. - - - - 15.
III. О Причинѣ и дѣйствіяхъ. - - - 19.
IV. О Сравненіи. - - - - - - 22.
V. О Различіи. - - - - - - 26.
VI. О Противныхъ. - - - - - 29.
VII. О Обстоятельствахъ. - - - - 33.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О Мѣстахъ Риторическихъ внѣшнихъ. 38.

Стран.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Доводахъ. - - - - - - - 43.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О Расположеніи. - - - - - - 48.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Приступѣ. - - - - - - - 49.
О качествахъ Приступа. - - - - 57.
О Предложеніи и раздѣленіи матеріи. - 59.
О источникахъ раздѣленія. - - - 61.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О повѣствованіи. - - - - - - 64.
О Панегирикѣ. - - - - - - 65.
О Надгробномъ словѣ. - - - . 72.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О конфирмаціи. - - - - - - 76.
I. О свойствѣ доказательствъ. - - - —
II. О соединеніи доказательствъ. - - 78.
III. О порядкѣ докательствъ. - - - 80.
IV. Какимъ образомъ священные Ораторы приводятъ доказательства въ своихъ словахъ. - - - - - - 82.
О Распространеніи. - - - - 83.
О Примѣрѣ. - - - - - - - 87.
V. О опроверженіи. - - - - - 89.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О страстяхъ. - - - - - - - 94.
О страстяхъ въ особенности. - - 103.

Стран.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Заключенiи. - - - - - 112.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О Ораторской благопристойности. - 120.
Примѣры благопристойности въ словахъ нравоучительныхъ. - - - 121.
О благопристойности въ Панегирикахъ. 126.
Примѣры благопристойности въ Словахъ Надгробныхъ. - - - 127.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О привѣтствiяхъ, употребляемыхъ въ проповѣдяхъ и другихъ священныхъ рѣчахъ. - - - - - - - 132.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Особенныя примѣчанiя на слова догматическiя и нравоучительныя, на бесѣды и другiя простыя наставленiя. - - - - - - - - 136.
О Словахъ догматическихъ. - - - —
О Словахъ нравоучительныхъ. - - 140.
О Бесѣдахъ. - - - - - - - 143.
О краткихъ поученiяхъ. - - - 144.
О Катихизическомъ ученiи. - - 145.

ЧАСТЬ ТРЕТIЯ.

О Израженiи. - - - - - - 147.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О чистотѣ слога. - - - - - - 148.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ясности. - - - - - - - 150.

Стран.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О изящносmи. - - - - - 152.
Членъ I. О Періодѣ. - - - - —
Членъ II. О Ораторской гармоніи. - 155.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О избраніи мыслей. - - - - 160.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О стилѣ. - - - - - - 163.
Членъ I. О стилѣ простомъ. - - - 164.
Членъ II. О стилѣ высокомъ. - - - 169.
I. О высокихъ изображеніяхъ. - - - 170.
II. О высокихъ чувствованіяхъ - - - 175.
Членъ III. О стилѣ умѣренномъ. - - 179.
О различныхъ качествахъ стиля. - - 186.
Какихъ погрѣшностей должно избѣгать въ стилѣ? - - - - - - 189.
О разнообразіи и пристойности стиля. 191.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О Фигурахъ вообще. - - - - 193.
Членъ I. О Тропахъ. - - - - 194.
I. О Метафорѣ. - - - - - - 196.
II. О Аллегоріи. - - - - - - 199.
III. О Иперболѣ. - - - - - - 203.
IV. О Перифразѣ. - - - - - - 205.
Членъ II. О Фигурахъ мнѣній. - - 207.
О Фигурахъ мнѣній, служащихъ къ доказательству.
I. О Сообщеніи. - - - - - - - —
II. О Отвѣтствованіи. - - - - 210.
III. О Уступленіи. - - - - - 213.
IV. О Предупрежденіи. - - - - 215.

Стран.

V. О Поправленіи. - - - - - 218.
VI. О Вычищеніи. - - - - - 220.
VII. О Прохожденіи. - - - - - 222.
VIII. О Напряженіи. - - - - - 224.
О Фигурахъ мнѣній, служащихъ къ украшенію слова.
I. О Описаніи. - - - - - - 327.
О Демонстраціи. - - - - - 228.
О Иѳопіи. - - - - - - 233.
О Ипотипозѣ. - - - - - 237.
II. О Подобіи. - - - - - 242.
III. О Параллели. - - - - - 248.
IV. О Противоположеніи. - - - - - 252.
О Фигурахъ мнѣній, служащихъ къ возбужденію страстей.
I. О Обращеніи. - - - - - 257.
II. О Восклицаніи. - - - - - 262.
III. О Вопрошеніи - - - - - - 264.
IV. О Повтореніи. - - - - - 269.
V. О Умолчаніи. - - - - - 273.
VI. О Наращеніи. - - - - - 274.
VII. О Умоленіи. - - - - - - 277.
VIII. О Желаніи. - - - - - - 279.
IX. О Проклинаніи. - - - - - 281.
X О Сомнѣніи. - - - - - - 283.
XI. О Заимословіи - - - - - 285.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Подражаніи. - - - - - - 290.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О Ораторскомъ дѣйствованіи. - 294.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О памяти. - - - - - - 295.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О голосѣ. - - - - - - - 299.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О тѣлодвиженіи. - - - - - 306.

I. О видѣ и осанкѣ приличныхъ Оратору. —

II. О дѣйствованіи глазами и руками. - - 308.

III. О погрѣшностяхъ, могущихъ дѣлать тѣлодвиженіе безполезнымъ и смѣшнымъ. - - - - - - - 312.

Избранныя размышленія о священномъ Ораторѣ, яко служителѣ Евангелія. - 315.

О сочиненіяхъ, которыхъ чтеніе можетъ принести пользу Христіанскому Оратору. - - - - - - 323.

О Ораторахъ, прославившихся священнымъ краснорѣчіемъ. - - - 328.

РУКОВОДСТВО

КЪ

церковному краснорѣчію.

Предварительныя понятія.

I. *Опредѣленіе краснорѣчія.*

Краснорѣчіе есть даръ, *поучать, нравиться* и *трогать*.

Мы называемъ краснорѣчіе *даромъ*, а не *искуствомъ*; ибо всякое искуство снискивается ученіемъ и упражненіемъ, краснорѣчіе же есть даръ природы: правда, оно основывается на правилахъ, но сіи правила должны только управлять пареніемъ духа. Они руководствуютъ, но не производятъ онаго.

Совершенный Ораторъ есть тотъ, кто имѣетъ сей *даръ* въ высочайшей степени. Erit eloquens is, qui ita dicet, ut probet, ut delectet, ut flectat. (*Cicer. de orat.*)

Краснорѣчіе для достиженія своей цѣли употребляетъ всегда съ успѣхомъ слогъ приличный своему предмету.

Иногда старается оно только убѣдить, не трогая, и тщится не изторгнуть изъ другаго согласіе на истину, но нечувствительно снискать оное.

Иногда, будучи плѣнительно, употребляетъ средства, какъ польстить воображенію, и понравиться слуху.

А наконецъ, иногда еще съ большимъ жаромъ говоритъ сердцу, и наполняетъ оное восторгомъ.

Когда краснорѣчіе имѣетъ цѣлію наученіе слушателей, торжество его зависитъ отъ твердости доказательствъ. Простота есть главный характеръ онаго.

Когда оно хочетъ плѣнить воображеніе, то истощаетъ всѣ богатства искуства, и ожидаетъ успѣха отъ пріятности стиля.

Когдажъ наипаче тщится тронуть сердце, то изумляетъ оное, влечетъ и покоряетъ всѣмъ тѣмъ, что въ мысляхъ бываетъ величественнѣйшаго, въ чувствованіяхъ благороднѣйшаго, въ изображеніяхъ поразительнаго, въ изъясненіяхъ напряженнѣйшаго. Probare necessitatis est, delectare suauitatis, flectere victoriae. (*Ibidem.*)

Изъ сихъ разныхъ видовъ (forma), которые можетъ краснорѣчіе принимать, и которые соединяются въ одной рѣчи, происходятъ три рода стиля, соотвѣтствующіе тремъ Ораторскимъ должностямъ: поучать, нравиться и трогать. *Простый* стиль научаетъ, *красивый* нравится, *сильный* или *высокій* трогаетъ. Quod officia Oratoris, tot sunt genera dicendi: subtile, in probando; modicum, in delectando; vehemens, in flectendo. (*Ibidem.*)

Ораторъ въ выборѣ и употребленіи сихъ стилей, которые мы разсмотримъ подробнѣе, долженъ сообразоваться свойству предмета или идеи, которую изобразить онъ намѣревается.

II. О рѣчи Ораторской и о различныхъ ея видахъ (Species).

Рѣчью Ораторскою называется такая рѣчь, которая сочинена съ искуствомъ, для убѣжденія слушателей.

Сіе названіе прилично всѣмъ видамъ рѣчи, въ которыхъ Ораторъ употребляетъ различныя средства къ тому, чтобъ его слушали съ охотою. Проповѣдь, на примѣръ, Панегирикъ, Надгробное слово, Привѣтствіе, Академическое разсужденіе, и проч. суть рѣчи *Ораторскія*.

Проповѣдь есть рѣчь Христіанская, провозглашаемая съ каѳедры въ церкви для наставленія и назиданія вѣрныхъ.

Панегирикъ есть картина жизни человѣка, знаменитаго по своимъ дѣяніямъ и нравамъ.

Надгробное слово есть рѣчь, сочиненная въ честь какой нибудь особѣ, славной или породою, или чиномъ, или достоинствомъ, украшавшимъ оную въ жизни.

Привѣтствіе есть изъявленіе почитанія въ какихъ нибудь случаяхъ, чину, а иногда заслугѣ.

Академическое разсужденіе есть изслѣдованіе какой нибудь нравственной или литтературной мысли.

III. О трехъ родахъ рѣчи.

Всѣ виды рѣчи относятся къ тремъ родамъ: *доказательному*, *совѣтовательному* и *судебному*.

Въ родѣ доказательномъ заключаются: Панегирики, Надгробныя слова, Академическія разсужденія. Вообще, Ораторъ собираетъ здѣсь все, что можетъ сдѣлать честь особѣ

хвалимой имъ; но ему должно поступать въ сихъ случаяхъ осторожно и разборчиво. Онъ не долженъ забывать, что краснорѣчіе приобрѣтаетъ вящшій блескъ, предая потомству имена любезныхъ и почтенныхъ особъ; но не менѣе унижаетъ и посрамляетъ себя, ежели оно ничто иное есть, какъ подлый торгъ лжею и лестію. Должно хвалить однихъ великихъ людей, или молчать.

Въ родѣ совѣтовательномъ Ораторъ тщится увѣрить собраніе въ важности или надобности чего нибудь такого, что совѣтуетъ произвесть въ дѣйство, или въ опасности и ненадобности какого нибудь предпріятія, отъ котораго старается онъ отвратить.

Ежели онъ хочетъ убѣдить слушателей къ какому нибудь предпріятію, долженъ доказать, что дѣло, о которомъ идетъ разсужденіе, есть либо честное, либо полезное, либо нужное, либо справедливое, или, что оно имѣетъ всѣ сіи качества.

Дабы успѣть въ семъ убѣжденіи, долженъ онъ изслѣдовать, какой конецъ предпріятію предполагаютъ слушатели, и какія избираютъ средства къ достиженію онаго: ибо они могутъ обмануться и въ разсужденіи конца и въ разсужденіи средствъ. Долженъ онъ еще разсмотрѣть, полезно ли совѣтуемое дѣло въ отношеніи ко времени, мѣсту и лицамъ. Долженъ наконецъ взирать на полъ, возрастъ, достоинства, нравы и характеръ убѣждаемыхъ: поелику одни трогаются представленіемъ выгодъ, страха, уваженія мірскаго; другіе же склоняются на побужденія добродѣтели, чести, славы.

Извѣстно, что, дабы отсовѣтовать другому какое нибудь предпріятіе, или отвратить его отъ онаго, надлежитъ представить причины противныя тѣмъ, какія представляются въ совѣтованіи.

Совѣтовательный родъ, съ пользою употребляемый въ правленіяхъ республиканскихъ (*), почти не нуженъ въ нашемъ правленіи. Онъ приличенъ только церковному краснорѣчію; потому что цѣль нашихъ проповѣдей есть побуждать къ добродѣтели и отвлекать отъ порока.

Родъ судебный относится къ защищенію гражданина и изслѣдованію правъ его. Здѣсь нѣтъ ничего важнѣе, какъ точно опредѣлить въ чемъ состоитъ все дѣло, представить оное въ видѣ самомъ выгодномъ, сдѣлать гласными законы, привесть и поставить свои доказательства въ такомъ порядкѣ, чтобы оныя одно другое поддерживали и подкрѣпляли, внушить судьямъ нѣкоторую довѣренность, и, такъ сказать, насильно принудить ихъ къ поданію голоса въ пользу лица, ожидающаго отъ нихъ рѣшенія своей участи.

Не рѣдко сіи различные роды смѣшиваются въ одной рѣчи. Проповѣдникъ, прославляющій какого нибудь Святаго, совѣтуетъ намъ подражать ему, доказывая нужду той или другой

(*) Можно читать съ пользою многія Цицероновы рѣчи сего рода, какъ то: pro lege Manilia, agraria, de prouinciis consularibus, и нѣкоторыя изъ Филиппикъ. У Тита Ливія находятся также примѣры онаго; въ пятой книгѣ его исторіи читай рѣчь Аппія Клавдія о построеніи зимнихъ квартиръ у Веевъ; въ двадцать осьмой рѣчи Фабія и Сципіона о перенесеніи войны въ Африку, и проч.

добродѣтели, онъ съ похвалою припоминаетъ о тѣхъ мужахъ, которые оною добродѣтелію отличились. Родъ судебный входитъ также нѣкоторымъ образомъ въ совѣтовательный; потому что судьи ни утверждаютъ, ни отрицаютъ прежде объясненія дѣла, и защитительныя рѣчи Адвокатовъ служатъ къ разрѣшенію ихъ недоумѣнія, и преклоняютъ ихъ на справедливѣйшую сторону.

IV. О Сочиненіи.

Представлять себя многочисленному собранію, которое слушаетъ твои разсужденія о важнѣйшихъ дѣлахъ, есть великое и опасное предпріятіе, говоритъ *Цицеронъ*; ибо каждый почти замѣчаетъ строже и съ большею разборчивостію недостатки, нежели красоты нашихъ рѣчей, и всякой разъ, когда мы говоримъ предъ публикою, судятъ насъ. Magnum quoddam est onus atque munus suscipere atque profiteri, se esse, omnibus silentibus, unum maximis de rebus, magno in conventu hominum, audiendum. Adest enim fere nemo, qui acutius atque acrius vitia in dicente quam recta videat: quoties enim dicimus, toties de nobis judicatur.

Изъ сего благоразумнаго примѣчанія каждый Ораторъ видитъ, сколь нужно ему наблюдать при своемъ сочиненіи такой порядокъ, который бы заграждалъ уста самой строжайшей критики. Отъ изящества сочиненія зависитъ все дѣйствіе рѣчи.

При сочиненіи всякой краснорѣчивой піэсы надлежитъ наблюдать слѣдующее:

1. Ораторъ долженъ обстоятельно обдумать свой предметъ, и разсмотрѣть оный

съ сильной и слабой стороны; но дабы не истощить силъ своего разума и не утомить вниманія, долженъ онъ раздробить сей предметъ на многія части, разобравши оныя одну послѣ другой, и совокупивши вмѣстѣ, увидитъ онъ, слѣдуетъ ли изъ соединенія оныхъ рѣшеніе его задачи.

2. Долженъ онъ записывать всѣ свои мысли, потомъ положить основу своей рѣчи, то есть: планъ, порядокъ, раздѣленіе, главныя доказательства и отвѣты на возраженія, не заботясь много о точности стиля, ни о пріятности выраженій, дабы сіе рачительное вниманіе не охладило жару сочиненія.

3. Долженъ онъ усилить свои первыя идеи, отбросить ненужное и присовокупить недостающее, изслѣдовать, тверды ли и извѣстны ли начала имъ предположенныя, совершенно ли они ясны, вѣрны ли послѣдствія, имъ выведенныя изъ оныхъ, убѣдительны ли отвѣты на возраженія, и не оставляютъ ли желать другихъ рѣшеній.

4. Наконецъ долженъ онъ вычистить и усовершить всю рѣчь. Здѣсь-то надлежитъ ему сократить то, что пространно и обильно, умягчить грубое, выбросить то, что ни основательно, ни убѣдительно, сколь бы казисто оно ни было; однимъ словомъ: онъ долженъ поступать съ своими произведеніями не мягкосердо, какъ отецъ извиняющій; но строго, какъ судія осуждающій.

Можно присовокупить здѣсь наставленіе господина *Боало*, не менѣе полезное Ораторамъ какъ и Стихотворцамъ.

Не очень спѣши, и не теряй бодрости. Двадцать разъ пересмотри свое сочиненіе, вычищай оное непрестанно и выправляй, иногда присовокупляй, но чаще вымарывай. Маловажно то сочиненіе, въ которомъ много остраго, но много и погрѣшностей; потребно, чтобъ въ ономъ все стояло на своемъ мѣстѣ, чтобъ начало и конецъ соотвѣтствовали срединѣ, чтобъ искуснѣйшимъ образомъ прибранныя разныя части составляли одно цѣлое.

(Стихотв. наук. ПѢСНЬ I.)

Сіи размышленія безъ сомнѣнія довольно показываютъ, въ чемъ состоитъ даръ краснорѣчія, и какимъ образомъ получившій оный отъ природы можетъ его употреблять. Посмотримъ теперь, какое пособіе подаетъ оному наука для успѣха въ семъ важномъ и полезномъ подвигѣ, какія начала, принятыя вкусомъ, должны управлять его ходомъ, и доводить его до совершенства.

V. Опредѣленіе и Раздѣленіе Реторики.

Сказали мы, что краснорѣчіе есть даръ поучать, нравиться и трогать. Къ симъ-то тремъ главнымъ должностямъ Оратора относятся всѣ тѣ наставленія, которыя предложить мы намѣрены.

Реторику называютъ *собраніемъ правилъ, служащихъ руководствомъ дару краснорѣчія.*

Правила, на которыхъ Реторика основана, простираются не только на всѣ роды, но и на всѣ части рѣчи.

Весьма простое и натуральное раздѣленіе ея происходитъ изъ предмета, избираемаго Ораторомъ.

Какую бы матерію онъ ни избралъ, надлежитъ ему исполнить сіи три должности: 1-е изобрѣсти все то, что надобно говорить; 2-е привесть оное въ пристойный порядокъ; 3-е выразить наилучшимъ образомъ. И сіе-то называется *Изобрѣтеніе*, *Расположеніе*, *Израженіе* (Elocutio). Quid dicat, et quo modo, et quo loco. (*Cicer.*)

И такъ должно показать, сколько полезнаго вліянія можетъ имѣть наука на сіи различныя дѣйствія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О

ИЗОБРѢТЕНІИ.

Изобрѣтеніе, какъ мы уже о томъ упомянули, состоитъ въ изысканіи и избраніи мыслей, доказательствъ и доводовъ, которыя Ораторъ употреблять долженъ: quid dicat.

Ежели цѣль его есть научить, то все это заслуживаетъ его вниманіе. Естьли хочетъ только хвалить, долженъ совершенно знать то, что прилично сказать о лицѣ, которое похвалить предпріемлетъ. Естьли защищаетъ дѣло чье нибудь, также съ помощію тѣхъ средствъ, можетъ объяснить оное судьямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
О
МЫСЛЯХЪ.

Всякая рѣчь ничто иное есть, какъ порядокъ мыслей болѣе или менѣе блистательныхъ, правильно расположенныхъ, но такихъ, которыя должны клониться къ тому концу, какой предполагаетъ себѣ Ораторъ, разбирая свой предметъ. И такъ онъ долженъ выбирать только мысли сообразныя своей цѣли, и такія, которыя при всемъ томъ что ясны, еще истинны и вѣрны.

Истинная мысль есть та, которая сходствуетъ съ предметомъ, ею представляемымъ, или лучше сказать, которой не льзя отвергать, не противоборствуя разуму. На примѣръ:

„Всякая власть отъ Бога, а все низпо-„сылаемое Богомъ устроено только для поль-„зы другихъ людей." (*Массильйонъ.*)

Вѣрною мысль называется тогда, когда сіе сходство столь совершенно, что предметъ представляется во всемъ своемъ пространствѣ безъ ограниченія. Примѣръ:

„Добродѣтель есть единое благо человѣка: „съ нею онъ достоинъ уваженія, хотя бы „всего прочаго лишенъ былъ; безъ нея всѣ дру-„гія выгоды не избавятъ его отъ поношенія „и презрѣнія." Uirtus est unum hominis bonum; quod qui habet, etiamsi aliis destituitur, laudandus erit; qui non habet, in omnium aliorum copia damnatur, ac rejicitur. (*Senec. de Virtute.*)

ГЛАВА ВТОРАЯ
О
ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ.

Доказательства и умозаключеніе, разкрывающее оныя, суть твердая подпора всѣхъ рѣчей, а слѣдовательно, какъ говоритъ *Г. Ролленъ*, „весьма нужная и необходимая часть, къ „которой относятся всѣ другія части; ибо, „продолжаетъ онъ, выраженія, мысли, фигуры „и всѣ другіе роды украшеній вспомоществу„ютъ доказательствамъ, и употребляются „только для того, чтобъ онымъ придавать „силу....Важное дѣло умѣть нравиться, и важ„нѣе еще умѣть трогать; но въ томъ и дру„гомъ гораздо болѣе успѣешь, естьли будешь „научать и убѣждать слушателей, а этого не „инымъ чѣмъ можно достигнуть, какъ толь„ко силою умозаключенія и доказательствъ.“ Почему Ораторъ долженъ прежде всего искать нужныхъ доказательствъ, разсматривать различные роды оныхъ, и облегчать себѣ средства къ изысканію ихъ.

Доказательства суть или существенныя, въ самомъ предметѣ находящіяся, или должно заимствовать ихъ отвнѣ. Положимъ, что проповѣдникъ разсуждаетъ о нравственной какой нибудь матеріи, на примѣръ, о любви къ ближнему. Побужденія взятыя изъ того, что всѣ люди по природѣ между собою сходны, что они имѣютъ одинаковое начало, по которому суть между собою братія, что родъ человѣческій наслаждался бы совершеннымъ спокойствіемъ и тишиною, естьли бы всѣ составляющіе

оное другъ друга искренно любили, и пр. сіи побужденія суть причины, происходящія изъ предмета. Довольно вникнуть только въ самое его свойство, дабы найти оныя. Свидѣтельства Священнаго Писанія и Отцевъ, примѣры Святыхъ, отличившихся горячею любовію къ ближнему, суть средства посторонния, неугадываемыя и заимствуемыя только отвнѣ.

Легкій способъ изыскивать сіи разные роды доказательствъ, и приличнымъ образомъ прилагать оные къ матеріи своей, есть употребленіе *Реторическихъ мѣстъ*.

Такъ называются *извѣстные главные источники, къ которымъ могутъ относиться всѣ доказательства, употребляемыя въ различныхъ матеріяхъ.*

Сіи реторическія мѣста суть, такъ какъ и доказательства, или внутреннія или внѣшнія; первыя происходятъ изъ самаго предмета, вторыя имѣютъ только стороннее отношеніе къ оному.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Мѣстахъ Реторическихъ внутреннихъ.

Мѣста Реторическія внутреннія, которыхъ полагаютъ весьма много, можно отнести къ семи главнымъ, и они суть слѣдующія: *опредѣленіе, изчисленіе частей, причина и дѣйствія, сравненіе, различіе, противность и обстоятельства.*

I. О Опредѣленіи

Опредѣленіе есть рѣчь, изображающая вещь такою, какова она есть сама въ себѣ, и

дающая объ оной понятіе ясное, точное и отличительное. Но есть различіе между опредѣленіемъ философскимъ и опредѣленіемъ Реторическимъ: одно короче, изъясняетъ только натуру вещи, представляя ея существенныя свойства; другое пространнѣе, и часто изображаетъ отличительныя свойства предмета и дѣйствія, происходящія изъ онаго.

На примѣръ, по философскому строгому опредѣленію, человѣкъ есть животное разумное; краснорѣчіе же и стихотворство употребляютъ изъясненіе гораздо фигуральнѣе. Кто я? говоритъ *Руссо.*

„Кто я? низкая тварь. Кто я? и почто
„Владыка природы толико снисходитъ мнѣ?
„Человѣкъ въ своей краткой жизни ничто иное
„есть, какъ легкій паръ, изчезающій отъ лу-
„чей солнца: блескъ его есть мрачная нощь,
„дни его преходятъ какъ тѣнь, которая чрезъ
„минуту скрывается.“

Любовь, (charitas) Христіанская добродѣтель, состоитъ въ любленіи (amor) Бога и ближнихъ для Него; такъ научаетъ насъ Богословіе. Апостолъ *Павелъ* разпространяетъ сію идею, и открываетъ сколь вѣрно, столь и величественно отличительный характеръ сея высокія добродѣтели.

Любы долготерпитъ, милосердствуетъ; любы не завидитъ, любы не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ; вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ. 1 Кор. XIII, 4, 5, 6, 7.

Одинъ стихотворецъ, не въ состояніи будучи сказать точно, что есть Богъ, принимаетъ сей оборотъ словъ:

„Мы не можемъ ничего рѣшительнаго сказать о семъ Высочайшемъ Существѣ; убо покланяясь Оному, да хранимъ глубокое молчаніе: сія тайна неизслѣдима; разумъ теряется въ ней; дабы изрещи, что такое Богъ есть, должно быть Имъ Самимъ.“

Другой опредѣляетъ Его по дѣйствіямъ Его всемогущества слѣдующимъ образомъ:

„Имя Ему Вѣчный, міръ есть Его твореніе; Онъ слышитъ воздыханія угнѣтеннаго, судитъ всѣхъ смертныхъ безъ лицепріятія и съ высоты престола Своего испытуетъ царей. Отъ гласа Его бѣжитъ море, потрясаются небеса; вся вселенная предъ Нимъ есть ничто, и бренные смертные, игралища смерти, суть предъ очами Его яко не сущіе.“

(Расинъ въ траг. Эсеирь.)

Флешьеръ въ одномъ надгробномъ словѣ доказываетъ опредѣленіемъ, что никто не долженъ превозноситься своимъ умомъ.

„Что есть умъ, которымъ люди толико тщеславятся? Естьли судить о немъ по естеству его, онъ есть огнь, который отъ болѣзни и злоключенія чувствительно слабѣетъ; есть нѣжный темпераментъ, который разстроивается; щастливое образованіе органовъ, которые повреждаются; собраніе и извѣстное движеніе жизненныхъ духовъ, которые истощаются и разсѣяваются; живѣйшая и тончайшая души часть, которая тяготѣетъ и по видимому старѣется

„съ тѣломъ; есть утонченность разума, ко-„торая изпаряется, и тѣмъ болѣе подвержена „изчезанію, чѣмъ она нѣжнѣе и чище. Естьли „судить о немъ въ отношеніи къ Богу, онъ „есть часть насъ самихъ, болѣе любопытная, „нежели знающая, которая заблуждаетъ въ „своихъ мысляхъ, есть сила гордая, которая „часто бываетъ противна смиренію и про-„стотѣ Христіанской, и которая, часто при-„нимая истину за ложь, не знаетъ того, что „надлежитъ знать, и знаетъ то, чего не дол-„жно знать.“ (Надгроб. сл. Г. де Монтозіеру.)

Ничто не можетъ подать намъ вышшаго понятія о краснорѣчіи, какъ сіе опредѣленіе подлиннаго оратора, написаное *Фенелономъ*.

„Человѣкъ достойный вниманія есть тотъ, „который употребляетъ слова только для „изображенія мыслей, а мыслитъ для предста-„вленія истины и добродѣтели.“

Сіи примѣры довольно ясно показываютъ, какъ искуство можетъ украшать идеи, избѣгая сухости умствованія точнаго, но весьма короткаго. Изъ оныхъ также видимъ мы, какъ опредѣленіе употребляется въ рѣчи Ораторской, и во всякой, въ которой говорящій тщится утвердить какую нибудь истину. Свойства онаго происходятъ изъ натуры вещей.

II. О Изчисленіи частей.

Изчисленіе состоитъ въ обозрѣніи различныхъ обстоятельствъ, приличествующихъ вещи съ тѣмъ, чтобъ дать полное понятіе объ оной.

Расинъ въ первомъ хорѣ *Гоѳоліи*, приступая къ описанію благости Божіей, говоритъ такъ:

„Вся вселенная исполнена славы ея: вос-„поемъ, возвѣстимъ ея щедроты!"

Вотъ вся идея: благодѣянія Божіи. Вотъ и изчисленіе оныхъ, болѣе дающее намъ чувствовать, колико мы обязаны благодарить Творца.

„Онъ даетъ цвѣтамъ плѣнительную лѣпо-„ту, Имъ произрастаютъ и созрѣваютъ пло-„ды, Онъ размѣряетъ дневный зной и нощный „хладъ; земля, пріемлющая сѣмена, возвра-„щаетъ оныя съ избыткомъ. Онъ повелѣваетъ „солнцу оживлять природу, свѣтъ есть дая-„ніе рукъ Его; но Его святый, Его чистый „законъ есть богатѣйшій даръ человѣкамъ."

Изчисленіе важно въ словѣ потому, что оно болѣе трогаетъ, нежели простое умозаключеніе. Для сего большая часть проповѣдниковъ часто употребляютъ сіе общее мѣсто, возбуждающее вниманіе слушателя. *Массиліонъ*, на примѣръ, очень удачно употребляетъ оное для того, чтобы доказать, колико страсти несчастными дѣлаютъ вельможъ, оставляющихъ Бога.

„Обозри всѣ страсти, говоритъ онъ, ты „увидишь, что онѣ мучительнѣе и несноснѣе „владычествуютъ надъ сердцами вельможъ, „живущихъ въ забвеніи Бога. Паденія ихъ бѣд-„ственнѣе; чѣмъ излишнѣе ихъ гордость, тѣмъ „прискорбнѣе для нихъ посрамленіе. Въ нена-„висти они жесточае; поелику ложная слава „болѣе ихъ напыщаетъ, то они яростнѣе и „лютѣе бываютъ, видя презрѣніе. Въ страхѣ „они безмѣрно мучатся; свободны будучи отъ

„существенныхъ золъ, они выдумываютъ хи-
„мерическія, и листъ, колеблемый вѣтромъ,
„для нихъ есть гора, готовящаяся къ паденію
„и подавленію ихъ. Въ болѣзняхъ они мало-
„душнѣе; чѣмъ кто пристрастнѣе къ жизни,
„тѣмъ сильнѣе безпокоитъ его все угрожающее
„оной. Какъ они привыкли ко всему плѣняю-
„щему и услаждающему чувства, то легчай-
„шая скорбь разстроиваетъ все ихъ благопо-
„лучіе, и имъ несносна. Они не умѣютъ пока-
„зывать благоразумія ни въ болѣзни, ни въ
„здравіи, ни въ щастіи, ни въ горестяхъ, соеди-
„ненныхъ съ здѣшнимъ состояніемъ человѣка.
„Удовольствія сокращаютъ лѣта ихъ, и печа-
„ли, всегда слѣдующія за оными, ускоряютъ
„ихъ смерть . . . Наконецъ подчиненность для
„нихъ скучнѣе; воспитаны будучи своенрав-
„ными и прихотливыми, они отягощаются
„всѣмъ тѣмъ, что ихъ принуждаетъ и наси-
„луетъ. Удаленіе отъ Двора почитаютъ они
„плачевною ссылкою; находясь при ономъ, жа-
„луются непрестанно на принужденность ис-
„полнять свои должности и разные обряды;
„они не могутъ сносить ни спокойствія при-
„ватной, ни блеска общественной жизни; по-
„кой имъ столь же несносенъ, какъ и безпо-
„койствіе, или лучше сказать, они вездѣ въ
„тягость самимъ себѣ."

Иногда въ изчисленіи представляется только одна матерія безъ доказательствъ, какъ въ слѣдующемъ прекрасномъ мѣстѣ надгробнаго слова Англинской Королевѣ, говореннаго *Боссюетомъ:*

„Вы увидите въ жизни ея одной всѣ

„крайности судьбы человѣческой щастіе и бѣд-
„ствія безпредѣльныя; долговременное и спо-
„койное наслажденіе царствованіемъ славнѣй-
„шимъ изъ всѣхъ во вселенной; все, что зна-
„менитая порода и величество имѣютъ бли-
„стательнѣйшаго, украшавшее главу ея, кото-
„рая потомъ подверглась всѣмъ лютостямъ
„рока; добрые успѣхи, послѣдовавшіе за пра-
„вымъ дѣломъ, и потомъ нечаянные перево-
„роты, неслыханныя перемѣны; возмущеніе,
„усмиренное на долгое время и наконецъ со-
„вершенно усилившееся, своевольство необуз-
„данное, законы уничтоженные, величество
„поруганое наглостями, дотолѣ неизвѣстны-
„ми; хищеніе и мучительство подъ именемъ
„вольности, Королеву убѣгающую, которая не
„находитъ никакого пристанища въ трехъ
„государствахъ, и для которой собственное
„отечество есть уже какъ бы печальное мѣ-
„сто заточенія; девять путешествій по морю
„предпріятыхъ ею, съ презрѣніемъ бурь и не-
„погодъ; Океанъ изумленный толикократнымъ
„плаваніемъ по водамъ его, въ разныхъ видахъ
„и для разныхъ причинъ; престолъ позорно
„опровершенный, и чудесно возстановленный,—
„вотъ наставленія, которыя Богъ даетъ
„Царямъ! и пр."

Польза изчисленія ощутительна во всѣхъ частяхъ рѣчи: 1-е въ приступѣ, гдѣ Ораторъ объявляетъ свою матерію, и ее раздѣляетъ; 2-е въ срединѣ слова, гдѣ приводятся по порядку разныя доказательства, служащія подпорою главному предложенію; 3-е наконецъ въ заключеніи, которое часто бываетъ повтореніемъ

главныхъ разобранныхъ пунктовъ, какъ то ниже въ другомъ мѣстѣ показано будетъ.

Изчисленіе полезно въ нравоучительномъ словѣ, и вводитъ въ оное пріятный порядокъ, но наипаче оно нужно въ панегирикахъ и словахъ надгробныхъ, содержащихъ въ себѣ или похвалу добродѣтелей Святаго, или качествъ какой нибудь особы знаменитой достоинствомъ и породою; ибо въ семъ случаѣ Ораторъ долженъ достаточно изчислить всѣ оныя добродѣтели, дабы достигнуть своей цѣли.

III. О причинѣ и дѣйствіяхъ.

Ораторъ, имѣя нужду часто употреблять сіи общія мѣста, долженъ знать, какъ ими пользоваться.

Разсматривая причину и дѣйствія, хвалятъ или охуждаютъ какое нибудь дѣло, совѣтуютъ предпріять что нибудь или отсовѣтываютъ.

Какая, на примѣръ, причина большей части безпорядковъ? Праздность. Почему должно на полезное и Христіански употреблять время, Богомъ данное намъ.

Какія дѣйствія мудраго и благоразумнаго поведенія? Спокойствіе совѣсти и уваженіе отъ общества. Почему собственная польза наша побуждаетъ насъ вести себя честно.

Симъ-то образомъ Ораторъ долженъ изслѣдывать качество дѣла, добро или зло, могущее изъ онаго происходить, дабы открывать цѣну онаго или опасность.

Но наипаче конецъ и цѣль, предполагаемая въ дѣйствіи, есть для него обильный

источникъ средствъ, котораго не должно ему пренебрегать.

Богъ не внемлетъ молитвамъ нашимъ, говоритъ *Вурдалу*; поелику мы у Него не того просимъ, чего просить надобно.

„Вотще сынъ вѣка сего проситъ того, „чѣмъ онъ можетъ содержаться въ своемъ со„стояніи, и поддерживать свое званіе. Поелику „состояніе его, или лучше сказать мысли, ка„кія онъ питаетъ объ ономъ, основываются на „началахъ или безмѣрнаго любочестія, или не„насытимаго сребролюбія; то Богъ, имѣющій „неограниченный разумъ, проникаетъ въ его „намѣренія, и дѣлаетъ оныя безуспѣшными. Во„тще отецъ проситъ Бога, да поможетъ ему „пристроить дѣтей; поелику онъ въ разсуж„деніи ихъ имѣетъ въ виду нечестивое, одно „мірское располагаетъ въ умѣ; то Богъ не ува„жая наружныхъ знаковъ его смиренной мо„литвы, узнаетъ причину оныя, и по Его пра„ведному суду не только не возвышается сіе „семейство, но еще приходитъ въ крайнее ра„зореніе и бѣдственно упадаетъ. Вотще жена „проситъ тѣлеснаго здравія : какъ здравіе по „ея намѣреніямъ, должно только способство„вать ея праздности, ея лѣности и можетъ „быть ея своевольству и распутству; то Богъ „всевидецъ не только не удаляетъ отъ нея „Своей поражающей руки, но наноситъ ей еще „сильнѣйшіе удары, и она, въ своей застарѣлой „немощи, лишается всего того, что могло ее „утѣшать и поддерживать ея мечты, и пр.“

(Слово о молитвѣ.)

Почему многіе люди не находятся въ тѣхъ званіяхъ, къ которымъ они предопредѣлены были? Потому что всякой въ выборѣ состоянія не совѣтуется съ уставомъ Провидѣнія, останавливается безразсудно на видахъ щастія, успѣха, и одна прихотливость причиною различія нашихъ назначеній. „Въ самой вещи „взойдемъ къ главному источнику, говоритъ „*Массильйонъ*, и посмотримъ, для чего сей опре-„дѣлился къ приказнымъ дѣламъ? Онъ разсудилъ, „что удобнѣе можетъ составить свое щастіе „служа въ гражданскомъ состояніи, нежели въ „чинѣ воинскомъ. Для чего тотъ принялъ во-„инскій чинъ? Имя его и служба его предковъ „побудили его искать всякаго отличія, а дру-„гой родъ жизни оставилъ бы его въ неизвѣ-„стности, какъ частнаго человѣка. Для чего „сей всѣмъ своимъ имѣніемъ платитъ за дол-„жность, по которой онъ близокъ къ престо-„лу? Для того, что находящіеся предъ очами „Царя находятся при источникѣ милостей. „Что побуждаетъ сего посвятить себя на слу-„женіе олтарю? чего онъ ищетъ въ церкви? „сокровищей ея, или трудовъ? почестей или „упражненій? великолѣпія святилища, или Бога „покланяемаго въ ономъ? Къ сему смиренному „служенію приводятъ его виды возвышенія и „славы; къ сему служенію, соединенному съ „трудами и подвигами, ведетъ его надежда „покоя и праздности; къ сему служенію без-„корыстія, цѣломудрія и любви влечетъ его „намѣреніе жить роскошно, расточительно „и пышно, и яко вѣроломный *Геліодоръ* при-„ходитъ онъ въ храмъ потому только, что

„всегда слышалъ о безмѣрномъ богатствѣ, ко-
„торое можетъ найти въ ономъ, и пр.“

(Слово о званіи.)

IV. *О сравненіи.*

Сравненіе, вообще, есть сношеніе двухъ предметовъ между собою различныхъ, но сходственныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. На семъ сходствѣ основывается заключеніе отъ одного предмета къ другому, и въ видѣ слѣдствія Ораторъ прилагаетъ ко второму то, что прежде сказалъ относительно къ первому.

Сіе заключеніе, какъ очевидно, должно содержать только то, что есть общее двумъ сравниваемымъ предметамъ, и оно бываетъ трояким образомъ: отъ большаго къ меньшему, отъ меньшаго къ большему, и отъ равнаго къ равному.

1. Отъ большаго къ меньшему заключаютъ тогда, когда одна вещь важнѣе другой вещи, съ которою сравнивается. Іисусъ Христосъ дѣлаетъ таковое сравненіе, говоря: *вы глашаете Мя учителя и Господа, и добрѣ глаголете, есмь бо: аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должны есте другъ другу умывати нозѣ.* (Іоан. XIII, 13, 14.)

Есть еще сравненіе сего рода у Апостола *Павла,* возбуждающаго упованіе наше на Бога изображеніемъ великой Его благодати, засвидѣтельствованной посланіемъ на землю Сына: *Иже Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его; како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. VIII, 32.)

„Видѣлъ свѣтъ, говоритъ *Массиліонъ*, свя-
„тыхъ пустынножителей, кои, проведши всю
„жизнь въ покаяніи, смущались на смертномъ
„одрѣ великимъ страхомъ, котораго почти не
„льзя было истребить; отъ трепета ихъ
„тряслось бѣдное и суровое ихъ ложе, они
„умирающимъ голосомъ непрестанно вопроша-
„ли братій своихъ: *думаете ли вы, что Господь*
„*явитъ мнѣ милосердіе*? Они почти готовы были
„пасть въ отчаяніе, естьли бы Твое, о мой
„Боже! присутствіе вдругъ не утишило бури,
„и не повелѣло паки престать вѣтрамъ и
„морю; нынѣ же всякій послѣ мірской, чувст-
„венной, разсѣянной жизни умираетъ спокой-
„но, и признаванный служитель Христовъ обя-
„занъ поддерживать ложное спокойствіе уми-
„рающаго, говорить ему только о неоскудѣ-
„ваемомъ богатствѣ милосердія Божія, и, такъ
„сказать, спомоществовать ему прельщать
„самаго себя.“ (Слово о маломъ числѣ избранныхъ.)

2. Отъ меньшаго къ большему заключаютъ тогда, когда одна вещь ниже другой, съ которою сравнивается. Іисусъ Христосъ, дабы вдохнуть ученикамъ Своимъ упованіе на Бога, приводитъ два сравненія сего рода.

Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ; не вы ли паче лучши ихъ есте? . . . И о одежди что печетеся? смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ, и проч. (Матѳ. VI, 26, 28.)

Тертулліанъ въ своей Апологіи за Христіанъ употребляетъ сравненіе сего рода, изобличая

язычниковъ въ томъ, что они не воздаютъ великимъ мужамъ тѣхъ почестей, какія воздаютъ своимъ богамъ: „почто у васъ заслу„жили осужденіе тѣ, которымъ соучаствую„щихъ вы обожаете? сколько лучшихъ и важ„нѣйшихъ мужей оставили вы во адѣ? да и за „что же? Сократа за мудрость, Аристида за „справедливость, Ѳемистокла за военное ис„кусство, Александра за величество, Поликрата „за щастіе, Креза за богатство, Демосѳена за „краснорѣчіе. Кто изъ боговъ вашихъ прему„дрѣе Катона? кто справедливѣе и въ воин„скихъ дѣлахъ искуснѣе Сципіона? кто слав„нѣе Помпея? щастливѣе Силлы? богатѣе Крас„са? краснорѣчивѣе Туллія?“ И наконецъ онъ заключаетъ, что сіи знаменитые мужи имѣютъ большее право на ихъ почитаніе, нежели ихъ скаредные боги.

Тоже видѣть можно въ одномъ словѣ *Бурдалу*, гдѣ онъ показываетъ, сколь безуменъ невѣрный, отвергающій Провидѣніе.

„Онъ вѣритъ, говоритъ сей проповѣдникъ, „что доброе правленіе государства зависитъ „отъ одной мудрости и благоразумія Государя; „онъ вѣритъ, что домъ не можетъ стоять „безъ присмотра и распоряженія хозяйскаго; „онъ вѣритъ, что не льзя кораблю благопо„лучно плыть безъ вниманія и искусства корм„чаго; и когда онъ видитъ сей корабль бѣгу„щимъ по открытому морю, сей домъ въ благо„устройствѣ, сіе государство въ порядкѣ и ти„шинѣ, то безъ всякаго сомнѣнія заключаетъ, „что есть здѣсь разумъ, которой начальст„вуетъ и назираетъ. Но иначе разсуждаетъ

„онъ при созерцаніи міра, онъ хочетъ, чтобы „бы весь сей великій и пространный міръ „въ семъ удивительномъ порядкѣ, въ какомъ „мы его видимъ, стоялъ безъ Провидѣнія: не „есть ли это идти противъ собственныхъ „своихъ понятій и противорѣчить своему „разуму?" (Слово о Промыслѣ.)

3. Отъ равнаго къ равному заключаютъ, когда одной изъ двухъ сравниваемыхъ вещей приписываютъ то, что находятъ въ другой. Симъ образомъ Іисусъ Христосъ совѣтуетъ намъ любить ближнихъ, увѣряя, что Богъ точно такъ поступитъ съ нами, какъ мы поступать будемъ съ ближними.

Не судите, и не судятъ вамъ; и не осуждайте, да не осуждени будете; отпущайте, и отпустятъ вамъ; дайте, и дастся вамъ Тою бо мѣрою, еюже мѣрите, возмѣрится вамъ. (Лук. VI, 37, 38.)

Массильйонъ, сказавши своимъ слушателямъ, что главный источникъ нашего противоборствія волѣ Божіей есть суемудренный разумъ, который всегда судитъ о дѣлахъ Господнихъ по своимъ собственнымъ понятіямъ, присовокупляетъ:

„Почтимъ тайны Божія, братіе мои! Естьли то, что мы познаемъ изъ дѣлъ Его, кажется намъ Божественнымъ и чудеснымъ, почто также не заключать и о томъ, чего мы „изъ оныхъ не постигаемъ? Естьли Онъ толико премудръ въ дѣлахъ явныхъ, почто таковымъ же не почитать Его въ дѣлахъ таинственныхъ? Ежели во всемъ составѣ міра „сего видимъ мы согласіе, премудрость и свѣтъ,

„почто вѣру, которая есть превосходнѣйшее „дѣло Его разума, почитать вмѣстилищемъ „неустройства и мрака? и ежели Онъ столь „изящно соразмѣрилъ и упорядочилъ видимыя „вещи, вещи подлежащія тлѣнію; то могъ ли „Онъ оставить въ безпорядкѣ вещи невидимыя, „которыя также вѣчны, какъ и Онъ самъ „есть вѣченъ?“ (Слово о повиновеніи волѣ Божіей.)

V. *О различіи.*

Различіе ничто иное есть, какъ нѣкоторая противность, встрѣчающаяся между двумя сравниваемыми предметами. Оно тогда хорошо, когда сравниваютъ два предмета дѣйствительно различные, или настоящее состояніе одного и тогоже предмета съ прошедшимъ состояніемъ онаго.

Массильйонъ ясно показываетъ различіе между добродѣтелію, происходящею отъ вѣры, и добродѣтелію, изъ сего источника не произтекающею:

„Одна вѣра раждаетъ твердую добро„дѣтель, ибо ея побужденія къ оной непремѣня„емы. Пусть вѣрующій терпитъ стыдъ и по„ношеніе отъ человѣковъ; добродѣтель его „тѣмъ изящнѣе и славнѣе ему кажется. Пусть „жизнь его будетъ въ опасности, онъ не вос„хощетъ искупить ея съ потерею добродѣте„ли. Сокровенность и безопасность отъ на„казанія не могутъ привлечь его къ пороку; „ибо онъ боится единаго судіи Бога, и стра„шится только укора совѣсти, яко тяжкаго „наказанія: пусть и слава и всенародныя хвалы

„поощряютъ его къ какому нибудь гордому „и неправедному предпріятію; но то правило, „которое осуждаетъ оное, и его должность „важнѣе для него одобреній всего свѣта. Перемѣните, какъ вамъ угодно, обстоятельства „истиннаго праведника, міръ можетъ перемѣняться въ отношеніи къ нему, людскія сужденія и рѣчи, кои нынѣ его возносятъ, могутъ „завтра его унизить и повергнуть, щастіе „его можетъ перемѣниться; но при перемѣнѣ „ея, не перемѣнится его добродѣтель... Найдите, естьли можите, такую же твердость въ „добродѣтеляхъ мірскихъ; онѣ, весьма часто „раждаясь отъ славолюбія и гордости, чрезъ „минуту находятъ въ оной гробъ свой, начнутъ „блистать предъ взоромъ народа, и скоро, „какъ ложные огни, погаснутъ при удаленіи „отъ онаго; основываемы будучи на обстоятельствахъ, на случаяхъ, на сужденіяхъ „свѣтскихъ, падаютъ онѣ непрестанно съ слабыми основаніями своими; завися отъ самолюбія, колеблются по причинѣ непостоянства „онаго; наконецъ, яко недостаточное произведеніе человѣка, онѣ такъ какъ и человѣкъ, „ничтожны. Представится сему добродѣтельному вѣка сего вѣрный случай обезславить „врага своего, или вытѣснить совмѣстника; „здѣсь долженъ онъ удержать и сохранить „честь великодушнаго мужа: но нѣтъ! онъ не „уважитъ того. Естьли мщеніе не сдѣлаетъ „ущерба его чести, то онъ не почтетъ оное „унизительнымъ для своей добродѣтели. Поставьте его въ такомъ состояніи, въ которомъ могъ бы онъ удовлетворять своимъ

„страстямъ, не лишаясь уваженія другихъ, „онъ не будетъ находить трудности въ согла„шеніи оныхъ съ своею должностію; однимъ „словомъ, почитаемо быть добрымъ для него „то же, что быть дѣйствительно добрымъ.“

(Слово о славѣ человѣческой.)

Находимъ мы въ книгахъ Пророческихъ поразительные примѣры сего общаго мѣста. *Іеремія* весьма сильно и трогательно изображаетъ ужасное разореніе преславнаго града Іерусалима: *Како сѣде единъ градъ умноженный людьми?* и пр.

Расинъ въ первомъ хорѣ трагедіи *Эсвиръ*, подражаетъ плачу *Іеремій* слѣдующимъ образомъ:

„Бѣдный Сіонъ! гдѣ теперь твоя слава? „Вся вселенная удивлялась твоему великолѣ„пію; теперь ты прахъ, и величества твоего „осталось одно печальное воспоминаніе. Сіонъ, „возвышавшійся прежде до небесъ, нынѣ низ„веденный даже до ада! могу ли я молчать, „когда твое бѣдствіе, изображенное мною въ „пѣсняхъ, до послѣдняго моего издыханія бу„детъ занимать мои мысли?“

Можно также представить въ примѣръ различія сіе мѣсто изъ той же трагедіи.

„Видѣлъ я нечестиваго обожаема на земли; „яко кедръ скрывалъ онъ въ небесахъ гордое „чело свое. Онъ, казалось, повелѣвалъ грому, „попиралъ ногами враговъ побѣжденныхъ; ви„дѣлъ я это, и прошелъ только мимо его,— „онъ изчезъ.“

И сіи слова *Сатаны* къ *Веэльзевулу* изъ потеряннаго рая *Мильтонова*.

„Ты ли Херувимъ, прежде покрывавшій

„другихъ сѣнію крылъ своихъ? ты ли тотъ „Ангелъ, котораго сіяніе помрачало небеса? О, „какъ мало нынѣ походишь ты на него! взаим-„ный союзъ, согласіе мыслей и намѣреній, та „же надежда и тѣ же опасности привели тебя „со мною къ славному предпріятію. Увы! те-„перь бѣдствіе соединяетъ насъ; ты видишь, „въ какую бездну и съ какой высоты мы низ-„пали. Молнія низпровергла наши полки. Же-„стокое оружіе, котораго сила доселѣ была „намъ неизвѣстна!“

VI. О противныхъ.

Противными называются тѣ вещи, которыя не могутъ быть въ одно время въ едином предметѣ.

Сіе общее мѣсто употребляется въ рѣчи для того, чтобы одну идею опровергнуть другою, и показать, что одинъ предметъ весьма противоборствуетъ другому, и съ симъ вмѣстѣ стоять не можетъ.

Противно, на примѣръ, истинѣ думать, что чести не обязываютъ насъ ни къ какой должности. Сообразно сему началу *Бурдалу* дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ честолюбивымъ, которые ищутъ оныхъ для того только, чтобы жить веселѣе.

„Какой отвѣтъ дадите вы Богу, о сыны „вѣка сего! или чѣмъ вы оправдите свою праз-„дность и недѣятельность, занимая мѣста, „требующія неусыпнаго бдѣнія и великаго вни-„манія? Что *Бернардъ* говорилъ по смиренію, „то вы можете говорить по истинѣ: *я хи-„мера вѣка сего;* ибо я есмь все, и есмь ничто;

„или лучше, я хочу достигнуть всего, и не „дѣлать ничего. Я градоправитель, но имѣю „только власть и одежду градоправителя,— „это значитъ быть градоправителемъ и не „быть. Я судія, но имѣю только богатство „и пышность судіи; это значитъ быть су„діею и не быть. Я служитель церкви, но „ношу только чинъ и одѣяніе служителя цер„кви;—это значитъ быть церковнослужите„лемъ и не быть: *химера вѣка сего!* Прекрасное „зрѣлище, продолжаетъ тотъ же *Бернардъ*, го„воря о нѣкоторыхъ служителяхъ Хрісто„выхъ, прекрасное зрѣлище видѣть ихъ посвя„тившихъ себя Церкви, но для чего? Для того, „чтобы собирать доходы, чтобы показывать„ся въ златой одеждѣ, а не для того, чтобы „служить олтарю, находиться при Божест„венной службѣ, облегчать нужды бѣдныхъ, „наставлять людей, упражняться въ назиданіи „душъ, имъ ввѣренныхъ Провидѣніемъ. Что „они суть? Ихъ ничѣмъ не льзя назвать; ибо, „естьли по истинѣ судить, они ни свѣтскіе, „ни духовные, ни статскіе, ни военные; *хи„мера вѣка сего!*“ (Слово о честолюбіи.)

Иногда противныя представляютъ только противоположеніе, находящееся между двумя различными состояніями, какъ видно въ сихъ словахъ *Массильйона*.

„Какое благодѣяніе можетъ сравниться съ „освобожденіемъ отъ ига грѣховнаго? Ты по„раженъ будучи ужасомъ злодѣяній своихъ, „пришелъ исповѣдать оныя предъ олтаремъ, и „далъ Богу обѣщаніе жить исправнѣе. Вспомни

,,то плачевное состояніе, изъ котораго благо-
,,дать тебя извлекла. Ты былъ сынъ гнѣ-
,,ва, членъ антихріста, чудовище порока; ты
,,былъ обремененъ тысящами проклятій, ко-
,,торыя дѣлали тебя вѣчнымъ врагомъ Божі-
,,имъ; ты уже не имѣлъ участія въ упованіи
,,Хрістіанъ, ты былъ уже осужденъ, и осуж-
,,деніе твое было несомнѣнно: нещастіе твое
,,могло ли быть ужаснѣе? По сему бѣдствен-
,,ному состоянію противопоставь положеніе,
,,въ которомъ благодать Таинствъ тебя у-
,,твердила; ты сталъ чадомъ Божіимъ, наслѣд-
,,никомъ неба и будущихъ обѣтованій, живымъ
,,членомъ Іисуса Хріста; душа твоя, облекшись
,,въ правду, содѣлалась жилищемъ Духа Свя-
,,таго; ты получилъ даръ любви, даръ нетлѣн-
,,ный и превышающій всѣ блага земли, даръ,
,,съ которымъ ты имѣешь всѣ другіе дары, и
,,безъ котораго, хотя бы ты былъ на тронѣ,
,,ты ничто. Что можно еще присовокупить
,,къ великости сего благодѣянія Божія?"

(Слово о вторичномъ грѣхопаденіи.)

Противныя также состоятъ часто въ простомъ противоположеніи двухъ идей, которыя отъ онаго взаимную ясность получаютъ. Симъ-то образомъ *Тертулліанъ* противополагаетъ добродѣтели Хрістіанъ добродѣтелямъ мудрѣйшихъ Философовъ языческихъ.

,,Естьли разсудимъ о цѣломудріи и тѣхъ
,,и другихъ Демокритъ, лишая себя зрѣнія,
,,признается въ сладострастіи, то есть, что
,,онъ не могъ взирать на женщинъ и не чув-
,,ствовать похоти, и жалѣлъ, когда не полу-
,,чалъ желаемаго: но Хрістіанинъ, здравыми

„очами взирая на жену, слѣпъ душею, и не „имѣетъ плотскаго вожделѣнія. Естьли скажемъ о кротости, се Діогенъ гордые ковры „Платона грязными ногами съ другою гордостію попираетъ, но Хрістіанинъ ниже предъ „убогими гордится. Естьли представимъ безкорыстіе, се Пиѳагоръ у Туріянъ, Зенонъ у „Принессовъ добиваются тиранніи; но Хрістіанинъ не ищетъ власти. Естьли о вѣрности „воспомянемъ, Анаксагоръ пришельцамъ не отдалъ поклажи; Хрістіанинъ и внѣ дома своего „вѣренъ. Естьли спросить о великодушіи, Аристотель безчестно поступилъ съ сродникомъ „своимъ Герміемъ; Хрістіанъ и врага своего „не оскорбляетъ, и пр.“

Есть еще способъ употреблять противныя въ рѣчахъ съ успѣхомъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобъ прежде сказать о вещи то, что она не есть, дабы предоставить слушателю удовольствіе предусмотрѣть подлинное оной опредѣленіе, какъ видно въ семъ примѣрѣ.

„Ежели бы не превзошелъ онъ человѣческія добродѣтели, ежели бы его мужество и „благоразуміе не оживлены были духомъ вѣры „и любви; то помѣстилъ бы я его на чреду „Фабіевъ и Сципіоновъ, оставилъ бы суетности попеченіе воздавать честь суетѣ, и не „пришелъ бы въ мѣсто освященное гласить „похвалу человѣку, благочестіемъ не озаренному. Ежели бы онъ скончалъ дни свои въ „слѣпотѣ и заблужденіи, то вотще я восхвалилъ бы добродѣтель неувѣнчанную Богомъ, „напрасныя бы пролилъ я слезы на его гробѣ; „а ежели бы и проповѣдалъ я славу его, то развѣ

„токмо для того, чтобъ возрыдать о его „бѣдствіи. Но, благодареніе Господу Іисусу! я „бесѣдую о Христіанинѣ, свѣтомъ вѣры про„свѣщенномъ, дѣйствующемъ по правиламъ за„кона чистаго, и отъ искренняго благочестія „приносящемъ на жертву сокрушенія все то, „что можетъ ласкать любочестію или гордынѣ „человѣческой.“ (Флешьеръ въ надгр. словѣ Тюррену.)

VII. О обстоятельствахъ.

Обстоятельства суть изъ всѣхъ общихъ мѣстъ такое мѣсто, отъ котораго Ораторъ можетъ получать весьма великую пользу. Они изображаютъ подлинное состояніе вещей, они раздѣляютъ и отличаютъ дѣла человѣческія, представляютъ оныя добрыми или порочными, презрѣнными или ироическими.

Обстоятельства относятся къ дѣлу и лицамъ; относящіяся къ дѣлу суть: мѣсто, время, средства, побужденія и способъ; относящіяся къ лицамъ суть: имя, возрастъ, состояніе, страсти, и проч.

Пророкъ изображаетъ неблагодарность грѣшниковъ обстоятельствами, относящимися къ ихъ лицамъ.

Ты же, человѣче равнодушне, владыко мой и знаемый мой, иже купно со мною наслаждался еси брашенъ; въ дому Божіи ходихомъ единомышленіемъ. (Псал. 54. ст. 14 и 15.)

Массильйонъ, дабы доказать грѣшнику гнусность его вторичнаго паденія, напоминаетъ ему то время, когда первыя преступленія ему прощены были, и какъ онъ получилъ сіе благо-

дѣяніе, — два обстоятельства дѣлающія его болѣе виновнымъ:

„Въ какой опасности была ты, невѣрная „душа, когда Богъ тебя посѣтилъ? Увы! въ „глубокомъ усыпленіи ты готова была низ-„ринуться въ послѣднюю бездну нечувстви-„тельности, откуда нѣтъ уже возвращенія; и „ты бы совсѣмъ можетъ быть погибла, есть-„ли бы Онъ въ семъ бѣдствіи не явилъ тебѣ „благодати Своей. Какое время избралъ Онъ „явить тебѣ оную? Ахъ! можетъ быть время „самаго грѣха твоего, время, когда ты неистов-„ствовала и краткость удовольствія пред-„почитала Богу твоему; въ сію ужасную ми-„нуту, въ которую могъ бы Онъ поразить „тебя всѣми громами Своими, Онъ низлилъ на „тебя росу милостей. Есть ли что трога-„тельнѣе благодѣянія, оказываемаго въ то „время, когда пріемлющій оное озлобляетъ да-„ющаго? Что ты чувствовала, когда Онъ удо-„стоилъ тебя милосердаго воззрѣнія? Была ли „ты щастлива въ удовольствіяхъ своихъ безъ „Него? Ты предана была тѣмъ горестямъ, ко-„торыя обыкновенно слѣдуютъ за страстями, „оставлена была тварямъ, которыхъ Творцу „предпочитала; удовольствія казались тебѣ „уже скучными, и во грѣхѣ своемъ ничего ты „не находила, кромѣ мучительныхъ грызеній; „и въ семъ-то положеніи своемъ ты обману-„тая ложными богами, на которыхъ надежду „возлагала, въ семъ положеніи что узрѣла ты? „Господь умилосердился надъ тобою, посѣтилъ „тебя сѣтующую, сталъ твоимъ утѣшите-„лемъ, другомъ скорби твоея. Ахъ, могъ ли

„Онъ избрать лучшее время на то, чтобъ „дать тебѣ возчувствовать цѣну Его благо„дѣянія, и обязать тебя къ вѣчному благода„ренію и вѣрности? но ты,“ и проч.

Обстоятельства, послѣдовавшія за смертію *Тюренна*, чувствительнѣйшею дѣлаютъ потерю сего Героя. И потому—то *Флешьеръ* скопилъ оныя съ великимъ искуствомъ, дабы возбудить вящшее сожалѣніе въ націи:

„Едва я не прерываю здѣсь слова моего; „смущаюсь я, слушатели; *Тюреннъ* умираетъ, „все приходитъ въ замѣшательство, колеб„лется фортуна, побѣда томится, миръ у„текаетъ, добрыя намѣренія союзниковъ про„хлаждаются, мужество войскъ отъ печали „изнемогаетъ, и возбуждается мщеніемъ, весь „станъ въ неподвижности пребываетъ. Ране„ные не о ранахъ, но о претерпѣнной ими „потерѣ помышляютъ; умирающіе отцы от„сылаютъ сыновъ своихъ проливать слезы на „тѣло умершаго ихъ вождя; войско, облачен„ное въ печаль, занимается возданіемъ ему „погребательнаго долга; а гласъ вѣщанія, раз„сѣевающій въ міръ повѣствованія о произ„шествіяхъ чрезвычайныхъ, течетъ испол„нить всю Европу разглагольствіемъ о слав„ной жизни онаго князя, и прискорбнымъ со„жалѣніемъ о смерти его. Сколько воздыханій, „сколько жалостныхъ воплей, сколько похвалъ „тогда разнеслось во градахъ и селахъ! Одинъ, „видя растущее жито свое, благословляетъ „память того, которому онъ обязанъ надеж„дою жатвы; другой, спокойно еще владѣя „наслѣдствомъ, полученнымъ отъ предковъ

„своихъ, желаетъ вѣчнаго покоя избавившему „его отъ безчинствъ и лютостей брани. Здѣсь „приносится Хрісту молитвенная жертва о „душѣ принесшаго жизнь и кровь свою въ „жертву общему благу; тамъ учреждается ему „погребеніе, гдѣ чаяли устроить для него „торжество. Всякъ избираетъ то, что ему „блистательнѣйшимъ въ жизни толико изящ„ной представляется. Всѣ предпріемлютъ хва„лу ему, и каждый своими воздыханіями и сле„зами прерывая слово свое, удивляется про„шедшему, скорбитъ о настоящемъ, и трепе„щетъ помышляя о будущемъ. Тако цѣлое „государство оплакиваетъ смерть своего за„щитника, и потеря единаго человѣка есть „бѣдствіе общее." (Надгроб. слово Тюренну.)

Изъ всего сказаннаго нами о внутреннихъ Реторическихъ мѣстахъ можно узнать, какое есть общее дѣйствіе оныхъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобъ точное понятіе о предметѣ своего слова подавать опредѣленіемъ, раздѣлять всѣ части онаго изчисленіемъ, изслѣдывать и выставлять всѣ отношенія и противности, которыя могутъ встрѣчаться между предметомъ разбираемымъ и какимъ нибудь другимъ, находить истинную причину, производящую дѣйствіе, и слѣдствія, которыя происходятъ изъ оной; наконецъ настоять на обстоятельства, изображающія свойство предмета, и различающія оной отъ всякаго другаго.

Можно также изъ сихъ различныхъ подробностей заключить, что Реторическія мѣста полезны Оратору, а особливо тому, который

еще вступаетъ въ поприще свое. Дабы ощутительнѣе сіе представить, посмотримъ, какую пользу можетъ онъ почерпать изъ оныхъ, разбирая какой нибудь предметъ. На примѣръ, хочетъ онъ говорить о злословіи; вотъ, безъ сомнѣнія, матерія важная и могущая заключать въ себѣ великія подробности. Пусть онъ прибѣгнетъ къ методѣ общихъ мѣстъ, то выполнитъ планъ свой достаточнымъ образомъ.

1. *Опредѣленіе* подастъ справедливое понятіе о злословіи, и откроетъ свойство онаго.

2. *Изчисленіе* разберетъ различные виды онаго, кои суть: злословія жестокія, терзающія явно честь ближняго; злословія лицемѣрныя, которымъ ревность и польза религіи служатъ предлогомъ; злословія опаснѣйшія, которыя скрываются въ безразсудныхъ шуткахъ; злословія безгласныя, и проч.

3. *Причины* покажутъ, что сей порокъ обыкновенно произходитъ отъ гордости, зависти, ненависти, мщенія, корыстолюбія, досады, своенравія, и проч.

4. *Дѣйствія* увѣрятъ, что онъ погубляетъ вмѣстѣ и злословимыхъ и злословящихъ, и тѣхъ, при которыхъ злословіе сіе бываетъ.

5. *Обстоятельства* представятъ, что онъ можетъ обнаруживаться тѣлодвиженіемъ, тономъ голоса, такъ какъ и словами.

6. *Сравненіе*, что онъ подобенъ зміиному яду, который распространяется со щекотаніемъ, по выраженію Писанія, и проч.

7. Наконецъ *противныя* откроютъ ощутительное различіе между злословіемъ и любовію Христіанскою.

Всѣми сими пособіями, истощающими матерію, вспомоществуемъ будучи Ораторъ, долженъ употреблять оныя кстати, твердо доказывать свое главное предложеніе, раздѣленія дѣлать точныя, доказательства приводить ясныя и съ искуствомъ расположенныя, и тогда слово его будетъ имѣть успѣхъ, благоразумнымъ трудомъ заслуживаемый.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О

Мѣстахъ Реторическихъ внѣшнихъ.

Такъ называются они потому, что суть такія пособія, которыя Ораторъ получаетъ внѣ своего предмета; одни приличествуютъ краснорѣчію судебному, а другія церковному. Приличествующія судебному краснорѣчію суть: законы, обыкновенія, указы, повелѣнія, и проч. на которыя адвокатъ часто принужденъ бываетъ ссылаться, и кои помогаютъ ему въ защищеніи дѣла.

Мѣста Реторическія внѣшнія, относящіяся особенно къ краснорѣчію церковному, суть: Священное Писаніе, преданіе, соборы, Церковная исторія, свидѣтельства Святыхъ Отецъ, и проч.

Остановимся на малое время, дабы показать, сколь нужно Христіанскому Оратору

знаніе сихъ мѣстъ для благоуспѣшнаго исполненія своего званія.

1. Священное Писаніе.—Въ семъ-то обильномъ источникѣ можетъ онъ почерпать начала Христіанскаго ученія и нравственности, свидѣтельства для утвержденія своихъ умозаключеній, и единственный запасъ истинъ, которыя онъ предпріемлетъ разкрывать. *Всяко писаніе Богодухновенно есть, и полезно ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ.* (2 Тим. III, 16.) Въ Священныхъ-то Книгахъ найдетъ онъ тѣ высокія мысли, тѣ краснорѣчивыя изображенія, тѣ удачныя иносказанія, тѣ глубокомысленныя изреченія и тѣ страстныя порепѣнія, которыя долженъ онъ по благопристойности присвоивать себѣ, естьли къ нещастію не имѣетъ ревности и благочестія.—Подлинно, чего величественнаго, высокаго, удивительнаго Божественное Писаніе въ себѣ не заключаетъ? Сколько Реторическихъ богатствъ содержится въ ономъ! Ежели хочешь возвышеннаго и величественнаго стиля, какой образецъ предпочтешь ты *Исаіи?* Ежели любишь картины ужасныя или трогательныя, то найдешь оныя въ *Іереміи* и *Іезекіилѣ.* Естьли больше любишь движенія кротчайшія и нѣжнѣйшія, подражай *Даніилу.* Ежели хочешь изъяснять самую чистую и благоразумнѣйшую нравственность, разкрой книги *Соломона.* Ежели предпріемлешь изображать чувствованія благочестія и основательной набожности, псалмы *Давида* преисполнены сего. Ежели желаешь открывать высочайшія таинства вѣры, какую высокость, какую

глубину найдешь ты) въ посланіяхъ святаго *Павла!* Но что сказать о Евангеліи? Какая трогательная пріятность въ наставленіяхъ Іисуса Христа! Какая высокость въ Его изреченіяхъ! Какая глубокая мудрость въ Его бесѣдахъ! Какая красноречивая простота въ Его выраженіяхъ!

И такъ чтеніе Священныхъ Книгъ для того, кто опредѣляетъ себя къ назиданію вѣрующихъ, есть упражненіе необходимое. Онъ долженъ, по совѣту блаженнаго *Іеронима*, день и ночь сидѣть надъ Писаніемъ: tenentem sacros codices somnus obrepat, et cedentem faciem pagina sancta suscipiat. Не долженъ онъ потѣть надъ изслѣдываніемъ смысла и глубины онаго; скоро онъ возчувствуетъ, что возвѣщаемыя имъ истины, облечены будучи въ Божественное свидѣтельство, имѣютъ вящшую силу, и производятъ живѣйшее впечатлѣніе.

Но относительно къ употребленію, каковое долженъ Христіанскій Ораторъ дѣлать изъ Священнаго Писанія, весьма нужно ему умѣть различать смыслы, въ которыхъ по надлежащему принимать оное можно. Оныхъ суть два рода, смыслъ буквальный и смыслъ духовный.

Первый раздѣляется на буквальный строгій или собственный, и буквальный фигуральный. Одинъ самымъ звукомъ словъ даетъ разумѣть то, что онъ означаетъ: „*Возлюбиши „Господа Бога твоего*;" другаго значенія сокрываются подъ нѣкоторымъ изображеніемъ, и онъ не менѣе употребителенъ, какъ и первый. На примѣръ: *Аще око твое соблажняетъ тя, изми е; біющему тя по ланитѣ, обрати и другую.*

Никтоже возложъ руку на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи небеснѣмъ.

Смыслъ духовный есть троякій: нравственный, аллегорическій и таинственный. Нравственный есть тотъ, который содержитъ въ себѣ нравоученіе, то есть смыслъ, клонящійся къ исправленію нравовъ. Аллегорическій припоминаетъ объ одномъ предметѣ чрезъ другой; таковы суть Притчи Ветхаго и Новаго Завѣта. Таинственный ведетъ насъ отъ чувственныхъ предметовъ къ умозрительнымъ.

2. *Преданіе*, то есть ученіе Іисуса Христа и Апостоловъ, дошедшее до насъ непрерывнымъ послѣдствіемъ временъ, постановленія соборовъ и церковная исторія суть также обильные источники свидѣтельствъ и примѣровъ, придающіе силу доказательствамъ, облегчающіе средства убѣжденія, объясняющіе трудности наипаче въ матеріяхъ спорныхъ. Но для сего потребно также въ Ораторѣ внимательное и разсудительное познаніе, ежели онъ хочетъ имѣть хорошій разборъ въ приводахъ, поставлять оное въ надлежащихъ мѣстахъ, и допускаемое всѣми вообще отличать отъ того что подлежитъ противорѣчіямъ, или исторіи достовѣрныя отъ тѣхъ, которыя не имѣютъ сего качества.

3. *Святые Отцы.* Какую бы матерію проповѣдникъ ни избралъ, онъ имѣетъ въ сочиненіяхъ ихъ обширное поле, на которомъ безъ сомнѣнія можетъ сыскать все то, что весьма основательнѣйшаго можетъ сказать о своей матеріи; не только начала съ послѣдствіями,

истины съ доказательствами, правила съ приноровленіями, но и весьма часто мысли и обороты, такъ что посредственный самъ по себѣ проповѣдникъ вдругъ обогащается отъ сокровищъ другаго, которыя по его употребленію дѣлаются его собственнымъ добромъ. Никто не можетъ поставлять ему въ порокъ, что онъ украшается сими драгоцѣнными добычами; напротивъ того должно его осудить, естьли онъ свои собственныя мысли предпочитаетъ мыслямъ симъ великихъ мужей, которымъ по особенному преимуществу дано право учить и по смерти своей всѣ страны и всѣ вѣки.

Впрочемъ мы не утверждаемъ, что необходимо нужно знать ихъ всѣхъ; это бы было чрезвычайный трудъ: должно изъ нихъ дѣлать выборъ. Святый *Іоаннъ Златоустъ*, Святый *Василій*, *Лактанцій*, и Святый *Григорій Назіанзинъ* суть такіе, которыхъ можно употреблять съ великою пользою. Въ сихъ Отцахъ есть вкусъ, обиліе, краснорѣчивая истина, коихъ не достаетъ въ *Тертулліанѣ*, Святомъ *Амвросіи* и нѣкоторыхъ другихъ. Должно приводить сихъ Отцовъ только во свидѣтельство, а рѣдко подражать ихъ складу (*).

(*) Разсужденіе знаменитаго *Фенелона* о Святыхъ Отцахъ можетъ оправдать должное почтеніе къ нимъ. ,,Нѣкоторые просвѣщенные люди, говоритъ онъ, не отдаютъ Отцамъ надлежащей справедливости; судятъ объ ,,нихъ по нѣкоторымъ грубымъ метафорамъ *Тертулліана*, ,,по нѣкоторымъ надутымъ періодамъ Святаго *Кипріана*, ,,по какому нибудь темному мѣсту Святаго *Амвросія*, по ,,какому нибудь хитрому и риѳмотворному антитезу ,,*Августина;* но надобно припомнить испорченной вкусъ ,,тѣхъ временъ, когда сіи Отцы жили. Римъ упадалъ, въ ,,Аѳинахъ также науки приходили въ худое состояніе,

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О ДОВОДАХЪ.

Ораторъ, выбравъ родъ доказательствъ приличный своему предмету, долженъ выбирать доводы, то есть, какъ дѣлать умозаключенія, дабы весьма удобно увѣрять и убѣждать слушателей.

Въ самой вещи, не всякое предложеніе имѣетъ такую ясность, какую аксіома. Почему нужно, для ощутительнаго представленія истины онаго, прибѣгать къ умозаключенію. Многія предложенія весьма истинны сами въ себѣ; но люди, которымъ Ораторъ говоритъ, представляются какъ бы отвергающими

,,когда святый *Василій* и святый *Григорій Назіанзинъ* туда ,,пріѣхали; утонченіе умовъ взяло верьхъ. Отцы учившись ,,у худыхъ Риторовъ своего времени, завлечены были во ,,всеобщій предразсудокъ. Тогда думали, что не позволяется говорить просто и натурально Не говорить ,,должно было, а декламировать. Но естьли кто возметъ ,,терпѣніе изслѣдовать сочиненія Отцевъ, тотъ найдетъ ,,въ нихъ драгоцѣнности. Въ святомъ *Кипріанѣ* есть высо-,,кость и сила духа, подобная *Демосѳеновой*. Въ святомъ ,,*Златоустѣ* есть разсужденія отборныя, картины благо-,,родныя, правоученіе чувствительное и любезное. *Авгу-,,стинъ* вмѣстѣ и высокъ и простонароденъ; онъ къ са-,,мымъ высокимъ началамъ восходитъ самыми простыми ,,оборотами, онъ вопрошаетъ, онъ заставляетъ себя во-,,прошать, онъ отвѣтствуетъ; это есть разговоръ между ,,имъ и его слушателемъ. Не льзя не удивляться тому, ,,что въ сочиненіяхъ Отцевъ есть изящнаго и величествен-,,наго, когда вообразишь тѣ вѣки, въ которые они писа-,,ли. Прощаютъ *Монтаню* Гасконскія выраженія, и *Маро-,,ту* старинный слогъ, для чегожъ въ святыхъ Отцахъ ,,не хотятъ извинять надутости свойственной ихъ вре-,,мени, съ которою можно найти истины драгоцѣнныя, и ,,изображенныя сильнѣйшими чертами?“

справедливость оныхъ. И такъ долженъ онъ употреблять разсудокъ, дабы разрушать ихъ заблужденіе и доводить ихъ до своего мнѣнія. Но въ томъ и другомъ случаѣ какой родъ доводовъ избрать ему? Краснорѣчіе не такъ поступаетъ, какъ Философія. Философія въ доказаніи предложенія довольствуется вѣрностію, ясностію и краткостію: но краткость, нужная въ Философскомъ положеніи, можетъ препятствовать дѣйствію Ораторскаго слова. Кто представляетъ только связь предложеній хотя убѣдительныхъ, но не имѣющихъ нѣкотораго оборота, возбуждающаго вниманіе, и дающаго болѣе твердости и силы доказательствамъ, тому трудно достигнуть своей цѣли: ибо для увѣренія великаго собранія, состоящаго изъ разныхъ классовъ гражданъ, не довольно говорить разсудительно, но должно еще нравиться, плѣнять и трогать. И такъ есть искуство употреблять только такіе доводы, которые могутъ производить сіи дѣйствія, а въ прочихъ скрывать скучную схоластическую сухость.

Ежели умствованіе должно быть основаніемъ слова, то потребно, чтобъ сіе основаніе, такъ какъ и въ зданіяхъ, не видно было; должно направлять къ сердцу главныя силы краснорѣчія. Слово, все состоящее изъ умствованія, заставляетъ слушателя о многомъ спорить съ самимъ собою, а можетъ быть и съ тѣмъ, кого онъ слушаетъ; но сердце, пронутое сильными чувствованіями, уже не противится, и истина торжествуетъ.

Приличнѣе всѣхъ краснорѣчію роды

доводовъ супь слѣдующіе: *Ипотезъ*, *Дилемма*, *Примѣръ*, *Индукція* и *Энтимема*.

Ипотезъ состоитъ въ приведеніи такого предложенія, которое рѣшило бы задачу, есть-ли бы было истинно. На примѣръ: „ежели бы „Богъ невѣрнымъ такое же оказывалъ мило-„сердіе, какое вамъ; то презрѣли ли бы они „тѣ милости, которыя благость Его вамъ „являетъ? . . . Ежели бы смерть постигла васъ „въ сію минуту; въ какомъ состояніи явились „бы вы страшному суду Божію?"

Дилемма есть умозаключеніе сложное, въ которомъ Ораторъ, раздѣливши цѣлое на части, заключаетъ утвердительно или отрицательно о цѣломъ то, что заключилъ о каждой части. На примѣръ, хочешь ты доказать, что не можно прожить въ мірѣ семъ безъ всякой скорби и печали, и сіе можешь сдѣлать слѣдующею Дилеммою. „Человѣкъ въ мірѣ семъ не „иначе можетъ жить, какъ или предаясь стра-„стямъ, или противоборствуя онымъ. Еже-„ли онъ имъ предается, то это мучительное „состояніе; ибо всѣ страсти дѣйствительно „суть ничто иное, какъ мучители сердца чело-„вѣческаго: ежели онъ имъ противоборствуетъ, „то подъемлетъ непрестанное мученичество; „поелику нѣтъ ничего болѣзненнѣе, какъ не-„прерывно воевать съ самимъ собою. И такъ „не должно надѣяться жить въ мірѣ семъ безъ „скорби и печали."

Примѣръ есть доводъ, въ которомъ отъ одной частной вещи заключается къ другой частной. Такимъ образомъ *Бурдалу*, коего логика весьма убѣдительна, опровергаетъ даже

извиненія, обыкновенно представляемыя для отказыванія помощи бѣднымъ. „Время нынѣ „худое, говоритъ онъ своимъ слушателямъ, „всякой страждетъ, и проч. И чтожъ изъ того „вы заключите? Ежели всѣ страждутъ, ни-„щіе не страждутъ ли также? и ежели стра-„данію нищихъ подвержены и богатые, до чего „должны доведены быть нищіе самые? И такъ „кто обязанъ спомоществовать страждущему „больше, естьли не тотъ, кто страждетъ „меньше? и проч."

Индукція есть умозаключеніе, чрезъ которое отъ познанія многихъ частныхъ вещей доходятъ до познанія истины общей. На примѣръ: „*Исавъ* плакалъ, но слезы его были тщетны. „*Сауль* молилъ о прощеніи, но онаго не полу-„чилъ. *Фараонъ* призналъ свое злодѣяніе, но онъ „осужденъ. *Антіохъ* покаялся, но Богъ не внялъ „ему. *Іуда*, предавшій Учителя своего, умеръ „съ отчаянія, и онъ во адѣ. Послѣ сего, грѣш-„никъ надѣйся, ежели хощешь, и проси, естьли „смѣешь, благодати, которая тебя обратила „и спасла бы при смерти."

Энтимема сложена бываетъ изъ двухъ предложеній, слѣдующихъ одно изъ другаго. На примѣръ: „какой бы санъ мы ни имѣли въ мірѣ, „какое бы ни было наше состояніе, смерть „не различаетъ всѣхъ сихъ пустыхъ титловъ, „и ставитъ насъ наровнѣ съ нищими. И такъ „неблагоразумно надмѣваться столь кратко-„временнымъ состояніемъ, которое отъ еди-„наго дуновенія можетъ разрушиться."

Кромѣ сихъ различныхъ доводовъ, коимъ краснорѣчіе даетъ нѣкоторый характеръ

вольности, непозволяемой въ школахъ, есть еще одинъ, которой необходимо нужно знать Оратору, собственно *Силлогизмомъ* называемый. Правда, онъ рѣдко случается въ связи слова, но самое слово должно быть въ формѣ силлогизма, коего первое предложеніе есть въ приступѣ, второе въ раздѣленіяхъ, а послѣдствіе въ заключеніи. И такъ первое правило для Оратора въ сочиненіи, наблюдать сію методу, и смотрѣть, можетъ ли его предложеніе приведено быть въ силлогизмъ. Естьли можетъ, то онъ съ благонадежіемъ исполнитъ сіе вѣрное предначертаніе.

Но чтобъ ощутительнѣе представить сіе столь нужное правило, выберемъ примѣръ. Положимъ, что хочетъ кто нибудь говорить о блаженствѣ праведниковъ, и дабы болѣе сократить сію матерію, представляетъ ихъ оскорбляемыми. Посему форма его расположенія можетъ быть слѣдующая:

Тѣ только люди блаженны, которые утѣшаются въ своихъ скорбяхъ. (Предложеніе основательное и матерія приступа.) *Но одни только праведники утѣшаются въ своихъ скорбяхъ:* (сіе должно доказывать въ самомъ словѣ.) *Слѣдовательно одни только праведники блаженны.* (Послѣдствіе и заключеніе.)

Такимъ образомъ *Массильйонъ* доказываетъ сію любопытную матерію, и искусные Ораторы никогда не удалялись отъ сей прекрасной методы. Почему должно держаться оной. Дабы успѣть въ проповѣдничествѣ, надобно быть хорошимъ логикомъ. Всякой, не имѣющій сего дара, подвергается премногимъ

погрѣшностямъ. Не умѣя умствовать, онъ конечно осрамитъ свое званіе.

Сколь ни важно изобрѣтеніе, но пособія, которыя оно подаетъ Оратору, имѣютъ свою цѣну только тогда, когда они употребляются надлежащимъ образомъ. Почему надобно умѣть выбирать время для употребленія ихъ, и давать идеямъ своимъ такой порядокъ, которой бы обращалъ на себя вниманіе слушателя, и непринужденно доводилъ его до главной матеріи слова. Сіе нужное расположеніе, естественно слѣдующее за изобрѣтеніемъ, требуетъ нѣкоторыхъ объясненій, которыя мы теперь предложимъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О

РАСПОЛОЖЕНІИ.

Расположеніе есть правильное разпредѣленіе всѣхъ частей слова по своимъ мѣстамъ такъ, чтобъ слушатель могъ ихъ видѣть и объять ихъ, не смѣшивая.

Дабы увѣриться въ пользѣ сей методы, вспомнимъ, что главная цѣль всякаго Оратора есть научать; но онъ говоритъ такимъ людямъ, которыхъ естественное самолюбіе предостерегаетъ отъ всякаго принужденія, и которые не иначе его слушаютъ, какъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію. Почему нужно ему сперва вкрадываться въ ихъ умъ, и потомъ предлагать имъ свои разсужденія убѣдительно,

истреблять ихъ предразсудки, а наконецъ возбуждать въ нихъ чувствительность нѣжными ощущеніями, или приводить ихъ внѣ себя сильными движеніями. Сія весьма простая постепенность естественно опредѣляетъ порядокъ всѣхъ частей слова. И слѣдовательно

1. Надобно ему имѣть *приступъ*, дабы предуготовить слушателя къ благосклонности, предлагая матерію, о которой хочетъ говорить.

2. Послѣ приступа долженъ онъ иногда дѣлать *повѣствованіе*, которое бы подало ясное, правильное и полезное понятіе о матеріи.

3. Потомъ должно предлагать *доказательства*, дабы утвердить многими доводами истину фундаментальнаго предложенія, предупредить или опровергнуть возраженія и объяснить трудности.

4. Наконецъ все, что краснорѣчіе имѣетъ сильнѣйшаго или страстнѣйшаго, должно быть въ *заключеніи*, для довершенія ораторскаго торжества.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
О
ПРИСТУПѢ.

Приступъ есть часть слова, въ которой Ораторъ предполагаетъ снискать благосклонность слушателей, и приготовить ихъ къ тому, о чемъ онъ хочетъ говорить.

Раздѣляютъ оной на два рода: приступъ стремительный или быстрый, и тихій или умѣренный.

Стремительный приступъ бываетъ тогда, когда Ораторъ, будучи одушевленъ какою нибудь страстію, или сильно занятъ важностію своего предмета, поспѣшаетъ сообщить слушателямъ восторгъ свой, и влечетъ ихъ, не давая имъ времени къ размышленію. Примѣръ. *Боссюэтъ* начинаетъ надгробное слово Герцогинѣ Орлеанской слѣдующимъ образомъ.

„И такъ мнѣ надлежитъ воздать сей пе„чальный долгъ Генріэттѣ Аннѣ, высочайшей „и могущественнѣйшей Государынѣ Англій„ской, Герцогинѣ Орлеанской.—Ей, которая съ „великимъ вниманіемъ слушала меня, когда „я воздавалъ такой же долгъ Королевѣ, ея „матери, ей суждено вскорѣ послѣ того быть „предметомъ подобнаго слова, а мнѣ предуго„товить жалостный гласъ свой къ сему пла„чевному служенію. О суета! О ничтожество! „О смертные, незнающіе своея судьбы! Думала „ли она объ этомъ за десять мѣсяцовъ предъ „симъ? И вы, слушатели, помышляли ли въ то „время, когда она здѣсь проливала слезы, по„мышляли ли, что скоро опять должно бу„детъ вамъ сюда собраться, для оплаканія ея „самой? Государыня, предметъ удивленія двухъ „великихъ Державъ! не довольно ли было для „Англіи скорбѣть о твоемъ отсутствіи? Нынѣ „должна она оплакивать и смерть твою. И „Франція, узрѣвшая тебя паки съ толикою „радостію, облеченну въ новое сіяніе, не имѣ„ла ли для тебя другихъ великолѣпныхъ поче„стей, послѣ твоего знаменитаго путеше„ствія, которымъ пріобрѣла ты столь гром„кую славу и столь лестныя надежды? Суета

„суетствій, и всяческая суета! Вотъ что мнѣ „сказать остается; вотъ о чемъ размыслить „позволяетъ мнѣ столь чувствительная и „справедливая печаль въ семъ неожиданномъ „злоключеніи.“

Приступъ надгробнаго слова Герцогинѣ *Эгильйонъ*, говореннаго *Флешьеромъ*.

„Чего вы ожидаете отъ меня, слушатели? „и что теперь долженъ я совершить? Я не хочу „ни скрыть слабостей, ни льстить величію „человѣческому, ни приписать ложнымъ добро-„дѣтелямъ ложныхъ похвалъ. Горе мнѣ, естьли бы я съ священнодѣйствіемъ мѣшалъ хва-„лы мірскія, естьли бы съ благочестивымъ цер-„ковнымъ обрядомъ сливалъ духъ міра, и есть-„ли бы приписывалъ силѣ или мудрости плот-„ской то, что происходитъ только отъ бла-„годати Іисуса Хріста; я болѣе хочу научить „васъ теперь, нежели плѣнить, я хочу, и пр.“

Начало слова о небѣ, говореннаго Аббатомъ *Пуллемъ* изъ сего текста: *Се мзда ваша многа на небеси.*

„Чтожъ вы, братіе мои возлюбленные, „дѣлаете въ сей плачевной юдоли? Будучи „нечувствительны къ желаніямъ первородныхъ „церкви, призывающихъ васъ, вы прельщаетесь „образомъ міра сего: вамъ пріятно заточеніе „ваше: что я говорю? Вы хотите, чтобъ оно „было вѣчно, вы не думаете, что имѣете дру-„гое отечество, или не иначе помышляете „объ ономъ, какъ только съ прискорбіемъ. Ахъ! „какъ вы можете исполнять тягостныя долж-„ности Хрістіанства, когда страшитесь са-„мой награды за оныя?“

Иногда встрѣчаются въ древнихъ проповѣдникахъ разительныя черты творческаго духа, между многими неисправностями, недостатками вкуса и даже благопристойности. *Тесьеръ*, на примѣръ, начинаетъ о страданіи Іисуса Христа какъ новымъ, такъ и смѣлымъ образомъ.

„Когда у Вавилонянъ находили мертваго „человѣка, тогда ихъ законъ обязывалъ каждаго гражданина приходить къ его тѣлу, и „клясться, что онъ не виновенъ въ его смерти. Нашли въ сіе утро на Голгоѳѣ умершаго „человѣка; кто изъ васъ осмѣлится пойти „и произнесть клятву въ томъ, что онъ „не виновенъ въ его смерти?“

Столь же поразительная смѣлость видна въ приступѣ слова, проповѣданнаго въ 1751 году славнымъ Миссіонеромъ *Бриденемъ*. Сей мужъ родился съ краснорѣчіемъ простымъ, исполненымъ живости и силы. Даръ сей, соединенный съ пріятностію, пріобрѣлъ ему великую славу, такъ что въ тотъ день, когда онъ взошелъ на каѳедру, Парижское общество изъ любопытства собралось послушать его. *Бриденъ* примѣтилъ въ собраніи многихъ Епископовъ, Кавалеровъ, безчисленное множество церковныхъ служителей, и сіе зрѣлище не только не привело его въ страхъ, но и внушило ему слѣдующій приступъ:

„При созерцаніи новыхъ для меня слушателей, кажется, надлежало бы мнѣ отверзти „уста свои только для того, чтобъ испросить „у васъ, братіе мои, благоволенія бѣдному Миссіонеру, не имѣющему всѣхъ тѣхъ дарованій,

„каковыхъ вы требуете отъ мужей, предпрі-„емлющихъ вѣщать вамъ о спасеніи вашемъ. „Но я ощущаю теперь совсѣмъ иное чувство-„ваніе; естьли я низокъ, то не думайте, чтобъ „я еще унизился жалостнымъ безпокойствомъ, „свойственнымъ любочестію. Не дай Богъ, „чтобъ служитель неба когда нибудь почелъ „за нужное извиниться предъ вами: ибо кто „бы вы ни были, вы, такъ какъ и я, безъ со-„мнѣнія грѣшники. Я теперь чувствую въ себѣ „принужденіе ударять въ перси мои предъ ва-„шимъ и моимъ Богомъ. Доселѣ возвѣщалъ я „суды Вышняго въ храмахъ покрытыхъ соло-„мою, проповѣдалъ горести покаянія нещаст-„нымъ, не имѣющимъ хлѣба, открывалъ доб-„рымъ жителямъ весей ужаснѣйшія истины „моея вѣры. Что сдѣлалъ я нещастливый? я „опечалилъ нищихъ, лучшихъ друзей Бога мо-„его; я вліялъ страхъ и скорбь въ сіи простыя „и вѣрныя души, о которыхъ недлежало бы „мнѣ пожалѣть, и ихъ утѣшить. Здѣсь, гдѣ „глаза мои видятъ только вельможъ, богачей, „притѣснителей страждущаго человѣчества, „грѣшниковъ дерзостныхъ и ожесточенныхъ, „ахъ! здѣсь только слово Божіе должно гре-„мѣть всею силою грома своего; здѣсь долженъ „я поставить съ собою на сей каѳедрѣ съ од-„ной стороны смерть, вамъ угрожающую, а съ „другой великаго Бога моего, имущаго судить „васъ. Я теперь держу у себя приговоръ Его о „васъ; трепещите убо предо мною, люди гор-„дые и надменные, слушающіе меня. Нужда спа-„сенія, извѣстность смерти, неизвѣстность „ея часа, столь страшнаго для васъ, нераская-

„ніе, до конца жизни продолжающееся, послѣд-
„ній судъ, малое число избранныхъ, адъ, и вся
„вѣчность—вотъ матеріи, о которыхъ я на-
„чну бесѣдовать съ вами, и которыя, безъ со-
„мнѣнія, надлежало бы мнѣ соблюсти для васъ
„однихъ. И какая мнѣ нужда въ вашихъ мнѣ-
„ніяхъ, которыя, можетъ быть, меня осудятъ,
„васъ не спасутъ? Богъ будетъ трогать серд-
„ца ваши, между тѣмъ какъ недостойный
„рабъ Его будетъ вамъ говорить: я получилъ
„многіе опыты Его милосердія. Тогда возчув-
„ствовавши ужасъ къ своимъ неправдамъ, вы
„пріидете повергнуться въ мои объятія, про-
„ливая слезы сокрушенія и раскаянія, и въ
„скорби своей почтете меня довольно красно-
„рѣчивымъ."

Святый *Іоаннъ Златоустъ*, будучи пора-
женъ паденіемъ *Евтролія*, Патрикія, консула
и камергера Императора *Аркадія*, беретъ изъ
сего приключенія случай представить народу
коловратность щастія человѣческаго. Начало
его бесѣды совершенно такого рода, о кото-
ромъ мы говоримъ.

„Ежели когда должно было намъ возопить:
„*суета суетствъ, и всяческая суета*, то вѣрно при
„настоящемъ случаѣ. Гдѣ теперь прежній
„блескъ высочайшихъ достоинствъ? гдѣ знаки
„чести и отличія? гдѣ великолѣпіе пиршествъ
„и увеселеній? гдѣ столь частыя восклицанія
„и безмѣрныя ласкательства всего народа, со-
„биравшагося на зрѣлище? Одинъ ударъ вѣтра
„обнажилъ сіе гордое древо отъ всѣхъ лист-
„вій, и потрясши оное до корня, исторгнулъ
„изъ земли. Гдѣ сіи ложные друзья, сіи подлые

„льстецы, сіи тунеядцы, съ толикимъ усердіемъ ѣздившіе на поклонъ, и своими поступками, своими словами свидѣтельствовавшіе рабскую преданность? Все прошло, какъ сонъ; все увяло, какъ цвѣтъ; все изчезло, какъ тѣнь. Не льзя намъ непрестанно не повторять сего изреченія Святаго Духа: *суета суетствъ, и всяческая суета.* Надлежало бы оному быть написану ясными буквами во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, на вратахъ домовъ, во всѣхъ нашихъ храминахъ; а наипаче должно оно впечатлѣно быть въ нашихъ сердцахъ, и всегда составлять матерію нашихъ разговоровъ."

Тихимъ приступъ называется тогда, когда Ораторъ, будучи спокоенъ и хладнокровенъ, употребляетъ нѣкоторое искуство, чтобы вкрасться въ умъ своихъ слушателей, и ясно представить имъ содержаніе слова. Сей родъ приступа гораздо употребительнѣе другаго; онъ приличенъ большей части проповѣдей, а особливо надгробнымъ словамъ, панегирикамъ и Академическимъ рѣчамъ. Примѣръ: (Приступъ слова о *торжествѣ вѣры*, говореннаго *Массилъіономъ.*)

„Суетныя торжества завоевателей ничто иное были, какъ зрѣлище гордости, слезъ, отчаянія и смерти; были плачевныя торжества страстей человѣческихъ, и оставляли по себѣ только печальные знаки честолюбія побѣдителей и рабства побѣжденныхъ. Торжество Іисуса Хріста для самыхъ народовъ, покаряющихся Ему, есть торжество мира, свободы и славы. Онъ торжествуетъ надъ

„врагами Своими, но для того, чтобы сдѣлать „ихъ свободными и присоединить къ Своей „державѣ; Онъ торжествуетъ надъ грѣхомъ, „но заглаждая и по Кресту пригвождая сіе „гибельное рукописаніе нашего осужденія; Онъ „ліетъ намъ со Креста источникъ святости „и благодати; Онъ торжествуетъ надъ смер-„тію, но дабы даровать намъ безсмертіе. Сія „есть слава вѣры; она въ началѣ представ-„ляетъ только поношенія и страданія Крест-„ныя, но это есть торжество славное и зрѣ-„лище великолѣпное, какое человѣкъ можетъ „открыть на земли. Нѣтъ ничего здѣсь вели-„чественнѣе добродѣтели: всѣми другими ро-„дами славы обязаны люди бываютъ случаю, „или ласкательству и общему заблужденію; „сею же славою человѣкъ обязанъ только Богу „и себѣ самому: ее вмѣняютъ въ стыдъ царямъ „и сильнымъ, но ею-то одною они могутъ „быть велики; ибо ею одною могутъ торже-„ствовать надъ врагами своими, надъ стра-„стями и самою смертію. Изъяснимъ сіи „истины, толико возвышающія вѣру, и пр.“

Сколь важенъ слѣдующій приступъ своею благородною тихостію!

„Царствующій на небесахъ, Которому „единому подвластны всѣ Державы, Которому „единому принадлежитъ слава, величество и „независимость, Единъ также славится силою „предписывать законы царямъ, и давать имъ, „когда Ему угодно, великія и страшныя на-„ставленія. Возвышаетъ ли Онъ престолы, „или повергаетъ, сообщаетъ ли царямъ могу-„щество Свое, или отъемлетъ оное у нихъ,

„и только оставляетъ имъ собственную ихъ „слабость, Онъ научаетъ ихъ должностямъ „ихъ, научаетъ державнымъ и Его достойнымъ „образомъ. Ибо даруя имъ могущество Свое, „повелѣваетъ имъ употреблять оное, подобно „Ему, на благо міра; отъемля оное показы-„ваетъ имъ, что все величество ихъ есть за-„емное, и что они, сѣдя на престолѣ, не менѣе „другихъ подвластны Его десницѣ, и подруч-„ны Его высочайшему владычеству. Тако Онъ „научаетъ царей, научаетъ не только вѣща-„ніями и глаголами, но и дѣйствіями и при-„мѣрами. *И нынѣ царіе, разумѣйте, научитеся вси „судящіи земли.*"

О КАЧЕСТВАХЪ ПРИСТУПА.

Поелику приступъ есть виднѣйшая часть слова, и такая, которую слушаютъ съ великимъ вниманіемъ, то весьма рачительно должно его дѣлать. А посему требуется, чтобъ онъ былъ *приличенъ предмету, скроменъ, кратокъ*, и *стиля сообразнаго матеріи.*

1. Приступъ долженъ быть приличенъ предмету, то есть, такъ связанъ съ нижеслѣдующимъ, чтобъ его не льзя было отъ онаго отдѣлить и приставить къ другому.

2. Онъ долженъ быть скроменъ. Сіе качество всегда возвышаетъ цѣну дарованія и добродѣтели, и привлекаетъ сердца. Самолюбіе слушателя столь нѣжно, столь легко раздражается, и человѣкъ, предпріемлющій давать другимъ наставленіе, столь близокъ къ гордости, что потребно великое искусство, дабы при первомъ шагѣ не заслужить отвращенія.

Хорошо то для священныхъ Ораторовъ, что они выходятъ на проповѣдь съ благонадежіемъ, яко посланники истины, *по Хрїстѣ посольствуемъ*: но люди умѣютъ отличать благонадежіе священнослуженія отъ благонадежія священнослужителя. Первое усугубляетъ силы краснорѣчія, второе разрушаетъ оныя.

3. Приступъ долженъ имѣть пространство умѣренное и соразмѣрное свойству предмета. Естьли онъ весьма коротокъ, то не совсѣмъ удобно будетъ Оратору вкрасться въ умъ слушателя; естьли очень продолжителенъ, то, можетъ быть, вмѣшаны въ ономъ излишнія подробности, которыя часто вредятъ ясности предложенія, и всегда отвращаютъ вниманіе слушающихъ.

4. Что касается до стиля, онъ долженъ имѣть вѣрную средину между натяжнымъ и небрежнымъ. Впрочемъ бываютъ случаи, когда матерія по видимому требуетъ того, чтобъ онъ былъ благороденъ и пышенъ. Въ надгробномъ словѣ, на примѣръ, гдѣ не запрещено искать того, чтобы нравиться, Ораторъ можетъ въ началѣ онаго соединять съ нѣжностію и высокостію мыслей благородство выраженій и пріятности стиля; впрочемъ вкусу предоставлено назначать такіе случаи и управлять перомъ.

Когда Ораторъ привлечетъ вниманіе и благосклонность слушателей скромнымъ и плѣнительнымъ приступомъ, и дастъ имъ усмотрѣть ту цѣль, которую онъ предполагаетъ; то долженъ скоро приступить къ предложенію своей матеріи, и притомъ такъ, чтобъ

поддержать то мнѣніе, которое онъ имъ уже подалъ. Въ сію минуту говоритъ онъ уже не какъ Ораторъ, но какъ Логикъ, а при семъ наименованіи что требуется отъ него?

О ПРЕДЛОЖЕНІИ и РАЗДѢЛЕНІИ МАТЕРІИ.

Хотя сіи двѣ части слова весьма коротки, но онѣ существенны и необходимы. Отъ нихъ-то прямо зависятъ порядокъ и правильность, долженствующія быть въ краснорѣчивомъ сочиненіи: оставь ихъ, будешь имѣть только сборъ выраженій, безъ совокупности; презри ихъ, трудно будетъ слушателю примѣчать сцѣпленіе твоихъ идей. Едва, съ великимъ напряженіемъ ума найдетъ онъ порядокъ въ твоихъ, впрочемъ превосходныхъ, припасахъ. И такъ и то и другое требуютъ крайняго вниманія. Правила на оныя просты; должно только ихъ хорошо понять. Представимъ ихъ одно за другимъ.

1. *Правила касающіяся предложенія.*

Весьма важно, чтобъ матерія предлагаема была короткими и простыми словами. Чѣмъ менѣе полагаемая фундаментальная истина имѣетъ украшеній, тѣмъ болѣе она дѣйствуетъ на сердца слушателей; черты живыя и натуральныя скоро впечатлѣваются въ ихъ душѣ, и располагаютъ оную къ движеніямъ слова. Нужно также безъ всякой темноты и съ рачительною точностію опредѣлять содержаніе слова (status quaestionis). Церковное краснорѣчіе наипаче требуетъ сего вниманія, потому что оно вѣщаетъ о истинахъ или

заблужденіяхъ самоважнѣйшихъ. *Бурдалу* никогда почти не удаляется отъ сей благоразумной методы. Съ какою простотою, краткостію, ясностію и точностію онъ разкрываетъ свой планъ при концѣ приступа своего слова о соблазнѣ!

„Я хочу подать вамъ справедливое поня„тіе о семъ грѣхѣ, говоритъ онъ, хочу вдох„нуть вамъ ужасъ къ оному; и для сего по„лагаю двѣ истины; выслушайте оныя, ибо „онѣ будутъ содержаніемъ сего слова. Нещa„стливъ тотъ, кто вводитъ соблазнъ; вотъ „первая истина! Но гораздо нещастливѣе „тотъ, кто дѣлаетъ оной, будучи обязанъ „лично подавать добрый примѣръ; вотъ вто„рая! Нещастливъ тотъ, кто вводитъ соб„лазнъ; вотъ родъ грѣха, на которой я воз„стаю, и на которой вообще взирая, видимъ „мы оной весьма усилившимся во всѣхъ со„стояніяхъ. Но гораздо нещастливѣе тотъ, „кто дѣлаетъ соблазнъ, будучи лично обязанъ „подавать добрый примѣръ: вотъ частный „видъ сего грѣха, который хотя ограничи„вается на нѣкоторыхъ состояніяхъ, однако, „какъ вы увидите, чрезмѣрно пространенъ! „Нещастливъ человѣкъ, подающій ближнимъ „причину соблазна и паденія; одно качество „Хрістіанина должно его осудить: но неща„стливѣе соблазняющій братій своихъ тогда, „когда онъ, сверьхъ общаго имени Хрістіанина, „носитъ особенное и личное титло, обязы„вающее его назидать оныхъ.“

2. *Правила касающіяся раздѣленія.* Они пространнѣе. Раздѣленіе состоитъ въ томъ,

что Ораторъ раздробляетъ свое слово на нѣсколько частей.

Дабы оно было совершенно, надобно наблюдать слѣдующее:

1. Оно должно изъявлять всю обширность матеріи, и всѣ части онаго должны быть такъ связаны, чтобъ онѣ всѣ клонились къ одной цѣли.
2. Должно дѣлать оное на ближайшія члены, которые притомъ были бы въ маломъ числѣ.
3. Между членами раздѣленія должно быть возможное противоположеніе.
4. Члены сіи должны быть такъ расположены, чтобы третій превышалъ второй, а второй первой.
5. Наконецъ, должно убѣгать въ ономъ темноты, излишествъ, протяженій, словомъ всего, что можетъ дѣлать оное худымъ.

Есть различные способы дѣлать раздѣленія, и сіе показать намъ остается.

О ИСТОЧНИКАХЪ РАЗДѢЛЕНІЯ.

Пять источниковъ раздѣленія.

1. *Существенность предмета.*

„Естьли мы разсудимъ, что есть смерть „сама въ себѣ; то увидимъ, что она неиз-„бѣжна, всегда предстоитъ намъ, и послѣ нея „нѣтъ возвращенія. Она неизбѣжна, такъ „необходимо должно приготовляться къ ней; „она предстоитъ намъ, такъ должно приго-„товляться къ ней заранѣе; послѣ нея нѣтъ „возвращенія, такъ должно приготовляться „къ ней со всевозможнымъ раченіемъ.“

2. *Дѣйствія.*

„Порочная совѣсть имѣетъ два весьма „примѣтныя дѣйствія: она препятствуетъ „грѣшнику наслаждаться благами жизни сей, „и предварительно наноситъ ему мученія „жизни будущей.“

3. *Причины.*

„Молитвы наши тщетны бываютъ или „потому, что мы не того просимъ, чего дол„жно, или потому что не такъ просимъ, какъ „надлежитъ просить.“

4. *Обстоятельства.*

„Въ день суда грѣшникъ познаетъ себя, „и познанъ будетъ; грѣшникъ, показанный „самому себѣ; грѣшникъ, показанный всѣмъ „тварямъ.“

5. Наконецъ, *свойства предмета.*

„Святая Евхаристія есть хлѣбъ жизни „и силы; хлѣбъ жизни, данный намъ для на„сыщенія; хлѣбъ силы, данный намъ для „укрѣпленія.“

Раздѣленіе слова о страданіи Іисуса Христа, говореннаго *Массильйономъ* изъ сего текста: *Совершишася*, есть самое удачное, какое только можно представить. „Смерть Спа„сителя, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ „три *совершенія*, изъ коихъ вы познаете всю „тайну сея великія жертвы, которыя зрѣ„лище Церковь въ сей день возобновляетъ, „и память почитаетъ. Совершеніе правосудія „со стороны Отца Его; совершеніе злобы со „стороны людей; совершеніе любви со сторо„ны Іисуса Христа.“

Замѣтимъ еще, оканчивая сію главу, что

по примѣру сего краснорѣчиваго проповѣдника, не должно слишкомъ много дѣлать раздѣленій: ибо весьма великое число оныхъ разбиваетъ вниманіе слушателей, утомляетъ умъ, неспособный удержать въ себѣ ихъ всѣхъ, и производитъ въ словѣ единообразное теченіе, которое препятствуетъ великимъ движеніямъ, питающимъ краснорѣчіе.

Тоже можно сказать и о симметрическихъ подраздѣленіяхъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ, и которыхъ обыкновенно полагаютъ три, аки бы всѣ истины не имѣли ни болѣе ни менѣе трехъ членовъ. Сія ребяческая принужденность (affectatio) необходимо ослабляетъ силу сочиненія, и доказываетъ, что употребляющій оную имѣетъ умъ боязливый, тѣсный и мѣлочами занимающійся. Когда предметъ довольно объясненъ помощію двухъ или трехъ точныхъ раздѣленій; то Ораторъ не долженъ болѣе послѣдовать правиламъ, развѣ для того, чтобъ большую дать силу своимъ доказательствамъ, и большій жаръ разпространить въ словѣ. Что касается до текста, взятаго изъ Священнаго Писанія, которой по общему благочестивому употребленію надлежитъ полагать въ началѣ слова; то Ораторъ долженъ выставлять оной въ приступѣ тогда только, когда безъ всякой натяжки можно его примѣнять къ различнымъ частямъ матеріи. Всякое принужденное принаровленіе не только противно хорошему вкусу, но и означаетъ, что силящійся дѣлать оное, хочетъ показать умъ, а сіе неприлично достоинству священныя каѳедры.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ПОВѢСТВОВАНІИ.

Повѣствованіе, вообще, есть описаніе какого нибудь дѣйствія. Оно требуетъ *простоты, краткости и достовѣрности.*

1. Простоты, то есть, оно не должно имѣть долгихъ размышленій, весьма видныхъ украшеній, смѣлыхъ фигуръ, обширныхъ умозаключеній, и даже иногда ничего патетическаго. Впрочемъ бываютъ случаи, когда сіи пріятности употребляются въ ономъ, что мы ниже покажемъ.

2. Краткости, подъ которою разумѣется не малое число словъ, но строгое наблюденіе, чтобъ говорить только нужное.

„Излишное обиліе часто дѣлаетъ матерію „скучною, будь живъ и умѣренъ въ своихъ по-„вѣствованіяхъ.“ (Стихотв. наук.)

3. Достовѣрности, которая состоитъ въ томъ, чтобы не только не отваживаться ничего включать невѣроятнаго, но и чтобъ приписывать лицамъ подлинной ихъ характеръ, и дѣйствіямъ давать надлежащую степень правдоподобія, дабы слушатели не подозрѣвали въ увеличиваніи.

Повѣствованіе обыкновенно не входитъ въ слова нравоучительныя, гдѣ Ораторъ послѣ приступа и предложенія начинаетъ приводить доказательства, утверждающія истину матеріи, но оно нужно въ словахъ судебныхъ, панегирикахъ, и словахъ надгробныхъ.

Разсмотримъ пользу онаго въ сихъ послѣднихъ двухъ родахъ рѣчи, которыхъ цѣль и шествіе вмѣстѣ покажемъ.

О Панегирикѣ.

Панегирикъ есть публичная похвала великимъ добродѣтелямъ и превосходному благочестію Святыхъ, которыхъ Церковь призываетъ, и представляетъ въ подражаніе своимъ чадамъ.

Весьма очевидно, что повѣствованіе необходимо въ семъ родѣ слова, и что оно должно занимать почти весь планъ онаго. Въ самой вещи, не иначе какъ только представленіемъ различныхъ дѣйствій, которыми герои Христіанства заслужили поклоненіе наше, Ораторъ можетъ возбуждать въ вѣрующихъ ревность и почитаніе къ онымъ. Но сколь трудно сіе дѣло! Какія дарованія, какое преизящество ума потребно, чтобъ различать черты самыя поразительныя, чтобъ сближать, связывать дѣйствія, и тѣмъ образовать трогательную картину! Отвратимъ затрудненія.

Въ Панегирикѣ должно разсуждать о планѣ, о сказаніи и украшеніяхъ онаго, о нравоученіи.

1. Не нужно, чтобъ въ планъ совершенно входила вся жизнь Святаго, котораго хочешь хвалить. Сіе столь обширное предпріятіе прилично одной исторіи. Довольно панегиристу выбрать изъ числа добродѣтелей своего героя самыя видныя, тѣ, которыя составляли отличительный его характеръ, и были душею большей части его дѣяній. Сей выборъ,

сдѣланъ будучи съ раченіемъ, подастъ планъ, представитъ раздѣленія, и введетъ во все слово пріятный порядокъ, особливо естьли искусный Ораторъ такъ будетъ располагать дѣйствія, чтобъ занимательность его начертанія непрестанно возрастала. Сію-то методу наблюдаетъ *Флешьеръ* въ своемъ панегирикѣ одному Святителю.

„Евангельскій пастырь, говоритъ онъ, „долженъ имѣть сіи три качества, свойст-„венныя своему званію: непорочную жизнь, „здравое ученіе и пламенную любовь. Какой „же святый имѣлъ сіи качества въ большемъ „блескѣ и совершенствѣ, нежели празднуемый „нами Іерархъ? Онъ по благородству души „своея былъ образецъ другимъ; по своему до-„стоинству наставникъ и учитель невѣждъ; „по своему богатству отецъ нищихъ; и дабы „все мое намѣреніе и весь характеръ сего „угодника открыть краткими словами, скажу „1-е, онъ назидалъ народъ своими примѣрами; „2-е, просвѣщалъ наставленіями; 3-е, питалъ „милостынями."

2. Весьма надежное для Оратора средство представить съ пользою того, кого онъ похвалить предпріемлетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ дать возчувствовать важность добрыхъ дѣйствій, ему приписываемыхъ, всѣми подробностями, которыя могутъ открыть блескъ оныхъ. Почему онъ долженъ вѣрно разсказать случаи, побужденія, трудности и всѣ главныя обстоятельства оныхъ дѣйствій. При такомъ начертаніи они возбудятъ въ слушателяхъ вящшее удивленіе. Примѣръ:

„Когда мы читаемъ исторію блаженныя „жизни Святаго *Сергія*, находимъ въ ней яс- „нѣйшія доказательства благочестивыя любви, „которою горѣла душа его къ возлюбившему „насъ прежде Богу. Ибо къ Богу его любовь не „состояла въ томъ, чтобъ признавать оную „одними токмо устами, но утверждаема была „добродѣтелію, яко истиннымъ плодомъ Боже- „ственныя любви. Страсти, которыя внут- „ренній нашъ смущаютъ покой, онъ щастливо „побѣждалъ, и содержалъ ихъ въ рукахъ воли „своея; ибо тщился всегда послѣдовать разу- „му, и ему покарять склонности тѣлесныя. „Въ пищи и питіи твердое наблюдалъ воздер- „жаніе, а тѣмъ самимъ осудилъ роскошь; слѣдо- „вательно отвелъ отъ себя великое иску- „шеніе, какое причиняетъ плоть утучнившая- „ся. Къ большему добродѣтели дѣйствію со- „держалъ себя въ трудахъ, и какимъ нибудь „упражненіемъ имѣлъ всегда занятыя препо- „добныя свои руки, а чрезъ то прогналъ праз- „дность, нечистый пороковъ источникъ, и „чрезъ тоже не допустилъ тѣло свое до раз- „слабленія, а мысли до развлеченія. При сихъ „трудахъ былъ крайній любитель покоя, не „покоя празднаго, и потому безчестнаго, но „который состоитъ въ удаленіи отъ тѣхъ „случаевъ, какими міръ обыкъ смущать духъ „нашъ, и который состоитъ въ тишинѣ, про- „исходящей отъ взаимнаго склонностей „тѣлесныхъ съ душевными согласія. За пер- „вѣйшее же свое упражненіе Блаженный по- „читалъ, чтобъ воспѣвать имя Господне, „чтобъ размышленіями о будущей красотѣ

„увеселять свой духъ, и выходя аки изъ са-
„маго себя преселяться къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ
„обитаетъ блаженное Божество. Сіе упражне-
„ніе его было первое, упражненіе сладчайшее,
„и проч.“

(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и празд-
ничные дни.)

Естьлижъ Ораторъ хочетъ усугубить трогательность похвалы Святому, то историческія подробности, сравненія и противоположенія должны украсить его картину; долженъ онъ прославляемаго имъ праведника окружить его современниками, представить нравы его вѣка, но такъ чтобъ сіи черты, легко изображенныя, разлили въ рѣчи пріятное разнообразіе, которое не одерживало бы ходу ея. Примѣръ:

„Кто безъ чувствъ священнаго нѣкоего
„благоговѣнія раскроетъ дѣянія, лику Святыхъ
„сопричтеннаго и блескомъ добротъ въ вѣч-
„ности между благочестивыми Царями сія-
„ющаго, Великаго нашего Князя *Александра*
„*Невскаго?*—Въ самыя бѣдственныя времена,
„слушатели, въ самую тяжкую скорбь оте-
„чества нашего, когда оно чувствовало во
„всемъ свирѣпствѣ и ярости обременяющее его
„иго Татарскаго порабощенія; когда оно, раз-
„дроблено внутрь и утѣснено извнѣ, имѣло
„величайшую нужду въ томъ или другомъ
„изъ своихъ владѣтелей увидѣть наконецъ по-
„печительнаго отца и утѣшителя въ скор-
„бяхъ; въ самое, говорю, такое бѣдственное
„время, промысломъ Вышняго посланъ къ нему
„святый благовѣрный Князь *Александръ*. Онъ,

„бывъ на Новгородскомъ и Владимірскомъ пре-„столѣ, съ отмѣннымъ мужествомъ отражалъ „отъ предѣловъ областей своихъ непріятель-„скія на нихъ нашествія; онъ съ Сѣвера поста-„вилъ себя оплотомъ Россіи, и стѣною огра-„жденія противъ другаго расхищенія ея отъ „Шведовъ и Ливонцовъ, отъ Чуди и Литвы.“

И ниже:

„Благодарите, Россы, Промыслъ, сохра-„нившій въ толико бѣдствовавшихъ вашихъ „предкахъ и васъ самихъ, благодарите Про-„мыслъ, даровавшій Россіи тогда мужествен-„наго *Александра*, истиннаго отца подданныхъ „въ священной своей особѣ изобразившаго. Сей „святый Великій Князь, по мудрой прозорли-„вости своей, предвидя страшный и ужаснѣй-„шій изъ всѣхъ Татарскій ковъ противъ Рос-„сіи, разженъ будучи ревностію по благоче-„стію и любовію къ отечеству, ни во что „вмѣнивъ предстоявшую ему явную опас-„ность, мужественно рѣшился въ четвертый „разъ идти въ Орду, и въ отвращеніе пред-„видѣнныхъ имъ грядущихъ золъ, принести „собою всякую жертву, не щадя, о истинно „царское мужество! даже и собственныя на „то жизни; но десница Вышняго, хранящая „избранныхъ Своихъ Помазанниковъ, возлюб-„леннаго ей *Александра*, въ семъ святомъ его „подвигѣ Сама покрыла щитомъ своимъ. Му-„дрость, мужество, ничѣмъ неколебимая твер-„дость, чистота души сего Князя, всѣми Та-„тарами и самими ихъ Ханами уважаемыя „въ немъ и чтимыя, Промысломъ Божіимъ „обращены въ защитниковъ и покровителей

„нашего отечества; словомъ, благовѣрный „*Александръ*, блиставшій мирными сими добро-„дѣтелями и качествами, яко всеоружіемъ „правды ополченный, не токмо въ *Беркаѣ* „укротилъ гнѣвъ на Россію за побіеніе въ ней „Татаръ его, но даже отвратилъ сего Хана „отъ требованія и высылки къ нему войскъ „ея, и проч.“

(Изъ торжественнаго слова, произнесеннаго X. Ч.)

3. Хотя повѣствованіе, вообще сказать, должно быть просто, однако въ Панегирикахъ можно дѣлать оное съ великими движеніями краснорѣчія. Самый предметъ, кажется, того требуетъ. И дѣйствительно, какая есть цѣль Оратора, предпріемлющаго прославить въ священномъ храмѣ добродѣтели какого нибудь Святаго, и воздать его памяти публичную хвалу? Не предполагаетъ ли онъ того, чтобъ возбудить удивленіе въ слушателяхъ, возжечь поразительными примѣрами чувствованія благочестія, погашенныя въ сердцахъ ихъ? И какъ произведетъ онъ сіи дѣйствія? Восторгъ, которымъ онъ долженъ быть наполненъ, какъ сообщитъ другому повѣствованіемъ сухимъ, холоднымъ, въ коемъ нѣтъ ничего живописнаго, ничего одушевленнаго? И такъ онъ долженъ употребить всѣ богатства искуства; долженъ быть то простъ, то возвышенъ, спокоенъ и страстенъ; острыя мысли, блистательныя описанія, величественныя изображенія, смѣлыя фигуры, напряженныя выраженія и многіе обороты должны украсить его картину, но только бы сіи украшенія распредѣлены были со вкусомъ и осторожностію.

Слово, въ которомъ все поражаетъ, все блещетъ, производитъ болѣе нѣкоторое ослѣпленіе, нежели подлинное удивленіе. Въ краснорѣчіи, такъ какъ въ живописи, потребны тѣни для возвышенія красоты предметовъ, а все не должно быть свѣтомъ.

4. Польза Панегирика состоитъ въ наставленіи. Ежели справедливость требуетъ изъявлять почитаніе высокимъ добродѣтелямъ слугъ Божіихъ; то лучшій способъ хвалить ихъ, безъ сомнѣнія, есть тотъ, чтобъ убѣждать Христіанъ къ шествованію по стезямъ ихъ. Ораторъ не долженъ пренебрегать сего средства, могущаго также воспламенять его ревность. Изъ сихъ представляемыхъ имъ примѣровъ благочестія, безкорыстія или мужества могутъ выходить наставленія весьма основательныя, правила поведенія весьма благоразумныя, примѣненія справедливыя, обличенія досподолжныя; но потребно, чтобъ сія нравственность была естественно связана съ дѣяніями, чтобъ между ею и ими было ощутительное соотношеніе, а особливо, чтобъ она не прерывала быстроты повѣствованія. Равнымъ образомъ должно избѣгать тѣхъ общихъ разсужденій, кои сами собою представляются слушателю, а настоять на тѣ, отъ которыхъ самолюбіе его отводитъ.

Почитаніе, заслуживаемое Святыми, не позволяетъ приводить тѣхъ сомнительныхъ чудесъ, которыя не имѣютъ другаго основанія, какъ только недостовѣрное свидѣтельство нѣкоторыхъ историковъ, болѣе набожныхъ нежели просвѣщенныхъ. Ораторъ не можетъ

оказаться весьма благоразумнымъ, ссылаясь на такія свидѣтельства: онъ всегда долженъ помнить, что онъ стоитъ на каѳедрѣ истины, и окруженъ множествомъ слушателей знающихъ, которыхъ довѣренности не позволительно ему употреблять во зло. По сему же правилу не долженъ онъ увеличивать добродѣтелей своего Героя. Что перестаетъ быть достовѣрнымъ, то дѣлается раздражительнымъ.

Вообще, Панегирики Святымъ должны быть такъ, какъ и жизнь ихъ, строги, важны, назидательны; такой же долженъ быть и стиль: сильный и фамиліарный онымъ не приличны.

Должно лучше настоять на тѣ средства, чрезъ которыя они содѣлались святыми, нежели на дѣянія, прославившія ихъ. Показывая пути, по коимъ они шествовали, Ораторъ исторгаетъ остріе изъ оныхъ, и увѣряетъ, что всякой можетъ идти по онымъ Въ сихъ похвалахъ должно употреблять нравоученія по выбору, и выводить оныя изъ добродѣтелей и дѣяній хвалимаго.

О НАДГРОБНОМЪ СЛОВѢ.

О семъ родѣ рѣчи мы мало скажемъ. Что сказано о повѣствованіи въ Панегирикахъ, то относится и къ Надгробнымъ словамъ. Должно только замѣтить, что здѣсь отъ Оратора требуется больше пышности и великолѣпія, и что онъ долженъ открывать всѣ богатства искуства въ сихъ важныхъ словахъ, дабы согласить всю публику въ мнѣніи о той особѣ,

которой потерю оплакать онъ предпріемлетъ. Но естьли позволительно ему искать того, чтобъ нравиться; то онъ не долженъ забывать, что назиданіе слушателей есть существенная цѣль похвалъ сего рода, и что истина есть мѣра оныхъ. Искусные въ семъ родѣ краснорѣчія, *Боссюэтъ* и *Флешіеръ*, никогда не удалялись отъ сихъ благоразумныхъ правилъ. Видъ гроба, на которой приходятъ они разсыпать цвѣты, непрестанно напоминаетъ имъ о бренности жизни, о непостоянствѣ и ничтожности величія человѣческаго; и ежели они говорятъ о могуществѣ царей, о славѣ завоевателей, о честяхъ и достоинствахъ, то для того только, чтобъ представить опасность, обманчивость и суетность оныхъ, или показать, что онѣ освящены были благочестіемъ, безъ котораго нѣтъ истинной славы.

Такимъ образомъ *Боссюэтъ* въ надгробномъ словѣ *Маріи Терезіи Австрійской,* супругѣ *Лудовика* XIV, намѣревается показать изъ жизни и примѣра сея Государыни:

„Что нѣтъ ничего твердаго и подлинно „великаго между человѣками, кромѣ удаленія „отъ грѣха, и что единая предосторожность „противъ нападеній смерти есть непорочность жизни."

Сей же знаменитый Ораторъ, въ своей надгробной похвалѣ *Генріеттѣ Англійской,* по видимому занимается только бѣдностію и слабостію человѣка.

„Нѣтъ! говоритъ онъ, послѣ сего что мы „видимъ? Здравіе есть только имя, жизнь сонъ, „слава мечта, пріятности и удовольствія

„опасное увеселеніе: все въ насъ суетно, из-
„ключая одно искреннее признаніе, которое
„мы дѣлаемъ предъ Богомъ въ нашихъ суетахъ,
„и основательное разсужденіе, заставляющее
„насъ презирать то, что мы есмы.“ Въ томъ
и другомъ мѣстѣ:

„Величество и слава! восклицаетъ онъ,
„можемъ ли мы еще слышать сіи имена при
„семъ торжествѣ смерти? Нѣтъ, слушатели,
„я не могу болѣе терпѣть сихъ великихъ
„словъ, которыми гордость человѣческая
„тщится заглушить самое себя, дабы не чув-
„ствовать и не видѣть своего ничтожества.“

И ниже:

„Тако всемогущество Божіе, праведно гнѣ-
„вающееся на нашу гордость, повергаетъ
„оную въ ничтожество, и дабы всѣ состо-
„янія навсегда содѣлать равными, оно изъ
„всѣхъ насъ творитъ не иное что, какъ
„только прахъ. Можно ли созидать на сихъ
„развалинахъ, можно ли основывать какое ни-
„будь великое намѣреніе на сей неизбѣжной
„тлѣнности вещей человѣческихъ.“

Флешьеръ въ надгробномъ словѣ *Тюренну* предпріемлетъ показать, какъ сей сильный мужъ надъ врагами государства торжествовалъ храбростію, надъ страстями душевными мудростію, надъ искушеніями и суетами вѣка благочестіемъ; однимъ словомъ, онъ прославляетъ полководца, мудреца и Христіанина.

Съ важностію наставленія, могущаго проистекать изъ матеріи, должна въ надгробномъ словѣ соединена быть та благородная искрен-

ность, которая стыдится увеличивать добродѣтели, или скрывать недостатки хвалимаго. Лесть, вездѣ почитающаяся подлостію, на священной каѳедрѣ дѣлается тяжкимъ преступленіемъ, нарушеніемъ святыни.

Сія Апостольская строгость весьма важно открывается въ семъ мѣстѣ надгробнаго слова Герцогу де — *Монтозъеръ*, говореннаго *Флешъеромъ*.

„Не думайте, слушатели, чтобы я по „дружеству или изъ благодарности пристра„стно хвалилъ сего мужа. Мы *предъ Богомъ* „*о Хрїстѣ глаголемъ*, рекъ Апостолъ; и я могу „также сказать: вы знаете, братіе мои, „что доселѣ не было лжи въ словахъ, мною „вамъ проповѣданныхъ: *никогдаже бо въ словеси* „*ласканія быхомъ къ вамъ, якоже вѣсте.* Дерзну „ли я въ семъ словѣ, въ которомъ обыкновен„но искренность и чистосердечіе подаютъ „матерію для похвалы, употребить вымыслъ „или ложь? Нѣтъ! тогда бы разверзся гробъ „сей, совокупились бы кости сіи и ожили бы, „чтобъ мнѣ сказать: почто ты сплетаешь „ложь обо мнѣ, ты, который ни о комъ лжи „не произносишь? Не приписывай мнѣ неза„служенной мною чести, мнѣ, который всегда „приписывалъ оную только истиннымъ за„слугамъ; оставь меня покоиться въ нѣдрѣ „истины, и не смущай моего покоя лестію, „мнѣ противною; не скрывай моихъ недо„статковъ, и не вписуй мнѣ моихъ добро„дѣтелей; хвали только милосердіе Бога, „восхотѣвшаго оными меня смирить, сими „освятить.“

Впрочемъ, хотя Христіанскій Ораторъ не долженъ утаивать недостатковъ и слабостей царей и вельможъ, которыхъ добродѣтелямъ или качествамъ изъявляетъ онъ торжественное почитаніе; однако должное уваженіе къ ихъ памяти, по видимому, извиняетъ нѣкоторую благопристойную снисходительность, могущую имѣть согласіе съ истиною: но о сей важной части Реторическаго искуства, не ограничивающейся на надгробномъ словѣ, предложимъ въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О

КОНФИРМАЦІИ.

Сія часть слова состоитъ въ приведеніи доказательствъ на матерію. Ораторъ можетъ однимъ умозаключеніемъ успѣть въ ономъ. Но мы уже показали, какой родъ умозаключенія болѣе приличествуетъ краснорѣчію; представили также тѣ средства, какими можетъ онъ найти родъ доказательствъ, выгодный для матеріи разбираемой имъ. Почему здѣсь довольно будетъ изслѣдовать оныхъ свойство, связь и порядокъ, предложить правила, касающіяся опроверженія, и показать примѣрами методу, употребляемую искусными Ораторами въ сей важной части слова.

I. О свойствѣ Доказательствъ.

Весьма нужное для Оратора знаніе-умѣть цѣнить силу доказательствъ, употребляемыхъ

имъ. Отъ сего знанія зависитъ тотъ порядокъ, какой они должны имѣть въ словѣ.

1. Между доказательствами есть сильныя и убѣдительныя, изъ которыхъ каждое должно приводить, и притомъ порознь, дабы они въ кучѣ не были затемняемы и смѣшиваемы. Есть также изъ нихъ слабѣйшія и легчайшія, которыя должно собирать вмѣстѣ, чтобы они одно другому помогали, замѣняя силу числомъ. Firmissimis argumentorum singulis instandum, infirmiora congreganda sunt: quia illa per se fortiora non oportet circumstantibus obscurare, ut, qualia sunt, appareant; haec imbecilla naturâ, mutuo auxilio sustinentur. Itaque si non possunt valere, quia magna non sunt, valebunt, quia multa sunt. *Quintil.* libr. 5. cap. 12.

2. Не надобно настоять на вещи, не заслуживающія того; ибо тогда доказательства не только бываютъ скучны, но и недостовѣрны по самому тщанію, съ каковымъ Ораторъ набираетъ весьма великое число оныхъ: Nec tamen omnibus semper, quae invenerimus, argumentis onerandus est iudex; quia et taedium afferunt, et fidem detrahunt. (*Ibidem*).

3. Неоспоримыя доказательства суть тѣ, которыя почерпаются изъ Священнаго Писанія, само ли собою оно представляетъ оныя очевидно, или преданіе положило рѣшительное оныхъ примѣненіе. Все должно уступать ихъ важности. Справедливость требуетъ, чтобъ они занимали первое мѣсто, разумъ второе, а примѣръ третіе.

4. Доказательства превышаютъ предположенную истину: они открываютъ ее убѣдительнѣйшимъ образомъ, и они рѣшатъ.

Не число, но вѣсъ оныхъ важенъ; избраніе ихъ предпочитается изобилію. Многія слабыя причины не стоятъ одной сильной.

5. Чтобъ узнать силу доказательства, должно испытать, убѣдитъ ли оно разсудительнаго человѣка, будучи предложено сухо и въ простомъ разговорѣ. Самыя обыкновенныя доказательства часто бываютъ наилучшими; по своей несомнѣнной справедливости, они сдѣлались обыкновенными.

6. Есть истины, подлежащія великимъ противорѣчіямъ. Ораторъ, предлагая оныя, набираетъ доказательства; тщится не только убѣдить слушателя, но и сразить.

7. Доказательства должны быть ясны, чтобы слушатель могъ видѣть открытіе оныхъ безъ напряженнаго вниманія. Отвлеченное умозаключеніе не всѣмъ понятно, и темнымъ трудно убѣдить.

8. Наконецъ, они должны также быть поразительны своею точностію. Ораторъ, говорящій на удачу, и не руководствуемый хорошею логикою, дѣлаетъ великія отступленія, не снискиваетъ полной довѣренности, не достигаетъ своей цѣли, и конечно срамитъ свое званіе.

II. О соединеніи Доказательствъ.

Соединеніе доказательствъ не есть дѣло маловажное. Слово, въ которомъ не примѣтно никакой пустоты между частями, въ которомъ все связано, имѣетъ болѣе пріятности и силы. Сіе соединеніе зависитъ отъ исправности и тонкости *переходженій* (transitio).

Здѣсь подъ именемъ *перехожденій* не разумѣется вымышленное сцѣпленіе словъ или мыслей, неудобно связываемыхъ хитростями или слабыми средствами: такіе переходы ничто иное суть, какъ лукавый обманъ; они слишкомъ замысловаты.

Подлинныя *Реторическія перехожденія* суть тѣ, которыя слѣдуютъ за теченіемъ умствованія непринужденно и почти безъ искуства, и которыхъ слушатель не примѣчаетъ. Они суть мысли, взятыя изъ самой матеріи, натурально переводящія отъ одного доказательства къ другому. Существенная польза сего сближенія, когда Ораторъ дѣлаетъ оное благоразумно, состоитъ въ томъ, что оно въ словѣ производитъ единство, которое есть совершенство всякаго сочиненія, въ коемъ таковую связь соблюсти можно. Примѣчай шествіе великихъ Ораторовъ, и удивишься гармоніи, царствующей между различными частями ихъ рѣчей. Мысли, кажется, въ оныхъ раждаются одна изъ другой, доказательства подкрѣпляются непримѣтнымъ сцѣпленіемъ. Все тамъ, не смѣшиваясь, относится къ главной идеи, все клонится къ объясненію ея, все влечетъ къ цѣли.

Должно почитать образцомъ въ семъ родѣ слово *Массильйона о торжествѣ Вѣры. Флешьеръ* въ надгробномъ словѣ *Тюренну*, показалъ во всѣмъ совершенствѣ сіе столь трудное искуство. Нѣтъ въ ономъ порывистыхъ движеній, нѣтъ ничего излишняго, нѣтъ ничего не у мѣста. Сіе сочиненіе кажется однимъ составомъ , особливо перехожденія употреблены въ немъ

съ величайшимъ вкусомъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ оныхъ.

Сей искусный Ораторъ началъ похвалу *Тюренну*, похвалою древняго и знаменитаго дома де-ла-Туръ Овергнскаго, слiявшаго кровь свою съ кровiю Королей и Императоровъ. Потомъ онъ хочетъ говорить, что сей Князь имѣлъ нещастiе родиться въ ереси. Для соединенiя сей части съ предыдущею употребляетъ онъ фигуру, называемую Реторами *Поправленiе*, которая подаетъ ему легчайшее перехожденiе.

„Но что я говорю! при семъ не хвалить „его, а сожалѣть о немъ должно. Хотя ис-„точникъ его происхожденiя былъ весьма зна-„менитъ, но заразился ересiю послѣднихъ „временъ."

III. О порядкѣ Доказательствъ.

Ораторъ можетъ распоряжать доказательства не одинаковымъ образомъ, судя по предлагаемой имъ матерiи и роду, въ какомъ онъ пишетъ. Нѣтъ общаго правила на это. Иногда пристойнѣе и лучше сильнѣйшiя доказательства сберечь къ концу; а иногда полезнѣе всѣми сряду отягощать слушателя. Благоразумiе и здравый разсудокъ Оратора должны учреждать сiе распоряженiе.

Самый натуральный порядокъ, кажется, есть, поставлять лучшiя доказательства на концѣ слова. Симъ распредѣленiемъ Ораторъ не теряетъ тотчасъ своихъ выгодъ, но сберегаетъ оныя до времени, когда надобно влечь слушателя, уже тронутаго первыми

доказательствами. Правда, убѣжденіе медленнѣе, но дѣйствіе онаго надежнѣе; послѣднія впечатлѣнія оставляютъ въ умѣ долговременное воспоминаніе.

Но иногда отъ сильнѣйшихъ, прежде поставленныхъ доказательствъ, меньшія слѣдующія за ними получаютъ вящшую силу и свѣтъ; умъ, уже покоренный, не можетъ болѣе противиться; пораженіе сдѣлано, великія страсти усмирены, упорнѣйшія остаются безъ обороны. Когда великая сила разорвала плотину, то меньшіе удары легко разрушаютъ все прочее.

Но изъ всѣхъ правилъ на сію матерію непремѣняемое есть то, чтобъ трогательность непрестанно возрастала въ словѣ: semper augeatur et crescat oratio. То есть, чѣмъ ближе Ораторъ подходитъ къ своему предѣлу, тѣмъ живѣйшія движенія слово его имѣть долженствуетъ.

Впрочемъ, какой бы ни предписывался порядокъ, не должно себя принуждать къ оному какъ невольника; чрезмѣрное тщаніе о распоряженіи свойственно только посредственнымъ Ораторамъ, искусные же выступаютъ изъ сихъ границъ и даютъ себѣ свободу. Великолѣпіе презираетъ малыя украшенія, и для онаго красивый безпорядокъ важнѣе выученной точности.

Поелику на священной каѳедрѣ должно болѣе трогать, нежели убѣждать, то нѣтъ ничего безполезнѣе сей сухой и размѣренной методы: сперва предлагать матерію, потомъ доказательства, далѣе возраженія, наконецъ

отвѣты ; или, сперва свидѣтельства изъ Священнаго Писанія , потомъ изъ святыхъ Отцовъ, а послѣ увѣренія разума. Всѣ сіи формы суть для творческаго ума оковы, которыя влача онъ, не можетъ быть видѣнъ.

IV. Какимъ образомъ священные Ораторы приводятъ доказательства въ своихъ словахъ.

Не довольно того, чтобъ находить основательныя доказательства, поставлять оныя въ пристойномъ порядкѣ, и хорошо связывать; потребно еще знаніе разкрывать ихъ, и давать имъ надлежащее пространство , дабы слушатели чувствовали всю важность оныхъ, и чтобы проистекла изъ нихъ возможная польза. Въ семъ-то наипаче состоитъ сила краснорѣчія и искуство Оратора. Священному Оратору особливо нужно сіе знаніе; онъ открываетъ такія истины, которыя не всегда понятны для простаго слушателя, и кои часто бываютъ отвергаемы страстями. Онъ востаетъ на пороки, отъ которыхъ, вмѣсто вреда, люди думаютъ имѣть нѣкія пріятности, востаетъ на опасные навыки, твердо укоренившіеся, кои надлежитъ истреблять. Простыя умозаключенія, можетъ быть, недовольны будутъ къ убѣжденію. Чтожъ долженъ онъ дѣлать? Оставлять сухую форму школьную , и вмѣсто оной писать всѣ подробности, могущія обогащать его матерію и давать ей плодовитость. Сія метода доставитъ ему торжество. *Бурдалу*, а особливо *Массильйонъ* всегда употребляли оную съ успѣхомъ. *Распространеніе* и *Примѣръ* были для нихъ два вѣрные

способа подкрѣплять доказательства, и они предпочитали ихъ всѣмъ другимъ.

О распространеніи.

Распространеніе есть собираніе всѣхъ главныхъ обстоятельствъ, и представленіе оныхъ въ видахъ весьма выгодныхъ. Сіе собираніе служитъ къ подтвержденію доказываемой матеріи, ибо долѣе привязываетъ къ ней умы слушателей. Оно различествуетъ отъ доказательства тѣмъ, что сіе только объясняетъ какую нибудь темную и спорную истину, распространеніе же даетъ великость и возвышеніе тѣмъ вещамъ, коихъ важность открываетъ съ такою силою, которая убѣждаетъ трогая сердце, а не съ холодною философскою сухостію. Почему *Цицеронъ* опредѣляетъ оное чрезъ винословіе (argumentatio) сильное, утвержденіе напряженное, и проч. Слѣдующіе примѣры оправдятъ истину сего опредѣленія.

Массильонъ, въ одномъ мѣстѣ своего слова, о *истинѣ будущей жизни*, хочетъ доказать, что сумнительность нечестиваго объ оной ужасна въ своихъ послѣдствіяхъ. „Теперь, говоритъ „онъ, позвольте мнѣ оставить великія причи-„ны, представляемыя православнымъ ученіемъ; „я хочу говорить только совѣсти невѣрующаго, „и взять доказательства изъ чувствій сердца.

„И такъ естьли все должно кончиться съ „нами, естьли человѣкъ ничего не долженъ „ожидать послѣ сей жизни, и здѣсь то наше „отечество, наше начало и единое щастіе, ка-„кимъ мы можемъ ласкать себя, то для чего „же мы нещастливы? Естьли мы родимся

„только для чувственныхъ удовольствій, по-
„что они не могутъ насытить насъ, и все-
„гда оставляютъ скуку и грусть въ нашемъ
„сердцѣ? Естьли человѣкъ ничѣмъ не превы-
„шаетъ скотовъ, почто не провождаетъ онъ
„дней своихъ, такъ какъ они, безъ попеченій,
„безъ заботъ, безъ досадъ, безъ печали, въ чув-
„ственномъ и плотскомъ блаженствѣ? Естъ-
„ли онъ не можетъ надѣяться другаго щастія,
„какъ только временнаго, почто не находитъ
„онаго на земли ни въ чемъ? Почему богат-
„ство его безпокоитъ, чести удручаютъ,
„удовольствія утомляютъ, науки запутыва-
„ютъ и раздражаютъ его любопытство, ни-
„мало не удовлетворяя оному? Почему слава
„его тяготитъ и связываетъ, и все оное не
„можетъ наполнить неизмѣримости его серд-
„ца, и еще чего-то желать ему оставляетъ?"

Аббатъ *Пуллъ*, въ словѣ о милостынѣ, пользуется всѣми мыслями, какія подаетъ ему сія столь важная матерія, для возбужденія въ слушателяхъ сострадательности къ нищимъ. Въ доказательства, открывающія обязанность помогать онымъ, вмѣшиваетъ онъ съ безподобнымъ искуствомъ тѣ поразительныя черты, тѣ страстныя пореванія, тѣ смѣлыя и неожидаемыя движенія, которыя изумляютъ душу и производятъ въ ней глубокое чувствованіе. Таково между прочими сіе мѣсто первой части.

„Религія служитъ подпорою человѣче-
„ству, она помощница нищимъ. Богатые, яко
„грѣшники, должны въ дѣлахъ своихъ отда-
„вать отчетъ правосудію Божію, покаяніе

„ихъ есть милостыня; покаяніе тѣмъ дѣйствительнѣйшее, что оно, посвящая ихъ „сокровища любви, обезоруживаетъ страсти, „которыя употребляли оныя вмѣсто средства „къ безпрепятственному достиженію своихъ „концовъ; покаяніе тѣмъ достойнѣйшее мзды, „что оно есть родъ Апостольства.“ Вотъ идея новая и поразительная! Изобрѣтеніе и открытіе ея означаетъ великаго Оратора.

„Мы обязаны должностію, говоритъ онъ, „проповѣдать слово, вы подавать милостыню; „соединимъ сіи двѣ должности, слово и милостыню, и не найдется такой нещастный, „который, сколь бы онъ ожесточенъ ни былъ, „могъ бы устоять противъ нашего оружія. „Сдѣлаемъ опытъ тому, обстоятельства наши „самыя лучшія, мы при мѣстахъ. Пойдемъ „вмѣстѣ въ сіи мрачныя темницы, изображенія — во всякомъ смыслѣ — ада. Внидемъ въ сіи „ужасныя узилища, гдѣ слышны одни богохуленія. Твердо надѣясь на ваше присутствіе „и держа крестъ, мы возвысимъ гласъ свой „среди сихъ проклинаній, сихъ ужасовъ, и скажемъ симъ неистовымъ: нещастные, почто „вы не уповаете на Провидѣніе! Вы раздражаете Бога своего, когда Онъ посылаетъ вамъ „Ангела утѣшителя. При сихъ словахъ вы „разторгнете узы однихъ, другихъ возвратите плачущему ихъ семейству, всѣмъ явите „великія вспоможенія. Будучи свидѣтелями чудесъ любви вашей, мы со дерзновеніемъ присовокупимъ сіи слова: *покланяйтесь Господу, „посѣтившему васъ въ скорби вашей, и не преставайте Его прославлять*, и увидимъ, что всѣхъ

„души и сердца вамъ и намъ покорятся и „умягчатся; и въ сихъ мѣстахъ отчаянія раз„дадутся, яко въ пещи Вавилонской, однѣ „хвалы Господу.“

Таково и сіе краснорѣчивѣйшее мѣсто второй части:

„Вѣра являетъ намъ въ нищихъ Іисуса „Христа, Которому мы обязаны благодарно„стію; вотъ побужденіе спомоществовать „онымъ! Коликія благодѣянія получили мы отъ „него! Нищимъ то должно воздавать за оныя; „онъ живетъ, онъ дышетъ въ нихъ; въ нихъ „онъ узникъ, страдалецъ; въ нихъ имѣетъ не„достатокъ во всемъ; молитъ чадъ своихъ о „вспомоществованіи, ліетъ слезы, произно„ситъ рыданія, прошенія, убѣжденія, безпре„станныя напоминанія, и даже гласъ крови... „Противиться толикому усилію есть ужаснѣй„шая неблагодарность и родъ богоубійства.“

„Какая мысль поражаетъ меня теперь, во„склицаетъ сей Ораторъ! Вы сами поразитесь „оною. Вотъ, вы стоите между Олтаремъ и „темницами, между Іисусомъ Христомъ, покла„няемымъ и сѣдящимъ на Престолѣ милосер„дія Своего, и Іисусомъ Христомъ, презрѣн„нымъ и страждущимъ въ Своихъ членахъ; „Онъ есть жертва и въ томъ и другомъ со„стояніи. Здѣсь Онъ жертва Своея любви къ „намъ, тамъ жертва жестокосердія богатыхъ. „Внемлите гласу сему, исходящему изъ нѣдра „сея скиніи; это гласъ Того, Кто васъ иску„пилъ, Кто будетъ судить живыхъ и мерт„выхъ. Онъ вамъ говоритъ: что Мнѣ въ вашемъ „лицемѣрномъ почитаніи! Ваше притворное

„смиреніе есть оскорбленіе и жестокость.
„Предъ входомъ въ храмъ сей, вы Меня попрали
„ногами, и здѣсь спокойно повергаетесь предъ
„Олтаремъ Моимъ. Не сказалъ ли Я вамъ, что
„Я болѣе хощу милости, нежели жертвы? Ко-
„рыстолюбивые! ничто для васъ покланяться
„Мнѣ, великаго же для васъ стоитъ милосерд-
„ствовать мнѣ. Не уже ли Я тогда только
„Богъ вашъ, когда раздѣляю вамъ Мои дары?
„Какъ *Петръ*, вы признаете Меня Господемъ на
„Ѳаворѣ, и отрицаетеся въ Преторѣ; являйте
„меньше уничиженія, но больше любви. Почи-
„тайте Меня вашимъ имуществомъ, вашимъ
„богатствомъ, которое есть Мое дѣло, Мое
„благотвореніе. Вотъ жертва, вотъ ѳиміамъ,
„вотъ благодарность, которой Я отъ васъ
„требую! Заплатите Мнѣ отчасти своими
„щедротами за кровь, проліянную Мною для
„васъ. Питайте, яко *Іосифъ*, Отца вашего
„Небеснаго, прилѣжите Ему, и содѣлайтесь,
„нѣкоторымъ образомъ, спасителями своего
„Спасителя.“

Болѣе ничего не скажемъ мы о распространеніи. Замѣтимъ только, что можно распространять матерію различнымъ образомъ: обстоятельствами, изчисленіемъ, дѣйствіями, сравненіями и противными. Должно вспомнить сказанное о сихъ общихъ мѣстахъ, и примѣры присоединенные къ опредѣленіямъ оныхъ.

О примѣрѣ.

Примѣры подтверждаютъ причины, и показываютъ возможность, а иногда удобность того, что казалось неисполнимымъ. Примѣры,

приводимые изъ Священнаго Писанія, всегда вѣрны, важны и трогательны.

Проповѣдникъ обыкновенно представляетъ оные для противоположенія тому, что происходитъ въ наше время, и дабы симъ противоположеніемъ лучше изображать намъ поврежденность нашихъ нравовъ. Такъ *Массильйонъ* постыждаетъ тѣхъ людей, которые въ нѣжности своего сложенія и въ обыкновеніяхъ, относящихся къ ихъ достоинству, думаютъ найти причины увольнять себя отъ поста.

„Я васъ спрошу, не болѣе ли обычаи, на„блюдаемые вами по вашему достоинству и „породѣ, отвлекаютъ васъ отъ поста, нежели „подлинныя и дѣйствительныя нужды? *Давидъ* „былъ Царь, и утѣхи Царской власти непре„мѣнно долженствовали бы его изнѣжить. Но „читайте въ его Божественныхъ пѣсняхъ по„вѣствованіе о его строгой жизни, и видите, „сколь печально и назидательно описаніе его „покаянія. Естьли вы думаете, что каче„ство пола даетъ вамъ нѣкоторыя права на „то; се *Эсѳирь* среди удовольствій пышнаго „двора сокрушаетъ постомъ свою душу, и у„крываясь отъ всеобщихъ увеселеній, прино„ситъ Богу въ отдаленной храминѣ хлѣбъ пе„чали и жертву слезъ. *Іудиѳь*, столь славная „во Израили, непоколебимо оплакиваетъ смерть „своего супруга, въ постѣ и врѣтищи. Ничто „не можетъ облегчить ея потери, какъ толь„ко священная строгость ея уединенія и по„каянія. *Павла* и *Маркелла*, сіи знаменитыя „жены Римскія, произшедшія отъ Владыкъ „вселенной, какіе примѣры строгой жизни

„оставили потомкамъ? Ахъ! никто еще въ сіи „щастливыя времена не зналъ, что между „вѣрными должна быть отличность и тогда, „когда гласитъ законъ, обязывающій всѣхъ.“

Примѣровъ не надобно приводить слишкомъ много, и примѣненіе оныхъ должно быть вѣрно, естьли Ораторъ хочетъ, чтобъ они дѣлали впечатлѣніе въ слушателяхъ.

V. *О опроверженіи.*

Опроверженіе имѣетъ необходимую связь съ конфирмаціею; Ораторъ не можетъ хорошо доказывать матеріи, не опровергая возраженій на оную.

Образъ опроверженія въ священномъ словѣ различествуетъ отъ того, какой употребляется въ словахъ судебныхъ. Адвокатъ рядомъ поставляетъ возраженія противника, которыя всѣ и служатъ ему предложеніями, дабы потомъ взять каждое въ особенности, и ихъ опровергнуть. Сія метода нѣкоторымъ образомъ разбивчива и суха, и церковное краснорѣчіе не можетъ приспособляться къ оной. Проповѣдникъ поставляетъ себя на мѣстѣ слушателя, и дѣлаетъ себѣ отъ времени до времени возраженія, естественно происходящія изъ матеріи, на которыя по порядку и отвѣчаетъ. Такъ *Бурдалу*, коего логика столь убѣдительна, въ словѣ о *Промыслѣ*, опровергаетъ мнѣнія вольнодумцевъ, дерзающихъ отрицать сей важнѣйшій догматъ.

„Ослѣпленіе ихъ еще далѣе простирается, „ся, говоритъ онъ. Они не хотятъ свободно и „Христіански признавать промысла, который

„часто признаютъ по нуждѣ, или по причинѣ „сильной печали и отчаянія. Ибо примѣтьте, „Христіане, что сей міролюбецъ, забывающій „Бога и Его промыслъ въ то время, когда онъ „живетъ въ благополучіи и видитъ исполненіе „всѣхъ своихъ желаній, первый ропщетъ на „сей же самый промыслъ и на Бога, когда его „постигаетъ какое нибудь непредвидѣнное „нещастіе. Почитая для себя отрадою возлагать на кого нибудь вину своего бѣдствія, „онъ обвиняетъ въ ономъ Бога, и по сему весьма странному противорѣчію, приписываетъ „оное тому самому Провидѣнію, которое отвергалъ по надменному нечестію. И такъ „есть ли что безумнѣе, какъ не хотѣть признавать Промысла, дабы ему съ покорностію „сообразоваться, и признавать оной, дабы его „хулить? Но вотъ еще удивительнѣйшее! „Вольнодумецъ часто сомнѣвается о Промыслѣ „по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя неоспоримо доказываютъ Промыслъ, и которыхъ „однѣхъ довольно къ увѣренію его объ ономъ. „Ибо на чемъ онъ основываетъ свои сумнѣнія „о промыслѣ Божіемъ? На томъ, что видитъ „въ мірѣ весьма много безпорядковъ. Изъ сего „самаго, говоритъ Святый *Златоустъ*, надлежало бы ему непремѣнно заключать, что „есть Промыслъ. Въ самой вещи, почему сіи „безпорядки, которыхъ міръ исполненъ, суть „безпорядки? и почему они кажутся ему безпорядками, естьли не потому, что они суть „противъ порядка, несогласны съ порядкомъ? „Но что такое сей порядокъ, которому они „противоборствуютъ, какъ не Промыслъ?

„И такъ онъ приходитъ въ недоумѣніе отъ „того, что разрѣшаетъ недоумѣніе, и дѣлается „невѣрнымъ отъ того, что должно укрѣплять „его вѣру. Но естьли бы, говоритъ онъ, былъ „промыслъ, случались ли бы въ обществѣ лю- „дей тѣ дѣла, которыми сами люди соблазня- „ются? Я на сіе отвѣтствую: то, что сами „люди соблазняются оными, не есть ли вѣрное „доказательство Провидѣнія, которое не по- „зволяетъ, чтобъ сіи дѣла усилились, и кото- „рое посему хощетъ, чтобъ они случаясь ме- „жду людьми, всегда почитались соблазнитель- „ными? и проч.“

Массилліонъ въ своемъ превосходнѣйшемъ словѣ, о *прощеніи обидъ*, сильно опровергаетъ тѣ различныя причины, которыя представляютъ люди, извиняя нарушеніе онаго правила Хрістіанскаго закона.

„Ты жалуешься, что врагъ твой обезче- „стилъ тебя тайно предъ кѣмъ нибудь, или „явно предъ всѣми; что онъ къ злословію при- „совокупилъ клевету; что онъ напалъ на тебя „съ самой чувствительной стороны, и ни- „чего не забылъ, дабы лишить тебя добраго „имени и чести предъ людьми.“

„Но прежде, нежели скажу я тебѣ отвѣтъ „на сіе, представлю слѣдующее: не довѣряй „приносимымъ тебѣ вѣстямъ о ближнемъ тво- „емъ; самыя невинныя рѣчи другихъ всегда „доходятъ къ намъ напоенными ядомъ тѣхъ „злобныхъ устъ, чрезъ которыя онѣ пере- „носятся; есть много гнусныхъ льстецовъ, „ищущихъ благоволенія другихъ на щетъ тѣхъ, „кои онаго лишены; есть много душъ подлыхъ

„и мерзостныхъ, находящихъ удовольствіе „только въ томъ, чтобъ поселять зло тамъ, „гдѣ онаго нѣтъ, и видѣть вражду между „людьми; есть много людей безразсудныхъ и „легкомысленныхъ, разсказывающихъ въ од-„номъ мѣстѣ, не во время и превратно то, „что въ другомъ сказано было съ намѣреніемъ „безпорочнымъ; есть много людей отъ приро-„ды лживыхъ, въ устахъ которыхъ все при-„бавляется, все увеличивается, все лишается „простой и естественной справедливости, въ „чемъ я ссылаюсь на тебя самаго. Не случи-„лось ли когда нибудь съ тобою, что другой „злобно перетолковалъ самыя невинныя твои „слова, и къ твоимъ разговорамъ прибавилъ та-„кія обстоятельства, коихъ ты и въ мысляхъ „не имѣлъ? Почемужъ не льзя тебѣ быть „обмануту вѣстями о томъ, кого ты почи-„таешь своимъ поносителемъ? И естьли все „то, что протекаетъ чрезъ многіе каналы, „обыкновенно перемѣняется и возвращается „къ намъ уже не таковымъ, какимъ оно из-„текло изъ своего источника; для чего ты „хочешь, чтобъ однѣ, тебя касающіяся, рѣчи „свободны были отъ сея участи, и тѣмъ бы „заслуживали большее вниманіе и вѣроятіе?

„Но ты скажешь, что сюда не относят-„ся сіи общія правила, и что поступки, на „которые ты жалуешься, не подлежатъ со-„мнѣнію. Пусть такъ, но я тебя вопрошаю: „не можетъ ли ближній твой съ своей сто-„роны и тебя укорять тѣмъ же? Къ недо-„статкамъ его всегда ли ты былъ весьма сни-„сходителенъ и милостивъ?... Вопрошаю тебя,

„наблюдаешь ли ты великую осторожность „въ обхожденіи съ другими? оказываешь ли ве„ликую любовь другому, при его слабостяхъ?... „Самыя тайныя и скрытныя дѣйствія не „дѣлаются ли вскорѣ явными по твоей злобѣ „и неосторожности? О человѣкъ! ты чрезмѣр„но нѣженъ и чувствителенъ къ тому, что „тебя касается. Нужно намъ принимать всю „строгость учительства, и представлять всѣ „важнѣйшія побужденія вѣры, дабы прекло„нить тебя къ прощенію ближнему одного „разговора, часто одного слова, которое онъ по „неосторожности, по нечаянности, по случаю, „по справедливому, можетъ быть, негодо„ванію произнесъ; вольность твоихъ разгово„ровъ съ другими не знаетъ также предѣловъ „скромности и благопристойности, которые „и всѣмъ міромъ предписываются.“

Вообще, опроверженіе требуетъ великаго искуства и знанія, весьма здраваго разсудка, и такой твердости умозаключенія, которая тѣснила бы противника, и принуждала его молчать.

Ораторъ, наблюдая предложенныя правила, безъ сомнѣнія, убѣждать будетъ своихъ слушателей. Это первая его должность, но сего еще не довольно для его торжества; при способности научать, долженъ онъ имѣть даръ трогать.

„Во всѣхъ твоихъ рѣчахъ, возбуждаемая „тобою страсть должна искать сердца, раз„горячать оное, трогать.“ (Боало въ Стих. наук.)

Кто умѣетъ возбуждать благовременно страсти, тотъ обладаетъ сердцами. Столь

будучи силенъ, какъ бурный вихрь, столь проницателенъ, какъ молнія, столь быстръ, какъ потокъ, онъ все уноситъ, все испровергаетъ волнами своего живѣйшаго краснорѣчія. Такъ утверждаютъ великіе Ораторы; (*) и посему-то *Демосѳенъ* торжествовалъ въ Ареопагѣ, *Цицеронъ* въ Сенатѣ, *Бурдалу*, *Массильїонъ* и другіе въ Священныхъ Храмахъ.

И такъ великія дѣйствія, произходящія изъ возбужденія страстей, требуютъ, чтобъ мы изслѣдовали оныхъ силу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О

СТРАСТЯХЪ.

Два рода страстей, какъ говоритъ *Квинтиліанъ*, которыя краснорѣчіе возбуждать можетъ: однѣ сильныя и жестокія; другія тихія, нѣжныя и пріятныя. Тѣмъ свойственно волненіе, симъ спокойствіе. Возбуждая первыя, Ораторъ повелѣваетъ; возбуждая вторыя, совѣтуетъ; оными волнуетъ и возмущаетъ сердца, сими умягчаетъ и плѣняетъ.

Страсти, жесточае дѣйствующія на душу,

(*) Vehemens ut procella, excitatus ut torrens, incensus ut fulmen; tonat, fulgurat, et rapidis eloquentiae fluctibus cuncta proruit et proturbat. Такъ говоритъ *Цицеронъ* о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя производятъ возбужденіе страстей; трудно, безъ сомнѣнія, изобразить оныя живѣйшими еще чертами.

и оставляющія въ оной долгайшее воспоминаніе, суть: *страхъ, ужасъ и негодованіе.*

Страсти, производящія въ душѣ тишайшее волненіе, суть — *надежда и сожалѣніе.*

И тѣ и другія, возбуждаемы будучи благовременно поразительными изображеніями, суть для священнаго Оратора надежнѣйшія средства покорять сердца самыя нечувствительныя и упорныя.

Какъ, на примѣръ, можно возпротивиться живому впечатлѣнію, какое производитъ сіе мѣсто слова *Бурдалу, о судѣ Божіемъ?*

„Естьли сей тайный гласъ Божій, которой „мы слышимъ, не видя еще Бога, столь сильно нас поражаетъ, и причиняетъ намъ толикую боязнь и страхъ, чтожъ будетъ, когда „Богъ намъ явится,—когда при звукѣ ужасныя трубы, которая возбудитъ мертвыхъ, „и отъ четырехъ частей свѣта соберетъ „всѣхъ человѣковъ, Онъ призоветъ и насъ къ „Своему судищу;—когда представится намъ „сѣдящимъ на престолѣ не только величества „Своего, но и правосудія, и среди Своихъ „служителей, вооруженнымъ своими громами, „представится яко Богъ раздраженный, яко „Богъ враждующій, яко Богъ мститель;—когда „предъ очами всея вселенныя, со вниманіемъ „Его слушающія и насъ разсматривающія, „Онъ извлечетъ изъ нашего сердца осужденіе „наше, которое Онъ подтвердитъ и запечатлѣетъ послѣднимъ приговоромъ? Тогда-то, „глаголетъ премудрый, грѣшники возчувствуютъ болѣе, нежели прежде, тягость „своихъ грѣховъ; тогда-то они восплачутъ и

„возстенаютъ, *и будутъ въ болѣзни;* тогда-то „они увидятъ яснѣе, нежели когда либо, всю „гнусность оныхъ и всю срамоту, *и будутъ во* „*укоризну въ мертвыхъ въ вѣкъ;* тогда-то они „безмѣрно убоятся страшныхъ слѣдствій ихъ: „*прїидутъ въ помышленїе грѣховъ своихъ боязливїи;* „тогда-то будутъ оными обременены, тогда-„то уничижатся, *и даже до послѣднихъ опустѣ-„ютъ;* тогда-то совѣсть, столь тяжко уяз-„вляемая, и часто презираемая отмститъ, яко „свидѣтель и судія, но свидѣтель и судія уже „явный, отмститъ имъ совершенно за свои „права: *и обличитъ ихъ противу беззаконїя ихъ.*"

Массильїонъ еще живѣйшимъ изображеніемъ возбуждаетъ ужасъ, престaвляя Іисуса Хріста, вдругъ являющагося въ храмѣ, для раздѣленія праведныхъ отъ грѣшныхъ. Сіе мѣсто есть самое краснорѣчивое; оно, можетъ быть, превышаетъ все то, что въ древнихъ и новѣйшихъ Ораторахъ находимъ мы совершеннѣйшаго (*).

„Я останавливаюсь на васъ, братіе мои, „которые здѣсь предстоите. Я уже не говорю „о прочихъ человѣкахъ, а взираю на васъ, „такъ какъ бы вы были одни на земли: и „вотъ мысль, меня занимающая и устраша-„ющая! Я полагаю, что здѣсь вашъ послѣдній

(*) Когда Массильїонъ произнесъ сіе мѣсто своего слова о маломъ числѣ избранныхъ, то великой ужасъ объялъ всѣхъ слушателей; всѣ почти подвигнулись съ мѣстъ своихъ невольно; отъ изумленія и восклицанія ихъ произошелъ между ими такой шопотъ, что смутилъ проповѣдника, но сіе его смятеніе усугубило разительность сего мѣста.

„часъ, и конецъ вселенной, что небеса вскорѣ „отверзутся надъ вашими главами, и Іисусъ „Христосъ явится во славѣ Своей посреди сего „храма, и что вы собрались сюда для ожида„нія Его, собрались яко преступники трепе„щущіе, которые должны услышать или судъ „милости, или опредѣленіе смерти вѣчной. „Ибо какъ вы ни льститесь, вы умрете та„кими же, каковы вы теперь. Всѣ ваши жела„нія перемѣнить жизнь, желанія, васъ прель„щающія, прельщать васъ будутъ до смерт„наго одра. Все, что тогда вы будете нахо„дить въ себѣ новаго, будетъ, можетъ быть, „причиною дать большій отчетъ Богу, нежели „какой дали бы вы теперь!..

„И такъ, я васъ вопрошаю, и вопрошаю „будучи пораженъ ужасомъ, не отдѣляя сво„его жребія отъ вашего, и причисляя себя къ „вамъ, вопрошаю я васъ: естьли бы Іисусъ „Христосъ явился въ храмѣ семъ среди сего „собранія, величественнѣйшаго во вселенной, „дабы судить насъ, дабы сдѣлать ужасное „разлученіе овецъ отъ козлищъ, думаете ли „вы по крайней мѣрѣ, что обѣ стороны были „бы равны? думаете ли по крайнѣйшей мѣрѣ, „что нашлось бы здѣсь десять праведниковъ, „которыхъ Господь не могъ нѣкогда найти „въ цѣлыхъ пяти градахъ? Вопрошаю я васъ; „вы не знаете, и я самъ не знаю. Ты единъ, „мой Боже, вѣдаешь сущихъ Твоихъ; но есть„ли неизвѣстны намъ сущіе Божіи, по край„ней мѣрѣ извѣстно намъ то, что грѣшники „не суть Его. Кто же суть вѣрные, стоящіе „здѣсь? Титла и достоинства должно почесть

Bayerische Staatsbibliothek München

„ни за что, вы безъ оныхъ—явитесь—Іисусу „Хрісту. Кто они суть? Изъ нихъ много „грѣшниковъ, не могущихъ обратиться; боль- „ше желающихъ обратиться, но откладываю- „щихъ обращеніе свое; есть много и обраща- „ющихся, но паки падающихъ; наконецъ вели- „кое число думающихъ, что они не имѣютъ „нужды въ обращеніи. Вотъ часть погибаю- „щихъ! Отдѣлите сіи четыре рода грѣшниковъ „отъ сего святаго собранія; ибо они отлучены „будутъ отъ онаго въ великій день. Явитесь „теперь, праведники, гдѣ вы? Чада Израиля, „станите одесную! Пшеница Іисуса Хріста, „отдѣлись отъ сихъ плевеловъ, опредѣленныхъ „къ сожженію! О Боже, гдѣ Твои избранные, „и что остается въ наслѣдіе Тебѣ?“

Иногда одна мысль довольна возродить въ сердцахъ смущеніе; таково сіе восклицаніе *Боссюэта* въ надгробномъ словѣ *Генріеттѣ Англій- ской*, гдѣ онъ, послѣ тихихъ изъясненій, вдругъ возглашаетъ:

„О нощь нещастная, о нощь ужасная! „нощь, въ которую, подобно громовому удару, „раздалась сія поразительная вѣсть: Госу- „дарыня умираетъ! Государыня скончалась! „Кто изъ насъ при семъ ударѣ не почувство- „валъ себя столь пораженнымъ, что какъ буд- „то бы отъ внезапнаго злоключенія погибло „его семейство?“

Какихъ чувствованій страха и ужаса не ощущаемъ мы при одномъ чтеніи сихъ мѣстъ, исполненныхъ столь живаго, столь убѣдитель- наго краснорѣчія! и какія дѣйствія должны они были производить въ слушателяхъ, при

торжественномъ отправленіи таинствъ, на каѳедрѣ истины, и языкомъ священнослужителя, которой самъ былъ тронутъ, самъ живо чувствовалъ вѣщанное имъ!

Но естьли для торжествованія надъ противоборствіемъ слушателей, полезно употреблять такимъ образомъ сіи великія движенія, столь сильно волнующія душу; то не должно презирать и тѣхъ, которыя приводятъ оную въ сожалѣніе, заставляютъ ее стыдиться своихъ слабостей, воскрешаютъ ея надежды, и наконецъ возбуждаютъ въ ней нѣжнѣйшія чувствія. Вотъ нѣсколько примѣровъ сея трогательныя убѣдительности, толико дѣйствующей на чувствительныя сердца!

„О вы, мои слушатели, восклицаетъ *Массильіонъ!* видите Святую душу Іисуса Хріста, „истаявающую отъ печали и изнеможенія, и „пораженную всѣмъ ужасомъ грѣха. Вотъ „образъ той печали, которую вы должны приносить съ собою на мѣсто судища, куда приходите въ сіи спасительные дни для умилостивленія правосудія Божія, раздраженнаго „вашими грѣхами! Іисусъ при послѣднемъ издыханіи Своемъ есть образецъ кающимся; и „однакожъ мы васъ видимъ приходящихъ съ „сухими очами, съ сердцами спокойными, чувствующими болѣе стыдъ признанія, нежели „множество и мерзость преступленій, въ которыхъ идете вы признаваться; вы намъ „разсказываете исторію своей жизни, такъ „какъ кто-нибудь разсказываетъ дѣла, незаслуживающія ни похвалы, ни осужденія; и „мы имѣемъ нужду употреблять всю силу

„Святыхъ словесъ, дабы возбуждать васъ отъ „сна, дабы извлекать изъ васъ нѣсколько слабыхъ чувствъ печали ; и мы должны спорить, состязаться, заклинать, убѣждать, и „даже ослаблять правила, чтобъ вы принимали предлагаемое врачевство. И естьли мы „представляемъ очамъ вашимъ жалостное состояніе вашей совѣсти, и побуждаемъ васъ „къ изторженію ока, васъ соблазняющаго, и „къ удаленію причины погибели вашей; то вы „противитесь, жалуетесь, обвиняете насъ „въ возмущеніи вашей совѣсти и приведеніи „грѣшниковъ въ отчаяніе. Боже, такъ-то „умилостивляютъ Тебя! Это ли священная „печаль покаянія?“

Сколь чувствительно изображено развращеніе нашихъ нравовъ въ слѣдующемъ примѣрѣ!

„Ктобъ не возгорѣлъ духомъ всегда быть „въ Священныхъ собраніяхъ, быть всегда участникомъ службы Божіей, въ храмахъ Его „совершаемой? Кто не воскликнетъ съ Давидомъ: *колъ возлюбленна селенія Твоя, Господи „силъ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы „Господни.*“

„Но не во всѣхъ Христіанахъ сія достохвальная ревность примѣчается; въ сердцахъ „у многихъ простываетъ священный благочестія жаръ. Часто съ горестію видимъ, что „во дни воскресные, во дни праздничные, то „есть въ такіе дни, которые уставлены для „отправленія перваго и величайшаго долгу „нашего, иные въ домахъ остаются въ праздности, иные бездѣльно шатаются по торжищамъ, иныхъ ненасытная сребролюбія

„алчба гонитъ искать прибытковъ, и съ раз-
„слабленіемъ духа и тѣла своего мучатся надъ
„работою; иные въ то время бѣгаютъ по до-
„мамъ, и подъ видомъ поклоновъ, въ непосто-
„янствѣ человѣческомъ ищутъ себѣ покро-
„вительства; иные въ веселостяхъ препро-
„вождаютъ тѣ часы, и зрѣлищемъ смѣхотвор-
„ныхъ и соблазнительныхъ представленій у-
„слаждаютъ суетныя мысли свои: а иные, о
„нещастіе временъ нашихъ! есть и такіе, ко-
„торые и презираютъ сіи собранія, и служба
„Бога нашего въ ихъ мечтательномъ мудро-
„ваніи никакого уваженія не заслуживаетъ.
„Торжище многолюдно, корчемницы піянствен-
„ныя преисполнены, зрѣлища утѣсненны; но
„Церковь рыдаетъ, лишаясь чадъ своихъ, ры-
„даетъ, не видя ихъ въ матерьнихъ нѣдрахъ
„своихъ. До того дошло развращеніе нашихъ
„нравовъ, что въ самые величайшіе Церкве
„праздники, когда всенощныя совершаются
„бдѣнія, и Церковь оглашаема бываетъ тор-
„жественными пѣніями, въ Церковь мало кто
„приходитъ, но на ложахъ своихъ спокойно,
„не терзаясь совѣстію, въ то время опочи-
„ваютъ. И естьли кто приходитъ, то нѣ-
„которые изъ простаго народа; съ ними-то
„мы совершаемъ праздники Божія, сіи-то
„сутъ наши сообщники въ хвалахъ Господнихъ;
„сіи-то люди исправляютъ тотъ долгъ, ко-
„торой на всякаго человѣка безотрицательно
„возложенъ, и тѣмъ заслуживаютъ почтены
„быть именемъ благородства духовнаго.“

„Почто, о Христіане, толико небрежемъ?
„Почто порочимъ честь Христіанскія вѣры,

„и хулимъ имя Божіе, коимъ мы запечатаны „въ часъ Крещенія? и проч.“

(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и праздничные дни.)

Смотри еще, сколь страстно *Шемине* оканчиваетъ свое трогательное слово о *любви къ узникамъ;*

„Ахъ! ежели есть еще въ васъ вѣра, „Хрістоименитые слушатели, то поспѣшите „умилостивить вашими милостынями Того, „Кто будетъ вашимъ Судіею; и естьли Духъ „Божій вамъ то внушаетъ, теките скоро къ „темницамъ; идите даровать свободу нещастнымъ, заключеннымъ въ оныхъ за меньшія „суммы, нежели какія вы истощаете при самой малой ставкѣ въ играхъ вашихъ; будьте ихъ ангелами хранителями, подобными „свободившему Святаго *Петра*; скажите имъ, „какъ сему Апостолу: *востани вскорѣ, послѣдствуй ми;* востаните, бѣдные разоренные, „отверзается вамъ сіе плачевное жилище, въ „которомъ вы томитесь; я ангелъ, посланный „отъ Бога разторгнуть узы ваши, слѣдуйте „за мною. Явите щастливыхъ на земли, слушатели, возвратите мужа огорченной женѣ, „отца оставленнымъ дѣтямъ, спокойствіе „долгами обремененному семейству, надежду „и жизнь отчаяннымъ; отрите слезы, давно „проливаемыя; возвратите свѣтлость лицамъ „блѣднымъ и томнымъ. Да нищій въ хижинѣ „своей, окруженный своими чадами, благословляетъ милосердую руку, разрушившую „его оковы; да почитаютъ они васъ своими „спасителями; да ихъ радостные вопли

„восходятъ къ небу, и преклоняютъ оное къ „благопоспѣшенію вамъ; да возвращенная имъ „свобода побуждаетъ ихъ признавать, что Богъ „подлинно печется о нихъ, и премѣнитъ ропѣтанія на хвалы: *нынѣ вѣмъ воистинну, яко посла „Богъ ангела Своего.* Ахъ! я теперь исповѣдую, „что Богъ есть мой Отецъ; ибо кто бы вздумалъ обо мнѣ, естьли бы Онъ не вдыхалъ въ „богатыхъ любви къ нищимъ? Похвально, слушатели, помогать нещастнымъ, и удовольственно для благородной души тѣмъ паче, „что добро, оказываемое имъ, оказывается самому Богу. Онъ сіе удовольствіе хощетъ еще „усугубить вѣчною славою, и проч.“

Находится также, во второй части слова *Фенелона* на посвященіе Электора Колонскаго, апострофъ исполненный чувствительности, и такой, которой только отъ сердца сего знаменитаго Іерарха могъ произойти.

„О пастыри! не стѣсняйте сердецъ своихъ; „разпространите, разпространите утробы „ваши. Вы ничего не знаете, естьли знаете только, какъ надлежитъ повелѣвать, „какъ обличать, какъ исправлять, какъ показывать письмя Закона. Будьте отцами, но „сего не довольно, будьте матерями; сносите „болѣзни чадорожденія, дондеже вообразится „Хрістосъ въ сердцахъ чадъ вашихъ.“

О страстяхъ въ особенности.

Средства, трогать слушателя и торжествовать надъ его противоборствіемъ, не состоятъ только въ томъ, чтобъ живо воображать и разительно писать; надобно Оратору

еще хорошо знать натуру страстей, дабы вѣрно открывать опасности оныхъ, тѣ волненія души и угрызенія совѣсти, которымъ подвержены невольники ихъ. Сіе глубокое познаніе сердца человѣческаго требуетъ отъ проповѣдника такой примѣчательности, которая бы свободна была отъ всякаго предубѣжденія, которая не была бы водима въ своихъ изслѣдываніяхъ огорчительною ревностію, не дѣлала бы никакого принаровленія, и имѣла бы въ виду только благо общества и спасеніе ближнихъ. Нѣкоторые изъ великихъ проповѣдниковъ совершенно успѣли въ сей важной части своего званія. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ ихъ проповѣдей, относящіяся къ сему члену; весьма бы продолжительно было выставлять свойства всѣхъ страстей. Довольно показать въ маломъ числѣ примѣровъ, сколь искусно и вѣрно представили они характеръ нѣкоторыхъ.

Вотъ какъ *Массильїонъ* изображаетъ то непрестанное принужденіе, какое себѣ дѣлаетъ честолюбивый, для вѣрнаго достиженія предполагаемой цѣли.

„Честолюбивый устрашается ли тѣхъ за„трудненій, какія находитъ не пути своемъ? „Онъ себя перемѣняетъ, преобразуетъ, наси„луетъ свое природное свойство, и покаряетъ „оное своей страсти. Родившись гордымъ и „надменнымъ, съ робкимъ и потупленнымъ „взоромъ переноситъ онъ строптивость ка„кого нибудь служителя; разными подлостями „снискиваетъ покровительство подчиненнаго, „пользующагося довѣренностію начальниковъ,

„и унижаетъ себя до того, что хочетъ быть „обязанъ своимъ щастіемъ тщеславію какого „нибудь приставника, или сребролюбію раба. „Будучи живъ и весьма склоненъ къ удоволь-„ствіямъ, онъ проводитъ съ скукою въ перед-„нихъ между слугами вельможъ тѣ минуты, „которыя доставили бы ему въ другихъ мѣ-„стахъ безчисленныя увеселенія; ненавидя „трудъ и безпокойство, онъ проходитъ тяго-„стныя должности, лишаетъ себя не толь-„ко всякой нѣги и прохлады, но и сна и здо-„ровья, дабы казаться достойнымъ своего мѣ-„ста; наконецъ, будучи скупъ, онъ дѣлается „щедрымъ и даже расточительнымъ, всѣ прі-„емлютъ отъ него дары; учтивость, оказы-„ваемую слугою, и знаки его уваженія цѣнитъ „онъ дорого, и нѣтъ ничего такого, что бы „не заслуживало его награды."

Онъ же весьма живыми красками предста-вляетъ стыдъ и угрызеніе совѣсти, всегда почти слѣдующія за непотребною любовію.

„Во вторыхъ, несносна сія страсть по „причинѣ досады, ревности, бѣшенства, при-„нужденій, боязни, печальныхъ всегдашнихъ „слѣдствій оныя; всего ты страшишься со „стороны чести и славы; должно тебѣ доста-„вать предосудительное удовольствіе спосо-„бами весьма тягостными, и естьли одного „не достанетъ, то все теряешь; надобно „сносить публичные переговоры и домашніе „ропоты, сносить своенравіе, неравенство, „презрѣніе, и, можетъ быть, невѣрность пред-„мета, тебя плѣнившаго; долженъ ты поддер-„живать свои должности, свои выгоды, всегда

„несовмѣстныя съ твоими удовольствіями, „поддерживать самаго себя противъ себя. Ахъ! „начало сея страсти приноситъ только веселія и пріятности, сперва путь беззаконія „бываетъ усыпанъ цвѣтами, первыя неистовства сего порока упояютъ разумъ, и не даютъ ему времени возчувствовать всего своего нещастія; тогда человѣкъ питаетъ въ „себѣ мысли о сей страсти еще благородныя „и лестныя, языкъ соотвѣтствуетъ мыслямъ, „происходитъ взаимное увѣреніе о возвышеніи „чувствованій, о добротѣ сердца, о скромности, о чести, о праводушіи, о сходствѣ „природныхъ склонностей; все тогда еще „льститъ суетности. Но слѣдствія всего того, „глаголетъ Духъ Божій, горестны: но какъ „страсть нѣсколько охладѣетъ, постыдное „удовольствіе сдѣлается весьма обыкновеннымъ, первые знаки нѣжности ослабѣютъ „отъ долговременнаго знакомства и обращенія, разумъ выйдетъ изъ заблужденія, увидѣвши все то, что страсть имѣетъ поноснѣйшаго: тогда послѣдуютъ непріятные слухи, „публичныя сужденія, домашніе раздоры, разстройство дѣлъ, разныя потери и недостатки, подозрѣнія, ревнованія, досады, невѣрность, бѣшенство. Что тогда остается „тебѣ, беззаконникъ? Ужасное обращеніе къ „самому себѣ, несносная грусть сердца, внутренній стыдъ своей слабости, сожалѣніе о „томъ, что ты не слушалъ благоразумнѣйшихъ совѣтовъ, печальное размышленіе о „спокойствіи, славѣ, благополучіи, которыми „бы ты могъ наслаждаться, храня должность

„и чистоту; и въ самомъ беззаконіи твоемъ „могъ ли ты быть спокойнымъ, имѣть мирную совѣсть?“

Бурдалу въ одномъ мѣстѣ своего слова о *богатствѣ*, сильнымъ и мужественнымъ слогомъ описываетъ то ослѣпленіе и рвеніе, съ какимъ люди ищутъ благъ, никогда не насыщающихъ сердца; здѣсь мы видимъ сребролюбца, презирающаго правила умѣренности, не имѣющаго любви къ покою, желанія славы, и удаляющагося отъ свѣта разума и вѣры.

„Гдѣ нынѣ такіе богачи, которые въ своей прихотливости, держася правилъ благоразумной умѣренности, полагали бы предѣлъ своему обилію? Есть ли изъ нихъ такіе, которые, довольны будучи тѣмъ, что довлѣетъ, и возводя умъ свой выше, говорили бы: „полно уже, больше мнѣ не надобно на земли; „надобно искать небесныхъ сокровищъ, коихъ „ни черви, ни тля не истребляютъ? Вотще „имъ представляютъ, что ограничивать себя „такимъ образомъ, есть вѣрнѣйшій знакъ „основательнаго и здраваго разсудка; вотще „имъ показываютъ безуміе того человѣка, „которой, имѣя нужды ограниченныя, желанія „имѣетъ безмѣрныя и безпредѣльныя... Вотще „говорятъ имъ съ Экклезіастомъ, что великая „жадность къ сребру ничто иное есть, какъ „*суета и оскорбленіе духа;* что оной, такъ какъ „и всему другому, долженъ быть конецъ; и „что самое явное наказаніе Божіе сребролюбивымъ богачамъ есть то, что хотя они всѣмъ „изобилуютъ, но все страшатся бѣдности, и „чѣмъ больше они пріобрѣли, тѣмъ больше

„пріобрѣсть хотятъ. Вотще ихъ увѣряютъ, „что они, всегда собирая кучи на кучи, не „заслуживаютъ тѣмъ ни большей любви, ни „большаго почтенія; что, по исполненіи нужной мѣры, они не живутъ ни пріятнѣе отъ „излишества, ни спокойнѣе, и что дѣйствіе „великаго богатства есть только зависть, „негодованіе и ненависть другихъ; все это не „трогаетъ ихъ. Горя алчнымъ желаніемъ злата, они отвѣчаютъ сами въ себѣ, что все „нужно въ свѣтѣ; ничего, естьли судить по „справедливости, не довольно; никогда не льзя „имѣть излишняго; людей цѣнятъ только по „имѣнію; пріятно собирать при полной жатвѣ; боязливой только душѣ или слабой совѣсти прилично ограничивать свои желанія.“

Есть также въ сочиненіяхъ Святыхъ Отецъ поразительныя картины, представляющія пагубныя дѣйствія владычества нѣкоторыхъ страстей надъ сердцемъ человѣка. Такъ Святый *Григорій* изображаетъ тѣ жестокія мученія, какія подъемлетъ завистливый, видя щастливымъ другаго.

„О чемъ ты болѣзнуешь? О томъ, что „братъ твой, или сродникъ, или сосѣдъ живетъ въ спокойствіи душевномъ. Сугубая „злость! въ вину причитаешь другому то, „что онъ не бѣдствуетъ; сожалѣешь, что онъ „щастливъ; обижаешься не тѣмъ, что онъ нанесъ тебѣ какой нибудь вредъ, но что безъ „обиды ближнихъ живетъ въ благосостояніи, „и такъ какъ хочетъ. Что ты претерпѣлъ „нещастный? отъ какой обиды сохнешь, съ „прискорбіемъ взирая на щастливые успѣхи

„сосѣда? Въ чемъ можешь на него жаловаться „Богу, въ чемъ обвинять, естьли онъ благо„образенъ, естьли одаренъ краснорѣчіемъ, „естьли родомъ выше тебя, естьли, пріявши „какую нибудь власть, является блистатель„нымъ и величественнымъ въ своемъ достоин„ствѣ, естьли прибавилось ему нѣкоторое ко„личество денегъ, естьли по причинѣ его „благоразумія слова его уважаются, естьли „онъ за благодѣянія у многихъ въ почтеніи, „естьли утѣшается чадами, естьли по своимъ „доходамъ и прибыткамъ живетъ пышно и „сіяетъ великолѣпіемъ? Почто все сіе, напо„добіе остpія стрѣлъ, пронзаетъ твое сердце? „Почто біешь въ длани, ломаешь персты, му„чишься мыслями, изпускаешь изъ глубины „сердца вздохи, означающіе печаль? Почто не„пріятны тебѣ плоды его доходовъ и прибыт„ковъ, горька для тебя его трапеза, невеселъ „его домъ? Почто ты всегда готовъ и скло„ненъ слушать поносящихъ его? Естьлижъ „кто нибудь его хвалитъ и одобряетъ, ты „отвращаешь слухъ свой... И когда ты та„ковъ внутренностію, для чего, притворяясь, „скрываешь скорбь свою? Какимъ образомъ „пріемлешь лице друга, являешь ложную лю„бовь? Для чего присоединяешь гласъ свой къ „желанію здравія и благополучія ему, сердцемъ „желая противнаго?"

Изъ сихъ различныхъ, приведенныхъ нами примѣровъ видно, какимъ образомъ Ораторъ можетъ возбуждать и изображать страсти, и сколь живое впечатлѣніе въ сердцѣ могутъ дѣлать таковыя изображенія, употребляемыя

съ искуствомъ и обнаруживающія самыя тайности порока. Но чтобы Оратору производить сіе дѣйствіе, не надобно ему забывать, что первая его должность есть быть самому тронуту, что это есть дѣйствительнѣйшее средство трогать другихъ; а дабы самому быть тронуту, надлежитъ ему углубляться въ свой предметъ, одѣвать себя, такъ сказать, страстями тѣхъ людей, о которыхъ онъ печется, поставлять себя на ихъ мѣстѣ, и проч. Въ самой вещи, слушатели не возчувствуютъ ни страха, ни ненависти, ни негодованія, ни сожалѣнія, естьли онъ самъ не объятъ тѣмъ огнемъ, которой хочетъ онъ возжечь въ душѣ ихъ. Никогда не извлечетъ онъ слезъ изъ нихъ, ежели самъ не начнетъ изливать оныя: si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi. Искуство не можетъ изъяснять чувствованій природы, должно самой ей изъясняться. Не вида и не подражанія печали требую я, говоритъ *Цицеронъ*, но печали дѣйствительной и прямой, воздыханій, произходящихъ отъ сердца, подлинно тронутаго: non simulacra, neque imitamenta, sed luctus verus, atque lamenta vera et spirantia.

Къ симъ размышленіямъ присовокупимъ мы четыре примѣчанія, которыми сей важный членъ окончится.

1. Ораторъ, при изображеніи какой нибудь страсти, долженъ стараться находить термины и фигуры, пристойныя оной; ибо всякая страсть имѣетъ свой языкъ, свои выраженія, свои *приличности*. Слово вычищенное, наполненное цвѣтами, періодическое не можетъ

трогать; страсть изъясняется иначе, она отмещетъ все увеселяющее умъ, она идетъ прямо къ сердцу.

2. При изображеніи страстей ничего не должно вмѣшивать посторонняго и несовмѣстнаго; это есть великая тайна—съ успѣхомъ возбуждать или утолять оныя. Душа хочетъ слѣдовать за своимъ предметомъ: естьли въ то время, когда ты стараешься вдохнуть въ нее чувствованіе надежды, примѣшиваешь какую нибудь причину страха, ужаса; то портишь единство оныя страсти, останавливаешь дѣйствіе ея, и тогда умъ слушателя ослабляется, и уже не пріемлетъ того впечатлѣнія, какое ты въ немъ произвесть желалъ бы, или пріемлетъ оное несовершенно.

3. Не надобно возбуждать движеній весьма часто, ни весьма долго производить оныя. Къ продолжительному всякой привыкаетъ, и перестаетъ быть поражаемъ онымъ. Тѣло твердѣетъ при повторяемыхъ ударахъ, душа при продолжаемыхъ возбужденіяхъ.

4. Наконецъ, при изображеніи страстей, причиняющихъ человѣкамъ нещастія или стыдъ, любовь запрещаетъ Оратору дѣлать частныя выставки, злобныя принаровленія, которыя доказываютъ противное Христіанству намѣреніе, подвергнуть кого—нибудь публичному поношенію.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О

ЗАКЛЮЧЕНІИ.

Заключеніе изъ всѣхъ частей слова есть самая важная и трудная часть. Здѣсь-то Ораторъ долженъ изливать всю чувствительность, и дѣлать сильнѣйшіе удары: всѣ нравственныя матеріи оканчиваются страстными заключеніями. Поелику вниманіе слушателей всегда усугубляется при концѣ слова, то проповѣдникъ обязанъ увѣнчавать свои наставленія сильными и трогательными изображеніями, которыя производили бы великое колебаніе въ совѣстяхъ, и оставляли въ умахъ неизгладимое впечатлѣніе.

Посему я думаю, что краткое повтореніе главныхъ пунктовъ, разобранныхъ порознь и пространнѣе въ срединѣ слова, не можетъ столько дѣйствовать на сердца вѣрующихъ, какъ страстное увѣщаніе имъ, или нѣжная молитва верьховному Владыкѣ сердецъ. Такъ знаменитые Ораторы оканчиваютъ большую часть своихъ проповѣдей. Слово *Массильйона о употребленіи времени*, оканчивается сильнымъ и убѣдительнымъ увѣщаніемъ.

„Размышляйте о сихъ святыхъ истинахъ, „братіе мои! время кратко, невозвратно; оно „есть цѣна вѣчнаго вашего благополучія; оно „дано вамъ только для того, чтобы вы содѣ„лались достойными небесныхъ благъ. По„сему размѣряйте, сколько онаго должны вы

„давать въ жертву міру, удовольствію, по-
„требностямъ своего состоянія, своему спа-
„сенію. *Братіе*, говоритъ Апостолъ, *время пре-*
„*кращенно есть;* станемъ пользоваться міромъ
„такъ, какъ бы мы онымъ не пользовались;
„станемъ обладать своими благами, своими до-
„стоинствами, своими титлами такъ, какъ
„бы мы оными не обладали; станемъ утѣшать-
„ся благосклонностію нашихъ начальниковъ и
„почтеніемъ людей такъ, какъ бы мы не имѣ-
„ли сея утѣхи: это ничто иное есть какъ
„тѣнь, отъ насъ убѣгающая, и не будемъ ни-
„чего почитать существеннымъ во всей сво-
„ей жизни, какъ только тѣ минуты, кото-
„рыя употребимъ мы для неба."

Шемине, оканчивая свое слово о *трудности спасенія*, приноситъ Богу сію трогательную молитву:

„Къ Тебѣ наипаче, Боже мой, должны мы
„прибѣгать: *Господи! спаси ны, погибаемъ;* спаси
„насъ, Господи, на семъ бурномъ океанѣ міра,
„гдѣ толикіе востаютъ вѣтры, гдѣ толикіе
„скрываются камни: буря намъ угрожаетъ,
„волны насъ захватываютъ, искуство дѣлает-
„ся безполезнымъ и сила недѣйствительною;
„*спаси ны*. Какъ! уже ли Твое всегда отверзстое,
„недремлющее, бдящее надъ избранными око
„воздремлетъ, закроется надъ нами? *погибаемъ*.
„Міръ насъ увлекаетъ, стремленіе водное насъ
„уноситъ, обычай нами властвуетъ, все со-
„единяется къ погубленію насъ, оставишь ли
„насъ Ты? Ахъ, Господи! естьли воспоминаніе
„прошедшаго преклоняетъ Тебя на милость,
„помяни, что я иногда приступалъ къ дѣламъ

„правды; были нѣкоторыя минуты въ жизни „моей, когда я подвизался; мало сего для Тебя „столь великаго Бога, но оно стоитъ чего „нибудь, относительно ко мнѣ, слабой и несо-„вершенной твари. Что я говорю, о мой Боже, „и какая моя дерзость, что Твои дары вмѣ-„няю себѣ въ заслугу? Помяни, Господи, чу-„деса сотворенныя Тобою для спасенія мо-„его, и соверши дѣло, столь дорого Тебѣ сто-„ившее. Наипаче, Боже мой, не удаляй опасно-„сти отъ очей моихъ, воззрѣніе на оную все-„гда поощрять меня будетъ къ бодрствованію; „не попусти мнѣ уснуть въ ложной безопа-„сности. Святые Твои, содѣявши великія дѣла, „трепетали; даждь мнѣ, Господи, сей же „страхъ, и да не буду я въ ономъ празденъ, „но да непрестанно побуждаетъ онъ меня „трудиться до того дня, когда я вниду въ „блаженную вѣчность."

Впрочемъ, естьли Ораторъ за нужное почитаетъ повторить слушателямъ въ заключеніи доказательства, имъ приведенныя; то онъ долженъ пройти оныя скоро, не входить въ подробности, не дѣлать сухаго раздробленія (analysis), и поспѣшно вывести изъ всего сказаннаго заключеніе поразительное, которое довершило бы его торжество.

Массильйонъ съ успѣхомъ употребилъ сей образъ повторенія при концѣ своего слова, о *несомнѣнности будущаго*.

„Чтожъ заключить изъ сего слова? Вотъ „что! Нечестивый достоинъ сожалѣнія тѣмъ, „что въ ужасной сумнительности о исти-„нахъ вѣры ищетъ сладчайшей своей надежды;

„достоинъ сожалѣнія, что не иначе можетъ „жить спокойно, какъ живя безъ вѣры, безъ „Богослуженія, безъ Бога, безъ упованія; до„стоинъ сожалѣнія, что Евангеліе для него „ничто иное есть, какъ баснь, вѣра всѣхъ вѣ„ковъ—легковѣріе, согласное мнѣніе всѣхъ лю„дей—простонародное заблужденіе , первыя „начала природы и разума—предразсудки мла„денчества, кровь мучениковъ—которыхъ чая„ніе будущаго подкрѣпляло въ страданіяхъ— „игра для прельщенія человѣковъ, обращеніе „вселенныя—предпріятіе человѣческое, испол„неніе пророчествъ—случайность ; словомъ , „что все благоустроенное во вселенной—для „него ложъ, дабы ему не быть вѣчно неща„стнымъ.“

„О человѣкъ! я тебѣ покажу надежнѣйшее „средство къ успокоенію себя. Страшись сего „будущаго, которому не вѣрить принуждаешь „себя; не спрашивай насъ, что происходитъ „въ этой другой жизни, но вопрошай непре„станно самаго себя, что ты дѣлаешь въ жи„зни здѣшней. Успокой свою совѣсть непо„рочностію нравовъ, а не нечестіемъ мнѣній. „Умири свое сердце призываніемъ Бога, а не „сумнѣніемъ, взираетъ ли Онъ на тебя. Миръ не„честиваго ничто иное есть, какъ бѣдствен„ное отчаяніе. Ищи своего щастія, не свергая „ига вѣры, но вкушая, сколь оно благо; испол„няй правила, ею тебѣ предписываемыя, и ра„зумъ твой не будетъ отвергать таинствъ, „которымъ вѣрить тебѣ повелѣваетъ. Будущ„ность престанетъ казаться тебѣ неимовѣр„ною , какъ только ты престанешь жить

„сообразно людямъ, заключающимъ свое бла-
„женство въ маломъ пространствѣ сея жизни.
„Тогда нимало не боясь сего будущаго, ста-
„нешь стремиться къ оному своими желанія-
„ми, станешь воздыхать о томъ щастливомъ
„дни, въ которой Сынъ человѣческій, Отецъ
„будущаго вѣка, пріидетъ наказать невѣрую-
„щихъ, и привести въ царствіе Свое всѣхъ,
„живущихъ въ чаяніи блаженныя вѣчности."

Парафрастическое объясненіе какого нибудь мѣста изъ Священнаго Писанія можетъ составлять цѣлое и притомъ трогательнѣйшее заключеніе. Примѣры:

„Граде Божій! услышалъ я о тебѣ неиз-
„глаголанное, и сердце мое взыграло отъ ра-
„дости. Когда несовершенное сказаніе о тво-
„ихъ чудныхъ доброТахъ наполняетъ меня
„толикимъ веселіемъ; то сколь усладительно
„будетъ чувствованіе оныхъ! Когда грубое мое
„понятіе объ оныхъ восхищаетъ меня, то
„какія дѣйствія производить будетъ во мнѣ
„самое видѣніе и вкушеніе ихъ! *Возвеселихся*
„*о рекшихъ мнѣ*, и проч." (Пулль въ словѣ *о небѣ.*)

„Хрісте, Царю мира!... погаси враждебный
„пламень, во утробахъ нашихъ горящій, и по-
„вели загорѣться другому чистѣйшему пламе-
„ню мира; или сердце наше премѣни, или его
„вновь претвори, якоже вѣси; *сердце чисто со-*
„*зижди* въ насъ, *Боже!* и проч.

(Изъ собранія поученій на всѣ Воскресные и Праздничные дни, гдѣ довольно примѣровъ и на предъидущія правила заключенія.)

Заключеніе панегирика должно быть еще возбудительнѣе, нежели другія части. Оно,

къ удивленію слушателей, представляетъ послѣднія минуты праведника, представляетъ имъ въ образецъ его ироическое постоянство, его живую вѣру, его душевное спокойствіе и все, что усугубляетъ блескъ его добродѣтелей. Изъ сего видно, чего отъ Оратора требуетъ сія столь трогательная картина, сколь черты ея должны быть живы и разительны.

Такого достоинства есть слѣдующее заключеніе:

„Пріидите убо, Христіане, научитесь благо-„честиво жить, дабы вамъ благодушно уме-„реть. Воззрите съ уваженіемъ на сію вели-„кую Жертву, сожженную любовію. Посмотри-„те, какая тишина на семъ умирающемъ лицѣ! „какой величественный огнь въ его очахъ! ка-„кая трогательность въ его словахъ! какая „свѣтлость на челѣ его! какія черты величія! „какой источникъ слезъ! какое стремленіе „сердца къ Святому Іерусалиму! какіе нѣжные „взоры на распятаго Іисуса! Сей Мужъ вели-„кій въ жизни, не является ли болѣе великимъ „при смерти? Его послѣднія воздыханія не „суть ли воздыханія Героя? и при семъ зрѣ-„лищѣ не скажете ли вы со мною: индѣ смерть „есть униженіе великихъ, здѣсь смерть — „торжество Святыхъ.“ (Перюссо.)

Заключеніе надгробнаго слова должно быть утѣшительно и вмѣстѣ поучительно, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Что скажу я вамъ, мои слушатели, при „семъ плачевномъ и назидательномъ обрядѣ? „Скажу вамъ, что образъ міра сего обманчивъ, „онъ преходитъ, и ваши богатства, ваши

„удовольствія, ваши чести съ нимъ преходятъ.
„Естьли бы слава и добродѣтель могли увольнять человѣка отъ общаго закона, то бы знаменитая и добродѣтельная *Юлія* жила еще „съ своимъ супругомъ; малое количество земли покрываетъ сіи великія имена и сіи великія достоинства. Какой гробъ когда нибудь „заключалъ въ себѣ столь драгоцѣнные остатки? Смерть паки соединила то, что она „разлучила. Супругъ и супруга ничто болѣе, „какъ единъ прахъ; и между тѣмъ какъ ихъ „души, очищенныя кровію Іисуса Хріста, покоются въ нѣдрѣ мира, я смѣло полагаю такъ, „уповая на милосердіе Божіе, смиренныя кости ихъ радуются, опочивая въ надеждѣ совершеннаго соединенія и славнаго воскресенія.“

(Флешьеръ въ надгр. словѣ госпожѣ де—Монтозьеръ.)

Боссюэтъ соединяетъ высокое и патетическое краснорѣчіе въ заключеніи надгробнаго слова Великому *Конде*. Онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ, Князей, народъ, воиновъ и особливо друзей сего героя къ его гробницѣ, плакать на его прахѣ.

„Устремите сюда взоръ свой всѣ со всѣхъ „сторонъ; вотъ все то, чѣмъ пышность и любовь могла почтить героя! Вотъ титлы, надписи, суетные знаки того, чего уже нѣтъ! „Вотъ фигуры, представленныя плачущими „вокругъ гроба, и бренныя изображенія печали, „которыя время истребитъ съ прочими вещами! вотъ столпы, кои по видимому хотятъ „вознести къ небу великолѣпное свидѣтельство нашего ничтожества! Нѣтъ никакого „недостатка въ сихъ почестяхъ, нѣтъ только

„того, кому онѣ воздаются. Плачите убо „на сихъ слабыхъ остаткахъ жизни человѣ„ческой; плачите надъ симъ печальнымъ „безсмертіемъ, которое мы даемъ героямъ.“

Наконецъ, онъ присовокупляетъ сіи всѣмъ извѣстныя и памятныя слова:

„Что-касается до меня, естьли позво„лительно мнѣ послѣ всѣхъ воздать послѣдній „долгъ сему гробу, о Князь, достойный пред„метъ нашихъ похвалъ и нашего сожалѣнія! „ты вѣчно жить будешь въ моей памяти.... „Прими сіе послѣднее усиліе гласа, которой „былъ тебѣ извѣстенъ; ты положишь конецъ „всѣмъ моимъ словамъ. Вмѣсто оплакиванія „смерти другихъ, великій Князь, я хочу отъ „тебя научиться—содѣлать мою смерть свя„тою; блаженъ я, естьли, будучи извѣщаемъ „сими бѣлыми власами о томъ отчетѣ, кото„рой долженъ я дать Всевышнему въ моемъ „званіи, соблюду для моего стада, кое обязанъ „питать словомъ жизни, остатки гласа изне„могающаго и жара погасающаго.“

Въ семъ трогательномъ заключеніи, пріятно намъ видѣть Оратора, самаго себя представляющаго на сцену; почтенный старецъ, прославляющій великаго мужа, бѣлые власы, ослабѣвающій гласъ, обращеніе къ прошедшему, твердое и печальное воззрѣніе на будущее,— все сіе производитъ въ душѣ глубокое чувствованіе, которое имѣетъ нѣчто пріятное, высокое, меланхолическое и нѣжное.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О

ОРАТОРСКОЙ БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ.

Естьли Ораторъ необходимо долженъ хорошо располагать свои доказательства, естьли ему нужно знать, сколько-то можно, сердце человѣческое, для возбужденія или утоленія, по своей волѣ, страстей; то не менѣе важно для него знать и Ораторскую благопристойность.

Такъ называются извѣстныя предосторожности, которыя онъ долженъ принимать, дабы не оскорблять чувствительности тѣхъ, предъ которыми или о которыхъ онъ говоритъ, и тѣ искусные обороты, кои употребляетъ говоря то, что безъ оныхъ казалось бы грубымъ и оскорбительнымъ.

Хотя священное краснорѣчіе не должно ласкательствовать людямъ; однако сіи предосторожности непротивны истинѣ, долженствующей царствовать въ ономъ. *Боссюэтъ*, *Бурдалу*, *Массильйонъ* и всѣ знаменитые Ораторы, которыхъ ревность равнялась съ дарованіями, никогда не забывали должности вразсужденіи своихъ слушателей; и за сіе не обвиняли ихъ въ снисхожденіи слабостямъ и безпорядкамъ. Осторожность, съ каковою они разсуждали о нѣкоторыхъ опасныхъ матеріяхъ, есть образецъ для всякаго служителя Евангелія; и примѣры, которые мы представимъ, ясно покажутъ, съ какимъ искусствомъ соглашали они строгость съ уваженіемъ, пристойность

съ истиною, когда обстоятельства, матерія или лица того требовали.

ПРИМѢРЫ БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ

въ словахъ нравоучительныхъ.

1. Есть въ нравственности такія матеріи, которыя могутъ оскорблять стыдливость, и о коихъ впрочемъ проповѣдникъ говорить обязанъ. Какія тогда долженъ онъ наблюдать предосторожности, чтобъ или прикрывать нѣсколько тѣ срамоты, которыя по своему званію осуждать долженствуетъ, или изображать тѣ безпорядки, противъ коихъ надобно ему вооружаться! Здѣсь нужно ему совершенное свѣденіе, заслуженное доброе имя, дознанная честность, дабы онъ могъ входить въ подробности, не соблазняя слушателя. Нужнѣе же то, чтобы выраженія, имъ употребляемыя, были мѣрны, и никакое его изъясненіе не могло досаждать благопристойности; чтобы онъ оставлялъ только угадывать то, что опасно обнаруживать, и извинялся бы въ томъ, что столь далеко простирается.

Бурдалу, въ словѣ о *распутствѣ,* сильно изобразилъ пагубныя слѣдствія сего порока, и необузданное безстыдство развратныхъ женщинъ. Онъ присовокупляетъ:

„Не огорчайтесь, дщери мои! Ежели есть „неразуміе въ томъ, что я столь далеко про„стеръ мои обличенія; то, по примѣру Свя„таго *Павла,* заклинаю васъ оное снести. *О „да бысте мало потерпѣли безумію моему! но и по„терпите мя.* Богъ, свидѣтель моихъ намѣреній,

„знаетъ, съ какимъ уваженіемъ къ вашимъ „особамъ, и съ какою ревностію по вашемъ „спасеніи говорю я теперь . . . Меня оскорб-„ляетъ то, что на васъ возлагаютъ, и мо-„жетъ быть справедливо, вину сего разпут-„ства нравовъ, которое день отъ дня воз-„растающимъ мы видимъ, и пр.“

2. Просвѣщеннѣйшіе и благоразумнѣйшіе Ораторы приводятъ иногда такія предложенія, которыя при первомъ взглядѣ кажутся противными вѣрѣ, благопріятствующими разврагности, или напротивъ, увеличивающими строгость Евангелія; тогда-то наипаче нужны поправленія и изъясненія. Но еще нужнѣе сіи предосторожности тогда, когда предлагаются такія матеріи, которыя вольнодумцы могутъ принимать въ худую сторону, и злобно къ чему нибудь принаравливать противъ намѣренія Оратора. *Бурдалу*, говоря о ложномъ благочестіи, описываетъ злоупотребленія онаго съ такою осторожностію, что предупреждаетъ всѣ принаровленія, какія бы могъ кто нибудь сдѣлать къ благочестію истинному.

„Благочестивый сего свойства, говоритъ „онъ, (позвольте мнѣ употребить сіе выраже-„ніе), благочестивый, преданный корысто-„любію, способенъ ко всему . . . Хочетъ ли онъ „учинить мщеніе? ничто ему не препят-„ствуетъ. Хочетъ ли онъ вытѣснить против-„ника? онъ все можетъ. Хочетъ ли затмить „честь ближняго и его опорочить? одно сви-„дѣтельство его обвинитъ самую невинность. „Не ложнымъ ли (я не приведу васъ въ замѣ-„шательство сими словами, ибо говорю оныя

„не для того, чтобы унизить благочестіе,-из-
„бави Боже! но чтобы явно обличить злоупо-
„требленія, могущія вкрадываться въ оное,
„и давно уже вкравшіяся,) не ложнымъ ли
„благочестіемъ многіе изъ самыхъ слабыхъ
„подданныхъ взошли на высочайшія степени,
„многіе изъ самыхъ недостойныхъ уваженія
„и похвалы, бываютъ наиболѣе одобряемы и
„чтимы, и не имѣя никакого отличія, ника-
„кой заслуги, развѣ только нѣкоторой видъ
„честности, другимъ предпочитаются и
„занимаютъ первыя мѣста? . . . Такъ, мои
„слушатели, не скроемъ сего; сіе-то корысто-
„любіе было во всѣ времена великимъ соблаз-
„номъ благочестія; сіе-то зло, естьли могу
„такъ сказать, дѣлаетъ оное презритель-
„нымъ въ мірѣ.“

Хотя сіи истины подтверждаются опытомъ, но могли бы не понравиться слушателямъ безъ сихъ поправленій, которыя Ораторъ присоединилъ къ онымъ.

3. Естьли осторожность всегда прилична въ устахъ Христіанскаго Оратора, котораго ревность никогда не должна быть огорчительна и досадна; то особливо надлежитъ ему употреблять оную тогда, когда онъ простираетъ свое слово къ особамъ, почтеннымъ по своему достоинству и состоянію. *Массильйонъ* подаетъ намъ удивительные примѣры сего наблюденія въ своихъ соборныхъ словахъ.

Въ 17-мъ словѣ, дабы нѣкоторыхъ священнослужителей своей Епархіи, съ жадностію требовавшихъ мзды за свои службы, побудить къ исправленію себя отъ столь гнуснаго

сребролюбія, употребляетъ онъ остроумнѣйшій оборотъ, не попускающій никому сдѣлать примѣненіе къ себѣ, говоря вообще всему собранію слѣдующимъ образомъ:

„Единственное средство къ прекращенію „сего поноснаго зла въ области нашей есть „то, чтобъ вы, братіе мои, которые съ нами „и съ Церковію раздѣляете соболѣзнованіе объ „ономъ, которые прославляете служеніе свое „среди людей, ввѣренныхъ вашему попеченію, „кои есте слава наша, утѣшеніе наше, и въ „приходахъ своихъ достойные сотрудники „нашего Епископства, чтобъ вы обнаружи„вали весь ужасъ, причиняемый вамъ соблаз„номъ столь постыднымъ для священнослу„женія, чтобъ вы оставили всякое снисхо„жденіе, всякую терпимость, всякое человѣ„ческое уваженіе къ тѣмъ изъ своихъ братій, „о которыхъ знаете, что они заражены столь „отвратительнымъ недугомъ, и проч.“

Въ 16-мъ словѣ, гдѣ онъ разсуждаетъ о обученіи и знаніи, нужномъ служителямъ Церкви, оплакиваетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ слѣдствія ихъ непросвѣщенія и лѣности.

„Братіе мои! я отягощаюсь сказать то, „скажите вы сами вмѣсто меня, вы, которые „то всегда видите: какую жизнь ведутъ сіи „пастыри, ни въ чемъ не упражняющіеся, не„свѣдущіе, праздные и недѣятельные въ сво„ихъ селахъ? Жизнь столь же низкую, плот„скую, какъ и тѣ, которыми они управляютъ, „или еще и хуждшую; нерадя о уплодотворе„ніи поля Іисусъ Хрістова, оставляютъ оное „безъ воздѣланія, пекутся только о томъ,

,,чтобъ данныя имъ земли приносили имъ ,,большой доходъ; праздность, алчность вводятъ ихъ въ ссоры съ тѣми, которыхъ они ,,должны быть попечителями и отцами, и ,,среди коихъ Церковь поставила ихъ яко ангеловъ мира. Когдажъ временныя заботы ихъ ,,уже не занимаютъ, то никакая книга, никакое полезное упражненіе не привязываетъ ,,ихъ къ паствѣ; жилища ихъ становятся имъ ,,отъ того несносными, безпрестанно они ,,бродятъ, либо для разсѣянія своей скуки, либо ,,для развлеченія своихъ собратій, живущихъ ,,въ такой же праздности, какъ и они. Естьли ,,какое-нибудь препятствіе удерживаетъ ихъ ,,въ приходѣ, то ходятъ только изъ дома въ ,,домъ безъ всякой пользы, и весьма часто показываются своимъ прихожанамъ, надѣясь ,,отъ нихъ быть когда—нибудь полезными. ,,Какая это жизнь священника, занимающаго мѣсто Іисуса Хріста между Его народомъ, строителя Его таинъ, раздаятеля ,,Его милостей!

Потомъ Ораторъ оканчиваетъ свое слово сими трогательными изъясненіями:

,,И такъ я васъ заклинаю, братіе мои, истребить сей, огорчающій насъ, соблазнъ; ,,возвратите сей великой Епархіи ту славу, ,,которою она гремѣла, когда всѣ исполняли ,,полезное установленіе. Мой подвигъ уже сканчавается; не попустите мнѣ совершить ,,оной съ печалію по упадающемъ благочестивомъ обыкновеніи. Сохраните старость мою ,,отъ сея печали, паче же подкрѣпите оную ,,сугубою радостію, возобновивши ревность

„къ своимъ должностямъ, и особливо къ учре-
„жденнымъ *Конференціямъ* (*): *исполните мою ра-
„дость;* съ оными возродится любовь къ упра-
„жненіямъ. Способствуйте, братіе, желаніямъ
„пастыря, который васъ всегда любилъ, ко-
„торый не иначе, какъ съ прискорбіемъ, упо-
„треблялъ свою власть вразсужденіи своихъ
„сотрудниковъ, и который по сему можетъ на-
„дѣяться, что одни его увѣщанія, безъ угрозъ,
„довольны васъ тронуть."

Горячій и запальчивый Ораторъ употребилъ бы здѣсь всѣ язвительныя, и слѣдовательно непристойныя укоризны. Это не есть гласъ мудраго, которой, нимало не утаивая истины, умѣетъ содержать себя въ предѣлахъ умѣренности.

О благопристойности въ Панегирикахъ.

Въ похвалахъ Святымъ наблюдается также нѣкоторая благопристойность. Есть изъ Святыхъ такіе, которыхъ не льзя хвалить, не упоминая о заблужденіяхъ ихъ юности. Поелику они съ удивительнымъ мужествомъ восторжествовали надъ весьма сильными, очаровательными страстями, то надлежитъ Оратору, для возвеличенія важности ихъ побѣды, представлять поразительную картину того жалостнаго состоянія, въ которомъ они находились. Выраженія самыя мѣрныя, черты

(*) Священники нѣсколькихъ сосѣдственныхъ приходовъ, собираются каждую недѣлю къ одному изъ своихъ собратій, для сообщенія другъ другу разныхъ сомнительныхъ случаевъ, которые встрѣчаются имъ въ отправленіи священнической должности, и для рѣшенія оныхъ съ общаго согласія.

тонкія, размышленія Христіанскія должны сообщать симъ подробностямъ такую благопристойность, которая не ослабляла бы ни истины, ни трогательности оныхъ.

Примѣры благопристойности въ словахъ Надгробныхъ.

Надгробное слово есть дань похвалъ, платимая царямъ и великимъ мужамъ. Религія позволяетъ воздавать имъ оную; но сіи Монархи, сіи знаменитыя особы при всемъ своемъ величія были человѣки; они имѣли свои недостатки, свои слабости, и иногда съ блестящими добродѣтелями пороки нрава или состоянія. Умалчивать о сихъ несовершенствахъ, которыя безъ сомнѣнія поражали глаза согражданъ, значитъ предательствовать истину; но хотя не позволяется утаивать оныхъ, однако должное уваженіе къ сану или заслугѣ сихъ людей, по видимому требуетъ, чтобъ Ораторъ нѣкоторымъ образомъ уменьшалъ или извинялъ то, что дѣла ихъ при первомъ взглядѣ имѣютъ предосудительнаго, приписывая оное слабости возраста, опасностямъ случаевъ, нещастіямъ временъ, нуждѣ обстоятельствъ или другимъ подобнымъ причинамъ, подлинно имѣвшимъ вліяніе на тѣ дѣйствія, которыя онъ хочетъ представить въ выгодномъ видѣ. Нѣкоторые Ораторы удивительны въ сей части искуства, какъ-то примѣчаетъ Г. *Ролленъ*, и мы можемъ судить о томъ изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Во время междуусобныхъ браней, бывшихъ во Франціи при малолѣтствѣ Лудовика XIV,

Тюреннъ и другіе славные мужи оказались, противъ своей должности, участниками возмущенія, и имѣли нещастіе востать на своего Государя. Вотъ искусный оборотъ, которой употребляетъ *Флешьеръ* для прикрытія преступленія, учиненнаго *Тюренномъ* въ сихъ нещастныхъ обстоятельствахъ!

„Вспомните, слушатели, сіи времена без„порядка и возмущенія, въ которыя мрачный „вражды духъ смѣшивалъ долгъ съ пристра„стіемъ, право съ корыстію, справедливость „съ неправдою; въ которыя самыя блистатель„ныя звѣзды почти всѣ нѣкоторое претер„пѣли затмѣніе, и самые вѣрные подданные „быстриною разномыслія противъ своея воли „увлекаемы были подобно тѣмъ кормщикамъ, „которые въ открытомъ морѣ будучи захва„чены бурею, принуждены съ желаемаго пути „совратиться, и на время отдать себя на „произволъ вѣтровъ и вихрей. Таково право„судіе Господне, такова естественная немощь „человѣковъ! Но мудрый скоро въ себя обра„щается; какъ въ религіи, такъ и въ поли„тикѣ есть нѣкое покаяніе, славнѣйшее самыя „невинности и заглаждающее малую слабость „чрезвычайными добродѣтелями и непрерыв„ною ревностію.“

Подобную мысль приводитъ *Боссюэтъ*, для отвращенія укоризны, которую всякой могъ бы дѣлать памяти великаго *Конде* за то, что онъ не только ушелъ къ непріятелямъ, но и управлялъ ихъ войскомъ противъ своего отечества. Ораторъ тотчасъ открываетъ сей случай, почти безъ всякой увертки.

„Поелику должно теперь упомянуть о „семъ произшествіи, о которомъ желалъ бы „я вѣчно молчать; то скажу, что онъ до сей „злощастной темницы не помышлялъ о из„мѣнѣ своему отечеству, и, будучи въ силѣ, „естьли желалъ снискать милости, то еще „болѣе желалъ оныя заслужить. И посему-то „онъ говорилъ: я могу представить здѣсь „предъ симъ олтаремъ слова, мною изъ устъ „его слышанныя, ибо они открываютъ чув„ства его сердца; онъ говорилъ, упоминая о „сей злощастной темницѣ, что онъ вошелъ „въ нее невиннѣйшимъ изъ всѣхъ людей, а „вышелъ великимъ преступникомъ. Увы! про„должалъ онъ, я думалъ только о службѣ Ко„ролю и о славѣ Королевства. Сіи слова дока„зывали искреннее сожалѣніе его о томъ, что „онъ столь далеко увлеченъ былъ своими не„щастіями. Но не хотя извинять того, что „онъ самъ явно осуждалъ, скажемъ въ послѣ„дній разъ, что какъ прегрѣшенія Святыхъ по„каявшихся, покрыты будучи свѣтомъ Боже„скаго милосердія и тѣмъ, что они содѣлали „для заглажденія оныхъ, въ вѣчной славѣ не„видны; такъ и въ проступкахъ, столь искрен„но признанныхъ и столь славно заглажен„ныхъ усердными подвигами, должно только „взирать на смиренное признаніе Князя, въ „оныхъ раскаявшагося, и на милость великаго „Короля, которой оные забылъ.“

Сказали мы, что Ораторы для сохраненія чести своихъ героевъ приписываютъ иногда ихъ несовершенства внѣшнимъ причинамъ.

Сію-то предосторожность наблюдаетъ *Массильйонъ* въ надгробномъ словѣ Дофину.

„Я не хочу вопреки истинѣ представлять здѣсь слабости его юныхъ лѣтъ въ видѣ достохвальныхъ поступковъ. Похвалимъ въ немъ только дары Божіи, и оплачимъ немощи человѣческія; не извинимъ того, что онъ осуждалъ, и когда Церковь приноситъ здѣсь умилостивительную жертву, когда она сими печальными пѣснопѣніями молитъ Господа, да очиститъ его отъ немощей естественныхъ, не убоимся говорить такъ, какъ она молитъ, и признать, что онъ подверженъ былъ онымъ. Увы, что есть юность Государей! И самыя щасливыя и похвальныя склонности что могутъ противъ всего ихъ окружающаго? Мы, меньше нежели они видя искушеній, благочестивѣе ли ихъ? Наши проступки скрываются во мракѣ; но что бы представляла наша жизнь очамъ общества, естьли бы она такъ видима была, какъ жизнь ихъ? Ахъ! нещастливы они въ своей степени тѣмъ, что, часто будучи невиннѣе насъ, никогда не могутъ, подобно намъ, оставаться безъ наказанія ни за одинъ порокъ. Ежели была какая нибудь непристойность въ юныхъ лѣтахъ сего Принца, то возрастъ болѣе тому причиною нежели сердце: случай могъ привесть его въ слабость, но никогда не сдѣлалъ его порочнымъ, и прочіе дни его, проведенные уже въ порядкѣ, ясно доказываютъ, что его заблужденіе происходило отъ забвенія, и что онъ, возвратившись къ должному, возвратился къ себѣ самому.“

Никогда не позволяется превозносить одного человѣка съ умаленіемъ чести другаго, и дѣлать ему похвалу, унижая его предшественниковъ, особливо когда честь сихъ не заслуживаетъ ни уменьшенія, ни помраченія. *Массильонъ* для похваленія ревности, съ каковою Г. *Виллероа*, Архіепископъ Ліонскій, посѣщалъ свою Епархію, какъ-бы принужденъ былъ упомянуть о нерадѣніи нѣкоторыхъ его предшественниковъ , но сколь осторожно представилъ оное!

„Долгое время сія Церковь не видала своихъ пастырей, которые яко священныя облака приходили бы въ принадлежащія ей мѣста изливать на всѣхъ спасительную росу; „старцы, имѣвшіе прежде удовольствіе видѣть ихъ въ своихъ селахъ, разсказывали о „томъ своимъ внукамъ, какъ о чемъ-нибудь „чрезвычайномъ. Но не думайте, чтобъ я хотѣлъ помрачить ихъ память, для восхваленія „Іерарха, нами оплакиваемаго. Я весьма уважаю священный прахъ сихъ великихъ мужей; „я знаю, что они имѣли нещастіе жить въ „худыя времена, что сіи неисправности были „пороками ихъ вѣка , а не ихъ личными ; и „естьли они ничего не сдѣлали лучшаго, то „по той причинѣ, что тогда лучше дѣлать „не удобно было.“

Бываютъ такіе случаи, которыхъ Ораторъ для благопристойности долженъ слегка касаться, а не входить въ подробное описаніе оныхъ. *Боссюэтъ*, на примѣръ, въ надгробномъ словѣ Англійской Королевѣ, не хочетъ прямо сказать, что *Карлъ* I умеръ на эшафотѣ, но

дабы воспомянуть о семъ приключеніи, онъ дѣлаетъ искуснѣйшее примѣненіе; онъ только влагаетъ въ уста Королевы сіи слова Пророка *Іереміи,* которой одинъ, какъ онъ говоритъ, можетъ равнять плачь съ бѣдствіемъ: „виждь, „Господи, смиреніе мое. Возможе врагъ, и погибоша сынове мои; руку свою простре стужаяй на вожделѣнная моя, и изби красная „очію моею, оскверни Царя своего, и князи „его изверже на землю. Многа суть стенанія „моя, и сердце мое скорбитъ, удалися „утѣшаяй мя.“

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О

ПРИВѢТСТВІЯХЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ ПРОПОВѢДЯХЪ И ДРУГИХЪ СВЯЩЕННЫХЪ РѢЧАХЪ.

Принятое обыкновеніе, кажется, не иначе уже позволяетъ служителямъ Евангелія проповѣдать слово Божіе въ присутствіи владыкъ свѣта и знаменитыхъ особъ, какъ съ воскуреніемъ предъ ними ѳиміама. Что долженъ дѣлать Христіанскій Ораторъ въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ его молчаніе могутъ толковать во вредъ ему? Никогда не преступать въ хваленіи границъ справедливости, ибо религія позволяетъ однѣ только похвалы; согласныя съ истиною не унижать священнаго служенія хвалами увеличивательными, которыя никогда не могутъ

обмануть ни великаго мужа, презирающаго оныя, ни Оратора, произносящаго ихъ, ни слушателя, которой имъ внемлетъ, ни Бога, Которой ихъ судитъ. *Хвалить Царей за добродѣтели, коихъ они не имѣютъ*, говоритъ Рошефукольтъ, *есть безстрашно поносить ихъ;* есть по крайней мѣрѣ забывать должное къ нимъ уваженіе. Наконецъ, лучше ограничивать себя парафрастическимъ объясненіемъ текста изъ Священнаго Писанія, либо молитвою къ Богу, либо обращеніемъ (apostrophe) къ слушателямъ, нежели употреблять стиль прямой, которой бы производилъ въ похвалѣ нѣкоторое единообразіе, и заставлялъ бы краснѣть ту особу, которую Ораторъ выхвалить хочетъ. Но какой бы оборотъ ни избралъ Ораторъ, долженъ онъ связывать привѣтствіе съ матеріею, избѣгать общихъ мѣстъ, которыя ничьихъ свойствъ не изображаютъ, вмѣшивать въ похвалу наставленіе, или лучше выводить оное изъ самой похвалы, представлять малое число идей живыхъ и поразительныхъ, и стараться оканчивать мыслію удачною и такою, которую бы легко было удержать въ памяти. Сію-то методу соблюлъ *Массильйонъ* въ превосходнѣйшемъ приступѣ слова, говореннаго въ день всѣхъ Святыхъ. Привѣтствіе, въ ономъ содержащееся, есть образецъ и примѣръ, которой одинъ мы приведемъ.

Ораторъ начинаетъ свою проповѣдь сами словами Евангелія: *Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся*; потомъ, обращаясь къ Лудовику XIV-му, продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Ежели бы міръ говорилъ здѣсь на мѣстѣ

„Іисуса Хрісmа, mо безъ сомнѣнія иначе бы „началъ онъ вѣщать Вашему Величеству. „Блаженъ Государь, сказалъ бы онъ Вамъ, ко-„торой въ сраженіяхъ всегда побѣждаетъ, ко-„торой, одолѣвая соединенныхъ противъ него „Царей, заключаетъ съ ними славнѣйшій миръ, „и котораго духъ больше всякой опасности „и побѣды. Блаженъ Государь, которой во „время продолжительнаго и благополучнаго „царствованія, утѣшается плодами своея сла-„вы, любовію своихъ народовъ, почтеніемъ „своихъ враговъ, удивленіемъ свѣта, пользою „своихъ завоеваній, великолѣпіемъ своихъ про-„изведеній, мудростію своихъ законовъ, буду-„щимъ щастіемъ своихъ потомковъ, и ко-„торому ничего болѣе не остается желать, „какъ только наслаждаться долгое время тѣмъ, „чѣмъ онъ обладаетъ. Такъ сказалъ бы міръ. „Но, Ваше Величество, Іисусъ Хрістосъ не „говоритъ согласно съ міромъ. Блаженъ, глаго-„летъ Онъ, не тотъ, кто есть удивленіе сво-„его вѣка; но тотъ, чье первѣйшее занятіе „есть—будущій вѣкъ, и кто живетъ прези-„рая самаго себя и все преходящее; ибо его „есть царствіе небесное. *Блажени плачущіи, яко „тіи утѣшатся.* Блаженъ не тотъ, кто новыми „завоеваніями разпространяетъ предѣлы сво-„его Государства; но тотъ, кто свои желанія „и свои страсти заключаетъ въ предѣлахъ „закона Божія; ибо онъ наслѣдитъ землю, ко-„торая долговѣчнѣе царствъ земныхъ. *Блажени „кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю.* Блаженъ не „тотъ, кто, возносимъ будучи гласомъ народа „выше всѣхъ Монарховъ, предшествовавшихъ

„ему, наслаждается своимъ величествомъ и „славою; но тотъ, кто, на самомъ Престолѣ „не находя ничего достойнаго любви, ищетъ „здѣсь совершеннаго благополучія въ одной „добродѣтели и правдѣ; ибо онъ насытится: „*Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи на-„сытятся.* Блаженъ не тотъ, кому люди дали „пышныя титла великаго и непобѣдимаго; „но тотъ, кому нещастные предъ Іисусомъ „Христомъ дадутъ титла отца и милосер-„даго; ибо ему оказано будетъ милосердіе: „*Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.* „Блаженъ наконецъ не тотъ, кто, всегда имѣя „во власти судьбу своихъ враговъ, многократ-„но давалъ миръ землѣ; но тотъ, кто могъ „дать оной самому себѣ, и изгнать изъ сво-„его сердца пороки и худыя склонности, на-„рушающія покой его; ибо онъ сыномъ Божі-„имъ наречется: *Блажени миротворцы, яко тіи „сынове Божіи нарекутся.* Вотъ, Ваше Величе-„ство, тѣ, коихъ Іисусъ Христосъ называетъ „блаженными, и Евангеліе не знаетъ инаго „блаженства на земли, кромѣ добродѣтели и „невинности!"

Хотя сія рѣчь долга, но превосходство ея должно представлять ее краткою. Все, чего только можно требовать отъ священнаго Оратора для совершенства привѣтствія, находится въ оной. Кромѣ искуснаго оборота, придающаго ей остроту, похвала натурально течетъ изъ самыхъ словъ Евангелія. Она объемлетъ главныя должности Царскаго достоинства. Наконецъ, истина въ ней наблюдена, и Христіанскій Ораторъ не скрываетъ отъ

Государя, которому онъ говоритъ, какія сей вѣнценосецъ имѣетъ причины плакать и рыдать предъ Богомъ, воспоминая свою юность.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ОСОБЕННЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ НА СЛОВА ДОГМАТИЧЕСКІЯ И НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ, НА БЕСѢДЫ И ДРУГІЯ ПРОСТЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ.

Хотя изъ предложенныхъ правилъ довольно можно узнать вообще тотъ порядокъ, какой надлежитъ священному Оратору наблюдать въ сочиненіи, и тѣ разныя пособія, которыя онъ можетъ заимствовать отъ искусства, для достиженія своей цѣли: но есть особенныя правила, приличныя разнымъ предметамъ, о которыхъ онъ можетъ говорить, и другія, предписанныя самою тою формою, какую каждой родъ рѣчи принимать можетъ; одинаково въ каждомъ родѣ расположеніе, но разны подробности. Тѣ, которыя приличны въ словѣ нравоучительномъ, не имѣютъ мѣста въ догматическомъ, и метода, коей должно держаться въ краткомъ поученіи, невмѣстительна въ бесѣдѣ. И такъ полезно здѣсь показать хотя кратко, какимъ образомъ сіи различные роды наставленія могутъ быть сочиняемы, и представить отличительное свойство каждаго изъ оныхъ.

О словахъ Догматическихъ.

Проповѣдуя о Таинствахъ, должно прежде

всего вдыхать въ слушателей уваженіе къ темнотѣ оныхъ. Естьли бы истины религіи были весьма ясны, то бы онѣ не были предметомъ вѣры; сія темнота Таинствъ есть въ Священномъ Писаніи родъ молчанія, котораго Богъ еще не прерываетъ. Пастырей долгъ есть давать другимъ понятія объ оныхъ столько, сколько можно; отъ ихъ наученія становится простому Хрістіанину то вразумительнѣе, чему онъ прежде вѣрилъ смѣшенно.

Изъясненіе Таинствъ столь же полезно Хрістіанскому благочестію, какъ и нравоучительное увѣщаніе, оно даже вящшую имѣетъ дѣйствительность. Не менѣе нужно вѣровать и благоговѣть, какъ и жить добропорядочно и свято. Кто говоритъ о воплощеніи такъ, какъ святый *Кириллъ* Александрійскій и святый *Левъ*, того слушаютъ съ пользою.

Метода догматическихъ словъ состоитъ въ томъ, чтобъ изъяснять слушателямъ буквальный смыслъ Таинствъ, проникать въ духовный, показывать имъ тѣ намѣренія, какія Богъ имѣлъ, повелѣвъ почитать оныя благочестивыми обрядами, возбуждать въ нихъ благоговѣніе и вдыхать тѣ чувствія, которыми получается отъ оныхъ душевная польза.

За изъясненіемъ таинства слѣдуютъ тѣ обязанности, какія оно возлагаетъ на вѣрующихъ. Ораторъ представляетъ, что нравы должны быть сообразны вѣрѣ. Сія нравственность тѣмъ натуральнѣе и убѣдительнѣе, что

таинство служитъ ей доказательствомъ. Наученный разумъ склоняетъ сердце.

Въ семъ родѣ проповѣданія, таинство должно быть главнымъ предметомъ слова, а нравоученіе есть предметъ придаточный и вторый. Говорить слова нравоучительныя въ то время, когда приличнѣе предлагать догматическія, есть лишать слушателя тѣхъ свѣденій, которыхъ онъ имѣетъ право ожидать, и оставлять его въ незнаніи своей религіи. Когда вѣра во всѣхъ столь ослабѣла, то нѣсколько пространно проповѣдать о Таинствахъ, для священныхъ Ораторовъ есть необходимый долгъ. Такъ поступали *Бурдалу* и *Массильйонъ* въ изящныхъ сего рода словахъ, которыя они оставили намъ для подражанія. Догматическое ученіе открыто въ оныхъ столь же величественно, какъ и основательно, а нравственное выведено изъ онаго равно натуральнымъ и поразительнымъ образомъ.

Разсуждая о таинствѣ Воскресенія Іисуса Христа, *Бурдалу* видитъ въ ономъ съ *Августиномъ* великое чудо и великій примѣръ. Чудо Воскресенія Іисуса Христа, — неоспоримое доказательство Его Божества, и симъ Онъ укрѣпляетъ нашу вѣру; примѣръ Воскресенія Іисуса Христа, и симъ Онъ оживляетъ нашу надежду. Изъ сихъ двухъ частей первая, которую *Бурдалу* объясняетъ и доказываетъ твердыми причинами, есть вся догматическая; вторая гораздо нравоучительнѣе по обличеніямъ, которыя онъ дѣлаетъ вольнодумцамъ за то, что они не вѣрятъ столь несомнѣнной и утѣшительной истинѣ, и Христіанину

вѣрующему оной, но живущему такъ, какъ-бы онъ не вѣровалъ.

Массильїонъ, разсуждая о томъ же предметѣ, кажется, относитъ оной весь къ нравственности. Онъ показываетъ, 1-е, что Воскресеніе Іисуса Хріста *поощряетъ* насъ пребывать твердо въ полученной благодати; 2-е, что оно *научаетъ* насъ пребывать твердо въ оной, и слѣдовательно оно есть побужденіе и образецъ нашей твердости. Оно есть побужденіе, ибо подаетъ намъ сильныя предохраненія отъ ослабленія въ вѣрѣ и надеждѣ. Сіе таинство подкрѣпляетъ нашу вѣру, потому что оно есть какъ-бы основаніе всея религіи. За симъ предложеніемъ слѣдуетъ доказательство истины таинства, и связи онаго со всею системою Хрістіанства; оно подкрѣпляетъ нашу надежду будущія жизни, ободряя и утѣшая насъ въ горестяхъ и опасныхъ искушеніяхъ жизни настоящей, и показывая средства, дающія намъ право надѣяться славнаго воскресенія. Воскресеніе Іисуса Хріста есть образецъ нашей твердости; ибо оно заключаетъ въ себѣ всесовершенное обновленіе. Посему во время Пасхи не должны мы опять ослабѣвать и засыпать грѣховнымъ сномъ, но мужаться и бодрствовать; сіе Ораторъ доказываетъ различными причинами, взятыми изъ намѣренія Церкви, и тѣхъ расположеній, какія вѣрующіе имѣютъ во дни сего торжества; и наконецъ онъ заключаетъ, что, поелику покаяніемъ паки получили мы благодать, то покаяніемъ же только сохранить оную можемъ.

Бурдалу въ таинствѣ Рождества Христова усматриваетъ весь порядокъ искупленія; онъ изъ имени Спасителя выводитъ самое утѣшительное нравоученіе и весьма высокія истины; въ таинствѣ Обрѣзанія показываетъ важность послушанія и пользы, проистекающія изъ повиновенія закону Божію. Сей Ораторъ, всегда столь же удивительный въ своей методѣ разсуждать о другихъ Таинствахъ, примѣчаетъ въ тайнѣ Богоявленія пути Божіи, открывающіеся подъ стопами волхвовъ, пути міра усѣянные бѣдами, пути, которые онъ открываетъ въ обстоятельствахъ поступка Иродова вразсужденіи воплотившагося Бога. Такимъ образомъ, вездѣ у него глубокія мысли, пространные виды, высокое нравоученіе, почерпнутое изъ сущности предмета, и такое, которое, по удивительному расположенію, всегда влечетъ сердце человѣка къ сердцу Божію.

О словахъ Нравоучительныхъ.

Слова нравоучительныя суть другаго рода, потому что догматъ входитъ въ оныя только случайно, и главная цѣль оныхъ есть чистота или исправленіе нравовъ. Здѣсь обличенія неопредѣленныя и общія ни къ чему не служатъ, приводы слишкомъ частные общихъ правилъ крайне уменьшаютъ пользу сихъ словъ. Почему должно дѣлать въ оныхъ начертанія сильныя, чувствительныя и такія, которыя могли бы относиться, естьли не ко всѣмъ слушателямъ, то по крайней мѣрѣ къ большему числу оныхъ. Ораторъ обыкновенно

предлагаетъ о сохраненіи какой-нибудь добродѣтели, или о удаленіи отъ какого — нибудь порока; здѣсь надлежитъ ему посрамлять предубѣжденія, тамъ опровергать ложныя причины, истреблять неосновательныя мнѣнія: на священной каѳедрѣ должно разить порокъ не тѣмъ, что въ ономъ есть смѣшнаго; но тѣмъ, что онъ имѣетъ ненавистнаго, пагубнаго обществу и противнаго Вѣрѣ. Для представленія онаго смѣшнымъ, потребны тонкія мысли; но чтобы изображать гнусность его и пагубныя слѣдствія, нужны мысли сильныя и важныя.

Вѣрнѣйшій способъ предлагать съ успѣхомъ нравоученіе на священной каѳедрѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ избирать матеріи занимательныя, прямо выводя оныя изъ дневнаго Евангелія, естьли то можно; раздѣливши свою матерію ясно, полагать начала твердыя и несомнѣнныя; вступать потомъ въ нравоученіе индукціями сильными, но благоразумными, изображеніями такими, въ которыхъ, не означая лицъ, надлежитъ представлять пороки ненавистными, и такимъ образомъ доводить слушателя до назидательныхъ послѣдствій, и тѣхъ рѣшеній, которыя онъ долженъ принимать для исправленія своихъ нравовъ.

Нужнѣйшій предметъ нравоучительныхъ словъ есть покаяніе. Проповѣдали оное Пророки, проповѣдалъ Іисусъ Христосъ, и Священное Писаніе называетъ тѣхъ ложными учителями, кои возвѣщать оное боятся. Ораторъ съ успѣхомъ побуждаетъ слушателей къ

покаянію, показывая имъ, колико суды Божіи страшны и несогласны съ нашими предубѣжденіями; сколь нещастлива душа, лишившаяся Бога своего, и какое будетъ ея отчаяніе, когда она лишится Его на вѣки, сколь велико безуміе человѣка, презирающаго вѣчность; показывая гнусность грѣха, цѣну крови Богочеловѣка, и прочь. За сими устрашительными изображеніями слѣдуютъ утѣшенія, въ которыхъ Ораторъ представляетъ грѣшнику, что добродѣтель, о коей онъ думаетъ, какъ о чемъ нибудь причиняющемъ зло, есть напротивъ его щастіе, врачевство его золъ, источникъ его радости.

Вообще, устрашающія матеріи, какъ-то: совѣсть, ложное щастіе нечестивыхъ, смерть, судъ, мученія будущей жизни, и проч. открываютъ краснорѣчію пространнѣйшее поле; сколь бы многочисленно, сколь бы многоразлично ни было собраніе слушателей, всѣхъ сердца встрепещутъ.

Послѣ ужасающихъ матерій, Ораторъ долженъ приступать къ предметамъ не столь страшнымъ, но величественнымъ, и такимъ, въ которыхъ бы воображеніе могло находить себѣ обильную пищу; на примѣръ, къ подвигамъ Апостоловъ, разпространенію вѣры, славѣ Святыхъ, пользѣ уединенія, небесному блаженству, и проч.

Матеріи, требующія многихъ доказательствъ, должно оставлять контроверсистамъ, сколько то можно. *Краснорѣчіе*, говоритъ Квинтиліанъ, *не богато и не великолѣпно, естьли мы обременяемъ оное множествомъ умозаключеній.*

О Бесѣдахъ.

Бесѣда есть простое и набожное изъясненіе каждой части дневнаго Евангелія или Апостола. Она должна содержать въ себѣ слѣдующее: 1-е смыслъ буквальный текста; 2-е смыслъ духовный; 3-е нравоучительныя размышленія и наставленія, взятыя изъ обстоятельствъ; 4-е страстное увѣщаніе. Такъ занимались оною святые Отцы, а особливо *Іоаннъ Златоустъ*, коего бесѣды на *Матѳея* всегда пребудутъ совершеннѣйшимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Въ притчахъ, которыя часто бываютъ существомъ бесѣды, буквальное изъясняется не иначе, какъ по отношенію къ духовному. Не столько должно привязываться къ историческимъ обстоятельствамъ, сколько къ намѣренію притчи. Открывши цѣль оныя, письмя уже презираютъ.

Полезно и пріятно для вѣрующихъ, изъяснять имъ то, что они обыкновенно имѣютъ въ устахъ, хваля Бога, какъ-то: Молитву Господню, Символъ Вѣры и нѣкоторые Псалмы. Размышленія, которыя надлежитъ извлекать изъ оныхъ, будутъ представляться при чтеніи ихъ.

Въ Бесѣдѣ не надобно стараться истощать свою матерію; продолжительность того была бы скучна. Часто, не повреждая смысла, относятъ все Евангеліе къ одной матеріи, и дѣлаютъ правильное раздѣленіе.

Стиль Бесѣды долженъ быть простъ; точность и ясность должны быть главными

украшеніями оныя. Кто употребляетъ сей способъ къ наставленію вѣрующихъ, тотъ безъ сомнѣнія всегда будетъ успѣвать, естьли онъ имѣетъ даръ приспособлять свои изъясненія къ понятію послѣдняго изъ своихъ слушателей.

О краткихъ поученіяхъ.

Подъ краткимъ Поученіемъ разумѣю я слово, предлагаемое людямъ присутствующимъ во время совершенія Таинствъ, какъто, воспріемникамъ крещаемыхъ младенцевъ, бракосочетавающимся, и проч. (Смотри на оное примѣры въ 3-й части собранія разныхъ Поученій на всѣ Воскресные и Праздничные дни, листъ 141, 142, 143.)

Оно не должно быть столь обширно, какъ совершенная проповѣдь; великія движенія краснорѣчія въ ономъ также не вмѣстительны. Служитель Таинствъ долженъ напоминать предстоящимъ особамъ существенныя ихъ должности, не утомляя ихъ вниманія, долженъ, примѣняяся къ нимъ, говорить имъ такъ, какъ отецъ говоритъ своимъ дѣтямъ, и учитель своимъ ученикамъ. Пріятно тутъ слушать нѣкоторые примѣры, нѣкоторыя простыя сравненія, какія, можетъ быть, неприличны въ правильномъ словѣ. Умозаключенія могутъ быть не столь важны и высоки, какъ въ проповѣдяхъ, но не менѣе должны быть сильны и основательны.

Хотя стиль краткаго Поученія долженъ быть простой и натуральной, но не низкой

и небрежной. Стиль весьма обыкновенный и выраженія простонародныя могутъ показаться отвратительными вѣрующимъ Божественному Слову; простота, каковой требуетъ сей родъ наставленія, состоитъ въ томъ, чтобы говорить весьма ясно и вразумительно, дабы и невѣжды могли понимать: должно быть здѣсь краснорѣчіе простонародное, естьли можно такъ сказать, но всегда достойное священнаго храма. Часто потребно бываетъ большее искуство въ такомъ стилѣ, нежели въ красивомъ; ибо не имѣя тѣхъ пособій, какія доставляетъ родъ высокій, должно однако убѣждать, трогать и нравиться.

О Катихизическомъ ученіи.

Есть наконецъ еще родъ наставленія, коего важность дополняетъ то, что ему не достаетъ, можетъ быть, со стороны блеска, то есть ученіе Катихизическое, которое можно почитать первымъ проповѣданіемъ, труднѣйшимъ, нежели какъ думаютъ, и часто полезнѣйшимъ самыхъ чистыхъ и блистательныхъ проповѣдей.

Катихизаторъ, научающій дѣтей первымъ *началамъ Религіи, не можетъ говорить имъ* слишкомъ внятно о догматахъ и Таинствахъ, яко въ понятіи еще слабымъ и несовершеннымъ;— никакая мысль, никакое выраженіе, превышающее умъ ихъ, не должно изходить изъ устъ его; все должно быть соразмѣрно ихъ силѣ, или лучше сказать, ихъ слабости. Долженъ онъ говорить имъ не много, словами ясными, много разъ повторять, произносить не

скоро; выговаривать явственно всѣ слоги, дѣлать имъ опредѣленія ясныя и краткія, и всегда одними и тѣми же терминами, давать имъ чувствовать истины примѣрами извѣстными и сравненіями простыми; говорить имъ мало, но такъ, чтобы послѣ того они говорили много. Вотъ одна изъ существенныхъ должностей Катихизаторовъ, но многіе изъ нихъ презираютъ оную. Особливо надлежитъ помнить, что, какъ говоритъ *Квинтиліанъ*, разумъ дѣтей подобенъ сосуду, имѣющему тѣсное отверстіе, куда нимало не входитъ воды, естьли кто льетъ оныя много и весьма скоро, но тотъ же сосудъ непримѣтно наполняется, когда вливаешь въ него воду не скоро и по немногу. Отъ первыхъ простыхъ наставленій Катихизаторъ мало помалу и постепенно переходитъ къ высшимъ и важнѣйшимъ, судя по успѣхамъ примѣчаемымъ въ дѣтяхъ: но всегда онъ долженъ приспособляться къ ихъ понятію, къ ихъ слабости, долженъ *низходить* къ нимъ, потому что они не въ состояніи *возвышаться* до него.

Сія должность есть изъ числа важнѣйшихъ должностей въ церковномъ служеніи, но обыкновенно уважаютъ ее не столько, сколько бы надлежало. Рѣдко приготовляются къ ней съ тѣмъ раченіемъ, какое она заслуживаетъ; и поелику мало знаютъ трудность и цѣну ея, то часто пренебрегаютъ тѣ средства, которыми удобнѣе бы можно было получать успѣхъ въ оной. Отправляющему сію должность надобно съ великимъ вниманіемъ читать прекрасное сочиненіе *Августина* о методѣ научать оглашенныхъ, сочиненіе, въ которомъ сей

великій мужъ, предложивши превосходныя правила на сію матерію, показываетъ и образецъ, по которому должно учить другаго началамъ Религіи.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

О

ИЗРАЖЕНІИ.

Изобрѣтеніе доставляетъ Оратору причины и доводы, нужные для утвержденія матеріи, о которой онъ хочетъ говорить;—расположеніе приводитъ оныя въ пристойный порядокъ, а *израженіе* (elocutio) занимается украшеніями слова: оно для краснорѣчія тоже, что цвѣтъ краски для живописи. Дабы написать прекрасную картину, не довольно обдумать хорошо рисунокъ, не довольно въ точности соблюсти пропорціи, но потребно еще, чтобъ краска одушевляла всю работу, и придавала предметамъ тотъ живой блескъ, то истинное и совершенное подражаніе природѣ, которыя плѣняютъ зрителей и побуждаютъ ихъ къ похваламъ.

Равнымъ образомъ Ораторъ, сколь ни правильной и точной планъ дѣлаетъ, сколь ни основательныя находитъ причины, долженствующія входить въ оной, и поставляетъ ихъ въ своемъ мѣстѣ; но естьли онъ не умѣетъ ихъ расписывать, украшать, представлять живыми красками, и одушевлять силою и пріятностію выраженія: то слово его уподобляется тѣлу,

не имѣющему огня и чувствованія. Почему *Цицеронъ* говоритъ, что находить мысли и приводить оныя въ порядокъ, есть дѣло разумнаго человѣка, а умѣть выражать оныя свойственно Оратору.

И такъ *изражені*е есть важная часть, которой не позволяется ему презирать. Сказали мы, что предметомъ онаго суть украшенія слова; а чтобы украшать слово и приводить оное въ совершенство, пріятное самому строгому вкусу, къ тому потребно слѣдующее:

1. Чистота слога.
2. Ясность.
3. Изящность.
4. Избраніе мыслей.
5. Избраніе стиля.
6. Разсудительное употребленіе фигуръ.

Разсмотримъ, что надлежитъ дѣлать, дабы съ успѣхомъ употреблять каждое изъ сихъ украшеній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

ЧИСТОТѢ СЛОГА.

Чистота слога состоитъ въ точномъ наблюденіи правилъ языка, впрочемъ не съ такою строгостію, чтобъ не осмѣливаться давать себѣ въономъ свободу тогда, когда живость слова того требуетъ; легкія погрѣшности въ то время суть удачная вольность, которую

искуство позволяетъ. Безъ сомнѣнія, предосудительно не соблюдать правильности, но и холодно выражать свои мысли, есть недостатокъ.

Правильность въ словѣ зависитъ наипаче отъ щастливаго избранія выраженій.

1. Должно всегда употреблять термины самые натуральные и обыкновенные, ежели въ нихъ нѣтъ ничего низкаго; предпочитать другимъ тѣ, которые выражаютъ мысль съ большею точностію и ясностію, и съ гармоніею соединяютъ силу.

2. Должно стараться, естьли можно, полагать термины, имѣющіе болѣе двухъ слоговъ. Реченія весьма короткія какъ бы рубятъ стиль, и утруждаютъ слухъ частыми паденіями.

3. Выраженія странныя, или принадлежащія къ наименованіямъ наукъ, не приличны въ словѣ нравоучительномъ.

4. Съ такою же осторожностію должно употреблять термины, начинающіе старѣть, которыхъ употребленіе тогда только можетъ быть полезно, когда они придаютъ мысли большее достоинство или силу.

5. Естьли отваживаешься употребить новое слово, то потребно, чтобъ оно болѣе способствовало выраженію мысли, нежели слово, давно уже извѣстное; при равной ихъ силѣ, сіе надлежитъ предпочесть оному.

6. Наконецъ, должно рачительно избѣгать выраженій пустыхъ, и ничего опредѣленнаго не представляющихъ уму.

Впрочемъ, весьма благоразумныя правила, какія можно представить на чистоту слога,

содержатся въ слѣдующемъ, что говоритъ *Боало* въ Стихотворной Наукѣ.

Наблюдай въ сочиненіяхъ чистоту языка, и въ самыхъ жаркихъ твоихъ изображеніяхъ да будетъ она для тебя священна; вотще ты поражаешь меня пріятнымъ звукомъ, естьли термины твои непристойны, или выраженія неправильны; умъ мой отвергаетъ пышные барбаризмы, и надменные солецизмы надутыхъ стиховъ; словомъ, превосходнѣйшій Авторъ, удаляющійся отъ правилъ языка, всегда есть худой писатель, какъ бы онъ ни сочинялъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О

ЯСНОСТИ.

Ясность не менѣе нужна въ словѣ, какъ и правильность. Ораторъ говоритъ для того, чтобъ его понимали; слѣдовательно надобно ему говорить такъ, чтобъ его слова не могли быть непонятны. Сіе особливо долженъ наблюдать Ораторъ Священный, говорящій народу. Великую похвалу онъ заслуживаетъ, естьли самый послѣдній изъ его слушателей легко понимаетъ его наставленія.

Порядокъ есть первый источникъ ясности въ рѣчи. Кто имѣетъ даръ хорошо распоряжать свои мысли, тотъ всегда увѣренъ, что слушатели его понимаютъ. Надлежитъ оныя такъ связывать, чтобъ онѣ казались раждающимися одна изъ другой, и чтобъ слова,

сочиняемыя и собираемыя непринужденно, показывали ощутительно постепенное возвышеніе оныхъ.

Другое весьма надежное средство для Оратора, быть удобно понимаему, есть то, чтобъ всегда употреблять одни только собственные термины.

Собственность терминовъ состоитъ въ томъ, чтобъ изъяснять мысль выраженіемъ, ей приличнымъ; симъ отличаются великіе писатели. Собственный терминъ изображаетъ всю идею, весьма общій едва даетъ ее усматривать; несобственный не столько ее изъясняетъ, сколько обезображиваетъ.

Темноту же въ словѣ производитъ слѣдующее:

1. Неправильное перемѣшаніе реченій или словъ, то есть, когда они такъ разбросаны, что не льзя безъ великаго напряженія ума найти взаимнаго отношенія оныхъ.

2. Выраженія и обороты словъ двузнаменательные, то есть, которые вдругъ представляя двѣ различныя идеи, оставляютъ слушателя въ незнаніи подлиннаго смысла.

3. Множество вносныхъ словъ (parenthesis), развлекающихъ вниманіе.

4. Обороты эпиграмные, которыхъ остроты не можетъ чувствовать народъ, и кои часто бываютъ замысловатыми тонкостями, несовмѣстными съ важностію священныя каѳедры, и тою цѣлію, какую Ораторъ предполагать долженъ.

Наконецъ, темнота въ словѣ заставляетъ думать, что мысли Оратора неясны, или что

онъ не довольно обдумалъ свою матерію. Кто ясно вещь представляетъ въ умѣ, тотъ вразумительно и пріятно объясняетъ оную другимъ.

Cui lecta potenter erit res,
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.
(*Horat. in arte poëtica*)

ГЛАВА ТРЕТІЯ
О
ИЗЯЩНОСТИ.

Какъ потребны въ словѣ правильность и ясность, такъ желательна въономъ изящность, которая производитъ пріятное теченіе, какое только возможно.

Она состоитъ не только въ избраніи выраженій, коего нужду мы уже показали, но и въ плавности и гармоніи періодовъ. Представимъ нѣкоторыя подробности на сіи различныя качества.

ЧЛЕНЪ I. О ПЕРІОДѢ.

Періодъ есть собраніе мыслей, отдѣленныхъ одна отъ другой разстановками, искусно размѣренными, и такихъ, которыхъ смыслъ совершенъ при послѣднемъ *отдыхѣ*, гдѣ умъ и слухъ другаго удовлетворяются. Каждая изъ сихъ мыслей, взятыхъ порознь, называется членомъ періода. Члены періода содержатъ иногда *вставныя* части. Такъ называются идеи придаточныя, которыя можно совершенно отбрасывать не повреждая смысла, и кои

употребляются для того, чтобы разкрывать мысль, увеличивать періодъ, и придавать ему болѣе пріятности и силы, какъ видно въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Рано ли, поздно ли, возсіяетъ добродѣтель „твоя, яко луча свѣта несозданнаго, и правда „твоя предъидетъ предъ тобою.“

(Амвросій М. Новгородскій.)

Здѣсь сіи слова, *яко луча свѣта несозданнаго*, суть вставная часть сего періода.

Есть періоды двухъ, трехъ и четырехъ членовъ; совершеннѣйшій состоитъ изъ четырехъ.

Вотъ образцы каждаго въ особенности.

Періодъ двучленный.

„Когда мы располагаемся къ веселію и на„дѣемся препровождать жизнь свою сладко; „тогда часто встрѣчаютъ насъ нещастіи, „болѣзни, и наполняется сердце наше раство„реніемъ горестей.“ (Онъ же.)

Другой.

„Пусть добродѣтельные нѣсколько времени „питаются хлѣбомъ оскорбленія, и піютъ чашу „горести, но насытятся потомъ отъ тра„пезы неотъемлемыя радости, и насладятся „отъ источниковъ живота вѣчнаго.“ (Онъ же.)

Періодъ трехчленный.

„Когда кто всѣми силами и при всякомъ „случаѣ тщится доказать свое безпристра„стіе, вѣрность и справедливость; и когда на „таковаго мужа воззритъ законная власть, и „назначаетъ ему пристойную должность: сіе „есть званіе Божіе, сего призываетъ Богъ.“

(Платонъ М. Московскій.)

Періодъ четырехчленный.

„Раздѣльны между собою небо и земля; но „совокупны тѣмъ, что единъ есть Богъ и на „небеси и на земли: совокупны же и тѣмъ, „что на небеси прославляютъ Его Херувимы „и прочіе Ангельскіе чины; а на земли мы у„достоились также Его прославлять, и единъ „составлять ликъ съ Херувимами.“ (Онъ же.)

Періодъ долженъ оканчиваться вмѣстѣ съ смысломъ; естьли онъ прерванъ, то часто заключаетъ въ себѣ темной и двоякой смыслъ.

Потребно, чтобъ періодъ былъ надлежащей величины; ежели онъ очень коротокъ, то мало въ немъ гармоніи, смыслъ не долго продолжается, и не довольно упражняетъ вниманіе читателя: естьли онъ очень длиненъ, то трудно объять оной весь умомъ, всѣ почти красоты его скрываются отъ читателя.

Правильные и ясные періоды приличны особливо въ приступѣ, распространеніи и заключеніи. Соединеніе оныхъ составляетъ стиль періодической, противный стилю отрывистому, которой пристойнѣе въ повѣствованіи. Первый благороднѣе, витійственнѣе, пріятнѣе, вторый легче и живѣе. Искуство Оратора состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ перемѣнять и подкрѣплять одинъ другимъ, смотря, гдѣ нужно.

Изъ плавности и гармоніи проистекаютъ всѣ пріятности и красоты періода. О сей важной части израженія удачно и весьма подробно написалъ Аббатъ *Батте*. Совѣтуемъ

прочитать четвертую книгу основаній Литтературы, гл. 4 и пятую, въ которой онъ трактуетъ о Ораторской *конструкціи* (*); а здѣсь представимъ мы на сію матерію нѣкоторыя общія и достаточныя понятія.

ЧЛЕНЪ II о ОРАТОРСКОЙ ГАРМОНІИ.

Она состоитъ въ нѣкоторой соразмѣрности между выраженіями и матеріею, о которой Ораторъ разсуждаетъ; выраженія самыя пышныя и напряженныя набирать не всегда пристойно, не всегда они дѣлаютъ пріятное теченіе въ словѣ. Чтобы всегда кстати оныя прибирать, потребенъ творческій умъ, вкусъ, слухъ разборчивый и нѣжный.

„Для каданса имѣй строгое ухо, говоритъ *Боало.*" Должно замѣтить оной во многихъ примѣрахъ, нами приведенныхъ.

Двѣ вещи наипаче способствуютъ гармоніи въ рѣчи, *звукъ* и *плавность*; звукъ качествомъ словъ, а плавность порядочнымъ расположеніемъ оныхъ.

Важное дѣло избирать слова благозвучныя. Избѣгай ненавистнаго стеченія худыхъ звуковъ. Самая благородная мысль не можетъ понравиться уму, когда выражена противно слуху. (Стихотв. Наук.)

Излишняя была бы строгость-отвергать нѣкоторыя слова по той причинѣ, что наше ухо къ нимъ не примѣняется. Нужда заставляетъ употреблять оныя такими, какія они

(*) Сіе сочиненіе еще не переведено на Россійской языкъ.

сутъ, ибо мы ихъ не изобрѣтаемъ. Но весьма великая тайна просодіи есть, умѣрять одинъ звукъ другимъ. Нѣтъ столь грубаго слога, котораго бы не льзя было умягчить, и нѣтъ столь слабаго, которому бы не можно было придать силы. Все сіе зависитъ отъ слоговъ предъидущихъ, или послѣдствующихъ противнымъ слуху.

Что касается до распоряженія словъ, Ораторская гармонія состоитъ въ томъ, чтобъ не полагать великой неровности между членами изреченія, а особливо не дѣлать послѣднихъ членовъ онаго весьма короткими, въ отношеніи къ первымъ; избѣгать періодовъ слишкомъ длинныхъ, и изреченій очень стѣсненныхъ; умѣть наконецъ перемѣшивать періоды круглые и выдержанные съ другими, которые не совсѣмъ таковы, и кои какъ бы служатъ къ успокоенію слуха. Сцѣпленіе періодовъ весьма мѣрныхъ непріятно въ прозѣ. Почему кадансъ непрестанно должно перемѣнять. Имѣть единообразіе въ своей гармоніи, или не имѣть оныя—вотъ двѣ крайности, равно отвратительныя, какъ та такъ и другая!

Гармонія должна быть ощутительна, особливо при концѣ изреченія, чтобы въ ушахъ слушателя оставалось пріятное впечатлѣніе, и при началѣ, для возбужденія въ немъ вниманія; средина должна быть хорошо связана, имѣть порядочное теченіе, безъ протяженій, безъ двусмыслій, безъ вносныхъ словъ, безъ всякой наконецъ запутанности, которая отягощаетъ и утомляетъ вниманіе.

Не забудемъ замѣтить здѣсь, сколько

эпитеты и выраженія напряженныя могутъ придавать изреченію гармоніи и пріятности.

Но дабы эпитеты производили сіе дѣйствіе, потребно 1-е, чтобъ они были отборные; 2-е, чтобы приличествовали собственному значенію словъ, къ которымъ прилагаются; 3-е, чтобъ были поставляемы кстати; 4-е, чтобъ придавали болѣе ясности, болѣе пріятности, или болѣе благородства мысли.

Примѣры:

„О брега Іордана, благословенныя поля, „священныя горы, плодоносныя долины, ознаменованныя множествомъ чудесъ! уже ли мы „навсегда изгнаны изъ любезной страны на„шихъ праотцевъ?"

Отними отъ сего столь пріятнаго и трогательнаго изреченія, всѣ сіи прилагательныя, *благословенныя*, *священныя*, *плодоносныя* и проч.; оно никакого не будетъ имѣть жара, никакой красоты, никакой силы.

Въ сочиненіяхъ Отца Россійскаго краснорѣчія находимъ мы весьма много важныхъ эпитетовъ.

„И ты, говоритъ онъ въ одномъ словѣ, „знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни „топучими болотами, ни стремнинами горъ „превысокихъ, ни раскаленными песками, ни „набѣгами непостоянныхъ народовъ, не мог„ла возпрепятствовать нашествію нашего „Героя?"

Такіе эпитеты много придаютъ блеска словамъ предъидущимъ и послѣдующимъ.

Эпитетъ, хорошо избранный, то особливо имѣетъ неоцѣненное достоинство, что онъ

возвышаетъ слова самыя обыкновенныя. Такъ на примѣръ у *Расина.*

„Я прихожу по древнему и торжествен-„ному обыкновенію."

Слову, *обыкновеніе*, сообщаютъ важность слова, *древній* и *торжественный*.

Слово *склонность* поставлено будучи одно, мало имѣетъ пріятности; приложи съ *Флешъеромъ* эпитетъ, *почтительная*, и реченіе получитъ пріятность и гармонію.

Напряженность (energia) терминовъ состоитъ въ томъ, чтобъ разсуждать о матеріи весьма живо и сильно, дабы она сдѣлала въ умѣ слушателя глубокое впечатлѣніе.

Примѣръ:

„Богъ всегда есть тойжде и лѣта Его не „оскудѣютъ. Потокъ временъ и вѣковъ те-„четъ предъ Его очами, и Онъ взираетъ окомъ „мщенія и ярости на слабыхъ смертныхъ, „влекомыхъ роковою быстриною, и между „тѣмъ ругающихся надъ Нимъ, пользующихся „сею минутою для поношенія Его имени, и „падающихъ, по истеченіи ея, въ руки Его „вѣчнаго гнѣва и правосудія." (Массильіонъ.)

Окончимъ сей членъ двумя примѣрами, которые болѣе дадутъ почувствовать пріятность и важность гармоніи въ словѣ.

Первый изъ надгробнаго слова *Тюренну*, говореннаго *Флешъеромъ*.

„Приведенный въ замѣшательство и раз-„строенный непріятель, уже трепеталъ въ „своемъ станѣ. Уже оный орелъ, котораго „дерзкое пареніе сперва устрашало наши об-„ласти, направлялъ свой полетъ, чтобъ

„улетѣть въ горы и сокрыть себя. Мѣдяные „громы оные, отъ ада на истребленіе человѣ-„ковъ изобрѣтенные, со всѣхъ гремѣли сторонъ, „дабы сему отступленію способствовать и „ускорить оное, и Франція въ нерѣшимости „ожидала совершенія такого предпріятія, ко-„тораго успѣхъ по всѣмъ воинскимъ правиламъ „былъ непреложенъ. Увы, всѣ мы то вѣдали, „чего могли ожидать, но не помышляли о „страхѣ, намъ предстоявшемъ! О Боже страш-„ный, но праведный въ совѣтѣхъ Своихъ паче „сыновъ человѣческихъ! Ты и побѣдителями „и побѣдами управляеши . . . Великія жертвы „посвящаешь Ты верьховному Твоему величе-„ству, и разишь, когда Тебѣ угодно, знаме-„нитыя оныя главы, которыя вѣнчалъ Ты „многократно.“

Боссюэтъ хотя не столько заботится о словахъ, сколько *Флешьеръ*, но во многихъ мѣстахъ соединяетъ благопристойность гармоніи съ благородствомъ и важностію идей. Изъ числа оныхъ мѣстъ сіе изображеніе возвращенія Англійской Королевы во Францію, случившагося послѣ того, какъ *Карлъ* I палъ въ руки сообщниковъ Парламента.

„О путешествіе, различествующее отъ „прежняго, которое она предпріяла по тому „же морю, когда отправилась возобладать „Великобританскимъ Королевствомъ, когда ви-„дѣла, что ярящіяся волны укрощаются предъ „нею, и покаряютъ всю свою силу владычицѣ „морей! Теперь изгнанная, преслѣдуемая непри-„миримыми врагами своими, возымѣвшими „дерзость оклеветать ее; теперь, то спасаясь,

„то—премѣняющейся каждый часъ фортунѣ—
„почти подвергаясь плѣну, и имѣя на своей
„сторонѣ только Бога и непоколебимую твердость, не имѣетъ она ни довольнаго числа
„парусовъ, ни вѣтръ совершенно благопріятствуетъ ея скорому бѣгству!"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О

ИЗБРАНІИ МЫСЛЕЙ.

Все, что мысли могутъ имѣть пріятнаго въ словахъ, зависитъ отъ выбора, какой Ораторы умѣютъ дѣлать между мыслями, имъ встрѣчающимися, и отъ порядка, какой они умѣютъ давать онымъ.

Есть мысли, которыя ничто иное суть, какъ ложные блески, которыя не имѣютъ ничего существеннаго, на чемъ бы онѣ утверждались; есть безполезныя, не имѣющія никакого отношенія къ той матеріи, о которой Ораторъ говорить намѣревается; есть низкія, нимало не соотвѣтствующія важности матеріи; есть чрезъ мѣру высокія, превышающія матерію. Хорошій вкусъ отмещетъ сіи разные роды мыслей.

Изъ тѣхъ, которыя надлежитъ употреблять, во первыхъ суть мысли общія, представляющіяся всякому здравоумному человѣку, и легко раждающіяся изъ матеріи. За ними приходятъ мысли, служащія къ украшенію слова

своею живостію, силою, смѣлостью, высокостію, либо нѣжностію и проч.

Мысль *живая* есть та, которая представляетъ предметъ ясно и немногими чертами. Таково сіе изреченіе Псаломника о нечестивомъ: *Видѣхъ нечестиваго превозносящася, и высящася яко кедры Ливанскія, и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его.* Есть ли что выше и живѣе сея черты? Вижу на земли сильнаго, который, кажется, не боится всѣхъ перемѣнъ щастія; прошелъ я мимо его,- его ужъ нѣтъ, и слѣды его изчезли.

Находятъ подобное нѣсколько у *Массильйона.*

,,Богъ дунулъ на кучу ихъ неправедныхъ ,,стяжаній, и оную разсыпалъ."

Мысли *сильныя* представляютъ предметы поразительными красками, и могущими производить въ душѣ весьма скорое и долговременное впечатлѣніе.

,,Въ исторіи, говоритъ *Боссюэтъ* сильнѣй- ,,шіе Государи уже не инымъ чѣмъ велики, ,,какъ только своими добродѣтелями, и на ,,всегда низведены будучи съ высоты рукою ,,смерти, лишены всякаго великолѣпія и пыш- ,,ности, воспріемлютъ судъ всѣхъ народовъ и ,,всѣхъ вѣковъ. Тамъ-то открывается, что ,,блескъ придаваемый ласкательствомъ, есть ,,поверхностный, и что ложные цвѣты, сколь ,,бы искусно они ни были наводимы, не при- ,,стаютъ."

,,Это вопль народа, говоритъ одинъ Епископъ ,,Сенезскій въ надгробномъ словѣ Лудовику ,,XV-му, это вопль народа восклицающаго:

„*Возлюбленный Лудовикъ!* Увы! не льзя намъ не „признаться, колико свидѣтельства сея любви „по видимому охладѣли между Французами отъ „нещастія временъ. Тако народы, Богу попу„щающу, научаютъ Царей, что какъ почтеніе „и повиновеніе суть должности ненарушимыя, „такъ любовь есть чувствіе свободное, заслу„живаемое только благодѣяніями и добродѣте„лію. Тогда Государь, являясь своимъ поддан„нымъ, уже не слышитъ ихъ восклицаній; „хотя народъ не имѣетъ права роптать, но „безъ сомнѣнія онъ имѣетъ право молчать, „и его молчаніе есть урокъ Владыкамъ зем„нымъ.“

Высокими называются тѣ мысли, которыя представляютъ великіе предметы, и способные возвышать душу размышленіями, какія они подаютъ оной. Такъ, на примѣръ, святый *Климентъ* Александрійской подаетъ намъ величественную идею о могуществѣ Божіемъ, въ слѣдующемъ изреченіи.

„Какая есть единая и всеобщая мѣра вещей? Богъ, Которой всегда равенъ и подобенъ „самому Себѣ, Которой вѣситъ и измѣряетъ „все, и держитъ природу въ точномъ равно„вѣсіи.“

„Какое поле столь плодоносно, какъ благо„творительность?“ сказалъ тотъ же святый Отецъ.

Боссюэтъ, въ надгробномъ словѣ Герцогинѣ Орлеанской, опровергаетъ однимъ словомъ глупое возраженіе тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что не льзя вѣрить другой жизни, потому что никто изъ оной не возвратился.

„Ожидать ли намъ, чтобы Богъ воскресилъ „мертвыхъ для увѣренія насъ? Не нужно возвращеніе ихъ, не нужно, чтобъ кто нибудь „вышелъ изъ гроба. Тотъ, кто входитъ нынѣ „во гробъ, довольно можетъ увѣрить насъ въ „безсмертіи.“

Съ какимъ благородствомъ изъясняется онъ въ рѣчи о *Всеобщей исторіи*, говоря о временахъ, бывшихъ прежде пришествія Мессіи!

„Все было Богомъ, кромѣ самаго Бога, и „міръ, которой Богъ создалъ для явленія „Своего могущества, представлялся храмомъ „идоловъ.“

„Оставалось еще пять сотъ лѣтъ до пришествія Мессіи. Богъ далъ величеству Сына „Своего власть повелѣть Пророкамъ молчать „во все сіе время, дабы Его народъ ожидалъ „Того, Кто долженствовалъ быть исполненіемъ всѣхъ ихъ предвѣщаній.“

ГЛАВА ПЯТАЯ

О

СТИЛѢ.

Стилъ есть порядокъ оборотовъ и выраженій, открывающихъ мысли и чувствованія такъ, какъ требуетъ матерія, о которой кто нибудь говоритъ.

Полагаютъ три рода стилей: простой высокой и умѣренной.

ЧЛЕНЪ I о СТИЛѢ ПРОСТОМЪ.

Сей стиль, котораго краснорѣчіе придерживается въ извѣстныхъ случаяхъ, и которой кажется столь легкимъ, требуетъ однако, чтобъ желающій употреблять оной, имѣлъ довольно вѣрный вкусъ, и потому бы зналъ подлинный характеръ онаго.

Краснорѣчивая простота столь же удалена отъ стиля обыкновеннаго въ обращеніи, какъ и отъ аффектаціи, которая силится все украшать. Хотя она, скромна будучи въ своемъ украшеніи, пренебрегаетъ весьма казистыя прикрасы, хотя имѣя свободное шествіе, не уважаетъ нѣкоторымъ образомъ правилъ гармоніи, но тѣмъ не менѣе производитъ вѣрное дѣйствіе, употребляя вмѣсто оной плѣнительности тонъ приличный тому, что она хочетъ изобразить.

Простой стиль, употребляемый особливо въ приступѣ, повѣствованіи и умозаключеніи, долженъ быть чистъ, ясенъ, безъ очевидныхъ украшеній; впрочемъ не удалена отъ него величественность и благородство. Могутъ въ ономъ быть мысли весьма поразительныя и высокія, одѣтыя обыкновенными выраженіями, что можно замѣтить въ слѣдующихъ примѣрахъ.

Аріане, покровительствуемые Императрицею *Іустиною*, матерію *Валентиніана* младшаго, хотѣли насильно завладѣть соборною Медіоланскою Церковію, и въ оной дѣлать свои собранія; святый *Амвросій*, представивши о семъ прозьбу Императору, удалился въ свою

паству, гдѣ народъ стерегъ его деннонощно, и началъ говорить сему правовѣрному народу рѣчь слѣдующаго содержанія:

,,Я вижу васъ въ необыкновенномъ смяте-,,ніи, и стрегущихъ меня. Удивляюсь, что бы ,,сіе значило, развѣ можетъ быть, что вы ,,чрезъ народныхъ трибуновъ извѣщены, что ,,есть Императорское повелѣніе, дабы мнѣ со ,,всѣми желающими за мною слѣдовать отсю-,,да удалиться, куда захочу. А посему вы бо-,,ялись, чтобъ я по причинѣ опасныхъ моихъ ,,обстоятельствъ не оставилъ моего престола ,,и васъ. Но вы могли догадаться, что и я съ ,,своей стороны представлялъ Императору, ,,то есть, что я далекъ отъ того, чтобъ же-,,лать оставить Церковь; ибо я болѣе пови-,,нуюсь Владыкѣ міра, нежели Императору ,,вѣка сего. Поистиннѣ, естьли бы меня на-,,силіемъ отвлекали отъ Церкви, то бы могли ,,отдалить, но тѣло, а не душу. Я готовъ на ,,все, чего отъ меня требуетъ обыкновенное ,,право священства, когда бы онъ вздумалъ ,,поступить по обыкновенной царской власти. ,,Чтожъ вы смущаетесь? Добровольно никогда ,,не уступлю своихъ правъ, при случаѣ же на-,,силія не знаю, чѣмъ сопротивляться; могу ,,болѣзновать, плакать, рыдать, противъ ору-,,жія и воиновъ могу вооружаться слезами. Та-,,ковы суть огражденія священниковъ. Инымъ ,,образомъ противоборствовать не могу и не ,,долженъ. Бѣгать же и оставлять Церковь ,,не имѣю привычки, дабы не подумали, что ,,я то сдѣлалъ, избѣгая лютѣйшей казни. ,,Вы уже знаете, что я привыкъ доносить

„Императорамъ, а не уступать, охотно под-
„вергать себя казнямъ, и не страшиться
„приготовляемаго для меня.... О когда бы я
„не могъ опасаться, чтобъ Церковію завладѣли
„еретики! Я съ охотою пошелъ бы въ Импе-
„раторскій дворецъ, естьлибъ пристойнѣе было
„священнику препираться во дворцѣ, нежели въ
„Церкви. Но въ духовномъ судилищѣ Хрістосъ
„есть судія, а не подсудимый. Кто станетъ
„спорить, что дѣло о вѣрѣ производить дол-
„жно въ Церкви? Естьли кто на себя надѣет-
„ся, пусть сюда пріидетъ, и ни пристраст-
„наго Императорскаго указомъ объявленнаго
„рѣшенія, противоборствующаго вѣрѣ, ни по-
„кушеній противниковъ пусть не уважаетъ.
„Я не попущу быть поругану Хрісту. Обсту-
„пившее насъ воинство, шумъ оружій окру-
„жающихъ Церковь, не устрашаютъ моея
„вѣры, но смущаютъ мысль, дабы при моемъ
„смотреніи не случилось какого нибудь вреда
„для вашего спасенія. Ибо я научился не бо-
„яться, но объ васъ паче началъ безпокоиться
„и бояться. Позвольте вашему священнику
„вступить въ сраженіе.—Имѣемъ наступаю-
„щаго на насъ супостата; врагъ нашъ діа-
„волъ яко левъ рыкающій ходитъ, искій кого
„поглотити, по словамъ Апостола. Получилъ
„онъ, безъ сомнѣнія получилъ (не обманы-
„ваетъ насъ сіе, но къ наставленію нашему
„служитъ), ту власть искушать, чтобъ
„хотя язвами тѣла моего удалить меня отъ
„благовѣрія. Читаете и вы, сколь многими
„напастьми искушалъ діаволъ святаго Іова,
„и напослѣдокъ испросилъ и получилъ власть

„искусить тѣло его, которое покрылъ гноемъ.
„Когда мнѣ предложено было, чтобъ я отдалъ
„церковные сосуды, то я такой далъ отвѣтъ:
„естьли бы чего нибудь изъ собственности
„моей у меня требовали, помѣстья, или дома,
„или злата, или сребра, на что я имѣю право,
„то бы охотно отдалъ. А отъ храма Божія
„ничего я взять не могу, и отдать въ чужія
„руки то, что мнѣ въ храненіе поручено. При
„томъ и о спасеніи Императора надлежитъ
„мнѣ пещися; ибо какъ мнѣ то не послужило
„бы въ пользу, чтобъ отдать, такъ и ему
„принять. И такъ да послушаетъ онъ гласа
„священника, непринужденно изъясняющагося,
„естьли желаетъ спасенія, да не идетъ про-
„тивъ Христа. Сіе исполнено смиренія, и, какъ
„мнѣ кажется, исполнено тѣхъ чувствій, ка-
„кія къ Императору имѣть долженъ священ-
„никъ, и проч."

Любовь къ отечеству, сей идолъ Респу-
бликанцевъ, вдохнула ли когда нибудь *Цице-
рону* и *Демосѳену* такую простоту и вмѣстѣ
живость? Вся сія рѣчь весьма трогательна;
но, по причинѣ обширности ея, мы привели
только оное мѣсто.

„Пусть міръ, говоритъ *Массильйонъ*, осмѣи-
„ваетъ жизнь Христіанскую, какъ жизнь
„рабства и неволи, но царство правды есть
„царство свободы. Душа вѣрная и покаряю-
„щаяся Богу становится владычицею всѣхъ
„тварей. Праведникъ есть превыше всего, ибо
„онъ ни къ чему не привязанъ; онъ господинъ
„міра, ибо презираетъ міръ. Онъ не зависитъ
„ни отъ своихъ властей, поелику служитъ

„имъ только для Бога; ни отъ своихъ друзей, „поелику любитъ ихъ такъ, какъ надлежитъ „любить ближнихъ; ни отъ своихъ подчиненныхъ, ибо не требуетъ отъ нихъ неправедныхъ угожденій; ни отъ щастія, ибо онаго „боится; ни отъ людскихъ сужденій, ибо „страшится только суда Божія; ни отъ случаевъ, ибо относитъ оные къ Промыслу; ни „даже отъ своихъ страстей, ибо обитающая „въ немъ любы, есть правило оныхъ и мѣра. „И такъ одинъ праведникъ наслаждается „истинною и совершенною свободою; превыше „будучи міра, себя самаго, всѣхъ тварей, „всѣхъ приключеній, онъ въ сей жизни начинаетъ царствовать со Іисусомъ Христомъ; „все ему покорено, и онъ самъ покоренъ единому только Богу.“

Ораторъ въ семъ мѣстѣ научаетъ слушателя ясно и методически, не позволяя себѣ никакого украшенія въ стилѣ. Выраженія его просты и приличны разсуждаемой матеріи. Сія простота, которая всегда должна быть въ умозаключеніи, не менѣе пріятна въ повѣствованіи. Вотъ примѣръ оныя.

Въ одномъ пастырскомъ посланіи, которое *Флешъеръ* писалъ къ монахинямъ своей Епархіи, по случаю возмущеній, каковыя сумазбродство еретиковъ произвело въ Лангедокѣ, при Лудовикѣ XIV-мъ, сей Епископъ изображаетъ, съ какимъ мужествомъ вѣрные приготовлялись къ гоненіямъ, коими они угрожаемы были. Сіе повѣствованіе весьма трогательно.

„Можно сказать, что изъ тьмы беззаконій и слабостей человѣческихъ явились

„чудеса Божескаго могущества, и что Сынъ „человѣческій обрѣлъ вѣру во Израили. Слабыя „дѣвы возъимѣли бодрость обличать нечести-„выхъ въ ихъ нечестіи, и самихъ себя под-„вергать ихъ ярости, въ надеждѣ умягчать „оную для другихъ. Мы узнали благочестивую „выдумку одной вдовы; мужъ ея, безчеловѣчно „задавленный, оставилъ ей только свою ре-„лигію и нѣсколько дѣтей малолѣтныхъ. Она „ежедневно приносила ихъ Господу, яко жер-„тву непорочную, и прилѣжно учила ихъ за-„повѣдямъ Божіимъ. Исполнивъ разумъ ихъ и „сердце упованія и вѣры, вдругъ объявила „имъ, для испытанія ихъ бодрости, прише-„ствіе изувѣровъ. Дѣти мои, говорила она „имъ ставъ на колѣни, вы правовѣрные; вотъ „здѣсь убійцы оныхъ; воззрите на небо, и ви-„дите вѣнцы, которые Богъ вамъ готовитъ. „Она показывая имъ примѣръ собою, понуж-„дала ихъ сдѣлать какъ-бы первый опытъ „мученичества. Сіе малое семейство Исповѣд-„никовъ, преклоняя невинныя главы свои для „принятія грознаго удара, и устроиваясь яко „*Исаакъ* на жертвенникѣ верьху дровъ, ожи-„дало, естьлибъ Богъ то попустилъ, оконча-„нія для него жизни, жизни, которая толь-„ко начиналась.“

ЧЛЕНЪ II о СТИЛѢ ВЫСОКОМЪ.

Стиль высокій, величественный, обиль-ный и великолѣпный соединяетъ въ себѣ все, что Ораторское искусство имѣетъ силь-нѣйшаго и мужественнѣйшаго; изображенія

живыя и блистательныя, чувствованія благородныя и возвышенныя, выраженія напряженныя и гармоническія,—вотъ чѣмъ онъ отличается! Вотъ что даетъ ему ту очаровательную прелесть, которой душа противиться не можетъ!

И такъ изображенія и чувствованія, одѣтыя пристойными выраженіями, составляютъ сей родъ стиля. Войдемъ въ подробность.

I. О ВЫСОКИХЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

Всякое изображеніе, представляющее живыми и сильными красками великой предметъ, великое дѣйствіе, необходимо производитъ высокость.

„Рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть „свѣтъ."

Вотъ великое дѣйствіе, изображенное великими чертами!—вотъ высокость! По праву удивляются сей столь важной и точной картинѣ Всемогущества Божія. Сіе твореніе, которое стоило Вѣчному единаго только слова, сія скорость, съ каковою Его высочайшее повелѣніе исполнилось; сіе столь живое и поразительное изъясненіе, такъ хорошо выражающее оныя великія идеи, подлинно заслуживаютъ удивленіе всякаго, умѣющаго размышлять и чувствовать.

Таковыя изображенія часто встрѣчаются въ Священномъ Писаніи. Никогда человѣческое краснорѣчіе не произвело ничего столь благороднаго, столь величественнаго, столь разительнаго, каковы извѣстныя мѣста оной

неподражаемой книги. Прочти, на примѣръ, сіе мѣсто *Іова*, гдѣ Богъ говоритъ человѣку:

Гдѣ былъ еси? егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ веліимъ вси Ангели Мои? Заградихъ же море враты, егда изливашеся изъ чрева матере своея изходящее; положихъ же ему облакъ во одѣяніе, мглою же повихъ е, и положихъ ему предѣлы, обложивъ затворы и врата; рѣхъ же ему: до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.

Не соединены ли здѣсь всѣ черты, изображающія высокость! Идеи величественны, выраженія благородны, и живость оборота словъ хорошо показываетъ живость того чувствованія, какое человѣкъ долженъ ощущать при видѣ своего ничтожества, и сравнивая оное съ безпредѣльнымъ могуществомъ Бога.

Смотри еще, какими чертами *Исаія* изображаетъ намъ Высочайшее Существо, въ гл. XL.

Кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію? Кто постави горы въ мѣрилѣ, и холмы въ вѣсѣ? Аще вси языцы аки капля отъ кади, и аки претяжаніе вѣса вмѣнишася, и аки плюновеніе вмѣнятся . . . Вси языцы яко ничтоже суть, и въ ничтоже вмѣнишася.

Съ такимъ же жаромъ пророкъ *Наумъ* представляетъ Ниневитянамъ Бога, страшнаго въ мщеніи. Гл. I.

Въ скончаніи и трусѣ путь Его, и облацы прахъ ногъ Его; запрещаяй морю, и изсушаяй е . . . Горы потрясошася отъ Него, и холми поколебашася, и ужасеся земля отъ лица Его, вселенная и вси живущіи на ней.

Сія величественная пѣснь, которою *Моисей* прославляетъ побѣду, Богомъ дарованную Евреямъ надъ Египтянами, изобилуетъ высокими изображеніями Какое великолѣпіе! какая сила въ слѣдующихъ стихахъ! (Исход. XV, 7, 8, 10, 12.)

Множествомъ славы Твоея стерлъ еси сопротивныхъ, послалъ еси гнѣвъ Твой, пояде я яко стеблїе.

И духомъ ярости Твоея разступися вода, огустѣша яко стѣна воды, и огустѣша и волны посредѣ моря.

Послалъ еси Духа Твоего, покры я море, погрязоша яко олово въ водѣ зелнѣй . . . Простерлъ еси десницу Твою, пожре я земля.

И все нижеслѣдующее столь же величественно.

Такія красоты безъ сомнѣнія несравненны, и нигдѣ такъ много ихъ нѣтъ, какъ въ Священномъ Писаніи. Вотъ руда, которую священный Стихотворецъ и священный Ораторъ непрестанно должны искапывать, естьли хотятъ достигнуть высочайшей степени искуства. Тогда только въ сочиненіяхъ ихъ можетъ высокость быть, когда они, руководимые вкусомъ умѣютъ присвоивать себѣ богатства онаго источника сокровищъ. Самыя поразительныя черты *Боссюэта*, *Расина*, *Руссо* и другихъ ничто иное суть, какъ удачныя подражанія Пророчествамъ или Псалмамъ.

На примѣръ, сколько картинъ въ семъ пророчествѣ *Іодая*, и съ какою важностію соблюденъ духъ Священнаго Писанія въ слѣдующихъ изреченіяхъ!

„Какъ чистое злато премѣнилось въ мало-„цѣнный металлъ? какой это Архіерей за-„кланъ въ семъ священномъ мѣстѣ? Восплачь, „Іерусалимъ, восплачь невѣрный градъ, неща-„стный убійца Божественныхъ Пророковъ! „Богъ твой лишилъ тебя любви Своей, твое „куреніе есть мерзость предъ Его очами. Ку-„да вы ведете сихъ дѣтей и женъ? Господь „потребилъ главу градовъ, Іереи Его плѣнники, „Цари низвержены; не хощетъ уже Онъ, да „празднуютъ Ему. Храмъ, разрушься! кедры, „бросьте пламень огненный! Іерусалимъ, пред-„метъ моей печали, какая рука отъяла отъ „тебя всѣ твои красоты въ одинъ день? Кто „премѣнитъ очи мои въ два источника слезъ, „да плачу о твоемъ бѣдствіи?......

„Какой новый, блистающій прелестями, „Іерусалимъ выходитъ изъ нѣдръ пустыни, и „являетъ на челѣ своемъ знакъ безсмертія? „Народы земные, пойте! Іерусалимъ опять „раждается съ вящшими красами и доброта-„ми. Откуда приходятъ къ нему со всѣхъ „сторонъ сіи чада, которыхъ онъ не носилъ „въ своей утробѣ? Подъими, Іерусалимъ, подъ-„ими гордую главу твою, зри всѣхъ сихъ Ца-„рей, изумленныхъ твоею славою! Владыки „странъ, повергшись предъ тобою, лобызаютъ „прахъ ногъ твоихъ. Народы со ревеніемъ те-„кутъ созерцать блескъ твой. Блаженъ тотъ, „чье сердце воспламенится священною любо-„вію къ Сіону. Небеса, низлейте свою росу, и „да породитъ земля своего Спасителя!

(*Расинъ* въ трагедіи *Говолія.*)

Ода Г. *Франка Помпиньяна* на сотвореніе Вселенныя, представляетъ великолѣпнѣйшую картину; и сочинитель весьма высокими мыслями оныя обязанъ также Священному Писанію (*).

„Священными пѣсньми благослови душа „моя Господа. Какими высокими хвалами, ка„кими гимнами воздамъ я честь Ему? Велико„лѣпное сіяніе Его твореній отъ начала вѣковъ „удивляетъ смертныхъ; небесные огни увѣн„чаваютъ Его, и пламена, Его окружающія, „суть вѣчныя Его одѣянія.“

„Подобно завѣсѣ истканной изъ злата и „шелку, обширная лазурь небесъ разпро„стирается подъ Его рукою; Онъ населяетъ „пустоты ихъ блестящими звѣздами; воды „вокругъ Его пребываютъ повѣшенны. Онъ „попираетъ ногами облака, и шествуетъ „на вѣтрахъ.“

„Глаголетъ ли онъ? Небеса колеблются, „море стенетъ, излетаетъ молнія, бурный „носится вихрь, земля въ молчаніи содрогает„ся. Изъ вѣчныхъ вратъ легіоны вѣрныхъ ду„ховъ при гласѣ Его мещутся въ воздухъ, пла„менная ревность руководствуетъ ихъ, и ихъ „пареніе быстрѣе молніи.“

„Онъ наполнилъ мрачныя бездны хаоса, „Онъ утвердилъ землю, и изгналъ тьму; воды „покрывали скалы и горы, но при гласѣ Его „волны возмутились, и мгновенно утекли въ „свои грубокія пропасти.“

(*) Всѣ примѣры изъ Стихотворцевъ перевелъ я прозою, дабы удержать красоты подлинниковъ, хотя не много.

„Границы, которыя Онъ предписалъ имъ, „всегда будутъ останавливать ихъ, перстъ „Его начерталъ имъ предѣлы, гдѣ ярость ихъ „должна изчезать. Вотще море въ сугубомъ „неистовствѣ своемъ порывается на брегъ, и „устрашаетъ его своимъ шумомъ; одна пес-„чинка удерживаетъ оное, волна пѣнится, „разбивается, признаетъ своего Господа, и „утекаетъ, и проч. (*)

II. О ВЫСОКИХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

Высокими называются тѣ чувствованія, которыя, основаны будучи на истинной добродѣтели, кажутся почти превышающими человѣческую природу, и, какъ говоритъ *Сенека*, являютъ въ слабости человѣчества твердость Божескую. Пусть вселенная падетъ на главу праведника, душа его пребудетъ спокойна въ самый часъ сего паденія.

Justum et tenacem propositi virum
Non civium ardor, prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida, nec auster
Dux inquieti turbidus Adriae,
Nec fulminantis magna Jovis manus:
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.
(Horat. Lib. III, od. 3.)

Идея сего спокойствія, представленная вмѣстѣ съ трескомъ всего разрушающагося

(*) Есть въ словахъ *Боссюэта*, *Флешьера* и *Массильйона* высокія изображенія, которыя надлежало бы здѣсь представить, но они приведены въ другихъ мѣстахъ.

міра, есть высокое изображеніе, а спокойствіе праведника есть чувствованіе высокое.

Вѣра наипаче сильна вдыхать таковыя чувствованія; ею-то человѣкъ часто возносится превыше самаго себя. Мысль о Богѣ покровителѣ вселяетъ въ него геройское благонадежіе среди самыхъ явныхъ опасностей.

Въ трагедіи *Гоѳолія*, *Абнеръ* со страхомъ объявляетъ *Іодаю* своему другу опасности, угрожающія сему первосвященнику. *Іодай* не смущаясь отвѣтствуетъ ему:

„Тотъ, кто укрощаетъ ярость волнъ, си-
„ленъ также разорить совѣты нечестивыхъ.
„Я боюсь Бога, любезный *Абнеръ*, покаряясь съ
„благоговѣніемъ Его святой волѣ, и другаго
„страха не имѣю.“

Сія геройская неустрашимость, сіе твердое упованіе на помощь Божію, есть совершенная высокость.

Тотъ же *Іодай*, видя, что въ оградѣ храма остались только младыя дѣвы и слабые Левиты, возглашаетъ:

„Вотъ какіе мстители! Священники и
„дѣти вооружаются за Тебя, о превѣчная
„мудрость. Но, естьли Ты ихъ укрѣпишь,
„кто можетъ одолѣть ихъ?“

Сіе изреченіе весьма хорошо изображаетъ чувствованія души истинно Израильской, коея мужество и вѣра не колеблются при видѣ величайшихъ опасностей, и которая въ безнадежномъ состояніи надѣется, будучи увѣрена, что Богъ силъ наставляетъ въ искуствѣ сраженія руки, вооружающіяся для защищенія Его правъ.

Нѣтъ ничего благороднѣе, выше, достойнѣе Христіанина, какъ сіи чувствованія *Алвара*, въ трагедіи *Алзира*.

„Ахъ! мой сынъ, сколь ненавистны для „меня сіи тиранскія лютости, сіи политическія злодѣянія! можешь ли ты любить „оныя, ты, Христіанинъ, ты долженствующій нѣкогда царствовать надъ новыми Христіанами, во славу Бога мира? Глаза твои „не насыщены ли грабежами, опустошающими „берега сихъ мѣстъ? Для того ли я пришелъ „отъ востока въ идолопоклоннический міръ „неизвѣстный Европѣ, для того ли, чтобъ „видѣть въ сихъ жаркихъ краяхъ омерзѣніе „къ имени Европы и къ имени правовѣрныхъ? „Ахъ! Богъ послалъ насъ сюда для другихъ „дѣйствій, послалъ проповѣдать Его имя, „вдыхать въ здѣшнихъ жителей любовь къ Его „закону; но мы неутолимые разорители сихъ „мѣстъ, мы ненасытные златолюбцы и кровопійцы, презрители Его законовъ, которые бы „надлежало возвѣщать, мы умерщвляемъ сей „народъ, вмѣсто того, чтобы привлекать его. „Отъ насъ вездѣ льется кровь, нами все превращается въ прахъ, мы не подражаемъ небу, „развѣ только метаніемъ грома. Наше имя „производитъ ужасъ; страшны здѣсь Испанцы, „но всѣмъ и мерзостны: мы, будучи бичами „новаго міра, несправедливы, подлы, любостяжательны, мы одни въ сихъ мѣстахъ „варвары, мы. Американецъ дикій въ простотѣ „своей, равенъ намъ въ бодрости и превосходитъ насъ человѣколюбіемъ. Увы! Естьлибъ „онъ былъ кровожаждущъ, такъ какъ мы,

„естьлибы онъ не имѣлъ добродѣтелей, не было „бы ужъ у тебя отца. Развѣ ты забылъ, что „они спасли мою жизнь? Развѣ ты забылъ, что „сей народъ, сдѣлавшись наконецъ жестокимъ „отъ нашего варварства, въ ярости окружилъ „меня подлѣ сего жилища? Всѣ бывшіе со мною „окончили свою жизнь предъ моими очами. Я „остался одинъ, безъ помощи, и ожидалъ смер-„ти. Но, сынъ мой, я увидѣлъ, что убійцы „повергли свое оружіе, услышавъ мое имя. „Одинъ младой Американецъ, котораго глаза „оросились слезами, вмѣсто того, чтобы пора-„зить меня, обнялъ мои колѣна.—Алваръ, ска-„залъ онъ, Алваръ, это ты? живи, твоя добро-„дѣтель весьма нужна для насъ; живи, будь „долгое время отцемъ намъ нещастнымъ. По „крайней мѣрѣ изъ сего примѣра тиранны, „хотящіе наложить на насъ оковы, да на-„учатся прощать. Ступай; великодушіе здѣсь „не чуждо нещастному народу, которой они „назвали звѣрскимъ.—Ахъ! ты рыдаешь; я чув-„ствую, что при сей повѣсти сердце твое „невольно трогается и умягчается. Человѣче-„ство говоритъ тебѣ, какъ и я—твой отецъ, „и проч.“

Окончимъ все касающееся *высокаго* стиля нѣкоторыми примѣчаніями, которыя мы почитаемъ полезными.

Высокій стиль не есть тоже, что называется *высокостію*. Высокость или высокое есть все то, что восхищаетъ нашу душу, поражаетъ, возмущаетъ вдругъ; она есть минутное сіяніе. Напротивъ того стиль высокій можетъ продолжаться; онъ есть тонъ

возвышенный, шествіе благородное и величественное, сообразное важности матеріи.

Видѣлъ я нечестиваго, обожаема на земли;
Яко кедръ, скрывалъ онъ въ небесахъ
гордое чело свое.
Онъ, казалось, повелѣвалъ грому,
Попиралъ ногами враговъ побѣжденныхъ;
Я прошелъ только мимо его,—онъ уже изчезъ.

Первые пять стиховъ стиля высокаго, но сами не высоки, а послѣдній высокъ, но написанъ не возвышеннымъ стилемъ.

Царствующій Пророкъ, отъ котораго *Расинъ* заимствовалъ сію черту, говоритъ еще болѣе: и *взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его.*

Для высокаго стиля необходимо нужно слѣдующее. 1-е. Великая чувствительность, и нѣкоторое возвышеніе ума, вдыхающее щастливыя мысли; 2-е величество и важность матеріи, о коей должно говорить; 3-е здравое разсужденіе, которое бы управляло восторгомъ, и препятствовало подпасть надутости, ибо она есть злоупотребленіе высокаго стиля, такъ какъ низкость есть злоупотребленіе стиля простаго.

ЧЛЕНЪ III о СТИЛѢ УМѢРЕННОМЪ.

Стиль умѣренный или цвѣтный есть среднiй между простымъ и высокимъ; онъ не столь силенъ и быстротекущъ, какъ сей послѣдній, но обильнѣе и красивѣе перваго; его тихое и плавное шествіе имѣетъ удачную легкость стиля простаго, и иногда благородство высокаго. Онъ получаетъ свое главное достоинство отъ богатствъ искусства, что

есть, пріятность выраженій, многочисленные и періодическіе обороты, и, что еще болѣе, мысли тонкія, нѣжныя, острыя составляютъ его характеръ.

Впрочемъ не надобно думать, чтобы онъ позволялъ себѣ безъ разбора всѣ украшенія. Просвѣщенный Ораторъ употребляетъ оныя по выбору, и умѣетъ ихъ перемѣнять; они должны быть натуральны, и происходить изъ самаго свойства матеріи.

Умѣренный стиль особенно приличествуетъ панегирикамъ и надгробнымъ словамъ. Употребляющему оной въ словахъ нравоучительныхъ потребно знаніе умѣрять блескъ его; излишняя рачительность въ выборѣ выраженій и оборотовъ можетъ препятствовать нравоучителю достигать той цѣли, какую онъ предполагать себѣ долженъ.

Флешъеръ изъ знаменитыхъ Ораторовъ неоспоримо есть такой, котораго стиль самой красивой, гармонической и цвѣтистой. При недостаткѣ силы онъ имѣетъ правильность и пріятность. Ежели въ немъ не достаетъ изумляющихъ быстрыхъ движеній, ослѣпляющихъ великихъ идей, то онъ плѣняетъ блистательнѣйшими мыслями, многочисленными и періодическими оборотами, услаждающими слухъ; но весьма очевидно, что сіе его достоинство есть плодъ искуства и упражненія, и чрезмѣрное обиліе украшеній очень часто производитъ въ словахъ его нѣкоторое скучное единообразіе. Впрочемъ сей недостатокъ не такъ ощутителенъ въ его надгробномъ словѣ *Тюренну*. Кажется, что общая печаль возродила

въ душѣ его большія движенія, вящшую дѣятельность. Мысли его возвышеннѣе, стиль имѣетъ болѣе жара и порѣванія, разновидныя изображенія болѣе силы, и темный цвѣтъ приличный матеріи. Словомъ, сіе сочиненіе есть совершеннѣйшій образецъ, какой можно представить на сей родъ стиля, о которомъ здѣсь говоримъ (*).

Въ словахъ *Невиля* часто встрѣчаются блистательныя черты, равняющія его съ *Флешьеромъ*. Таково между прочими сіе мѣсто его надгробнаго слова Кардиналу *Флери*, гдѣ онъ представляетъ, что Лудовикъ XIV избралъ сего мужа въ учителя Лудовику XV-му.

„Приближалось то время, когда сіи столь „скромныя дарованія должны были обнару„житься предъ очами вселенной, и всѣми заслу„гами, какія подданный можетъ оказать своему „Государю, удостоиться всего, что только Госу„дарь можетъ сдѣлать для своего подданнаго.

„Лудовикъ XIV, сей Монархъ, слава сво„его народа и своего вѣка, слава церкви и „государства, герой паче въ преклонности „лѣтъ и щастія, нежели въ блескѣ юности и „побѣдъ, герой, котораго добродѣтель, ис„кушенная злоключеніями принудила наконецъ „фортуну устыдиться своего непостоянства, „дала ей возчувствовать свою слабость, на„учила ее, что не свойственно ей ни да„вать, ни отнимать истиннаго величества,

(*) Оно давно переведено на Россійской языкъ. Смотри здѣсь въ разныхъ мѣстахъ примѣры изъ онаго. Аббатъ *Батте* въ IV книгѣ *основаній Литтературы* сдѣлалъ анализъ сего слова, гл. IX. стр. 178.

„Лудовикъ видѣлъ, что его многочисленное „племя изчезаетъ подобно тѣни; одинъ въ „своихъ пространныхъ чертогахъ—ему ка- „жется, что онъ переживаетъ самаго себя; „глаза его, готовящіеся закрываться на вѣки, „видятъ на мѣстѣ многихъ цвѣтовъ пожа- „тыхъ во время ихъ весны, видятъ одинъ „только цвѣтъ едва разцвѣтшій, слабый, коле- „блющійся, почти пояденный тѣмъ бурнымъ „дыханіемъ, которое потребило, изсушило „столько цвѣтоносныхъ маслинъ. Се другій „*Іоасъ*, единственная отрасль *Давида*, сохра- „нившаяся при паденіи августѣйшаго дома, „едва могшая выйти изъ подъ развалинъ, подъ „которыми она казалась погребенною! Въ семъ „младенцѣ соединяются чувства сердца и „черты ума его дѣла, нѣжность отца и намѣ- „ренія Государя. О естьлибъ Лудовикъ по край- ней мѣрѣ возмогъ своими наставленіями и „примѣрами научить его великому искуству „царствовать! Но время протекаетъ, гробъ „разверзается предъ Монархомъ, гробъ ожи- „даетъ его, требуетъ его, и онъ мыслитъ о „томъ, чтобъ вмѣсто себя кому нибудь дру- „гому поручить своего преемника. На когожъ „падетъ выборъ сего Государя, состарѣвшаго- „ся въ замѣчаніи и знаніи людей, сего Государя, „которой доказалъ и прославилъ свое просвѣще- „ніе избраніемъ *Боссюэтовъ* и *Фенелоновъ*? Онъ „призываетъ Епископа Фрейскаго, и ввѣряетъ „ему судьбу своей Крови и своего Королевства.“

Никто, можетъ быть, въ изящности стиля не достигъ вышшей степени совершенства, нежели какъ *Массильіонъ*. Выраженія

красивыя, отборныя, высокія, пріятныя, картины блистательныя и натуральныя, колорисъ искусной и поразительной, вотъ характеръ его слога! Мы приведемъ два примѣра, въ которыхъ видны нѣкоторыя изъ сихъ качествъ.

Въ первомъ примѣрѣ онъ говоритъ о снизходительности Лудовика девятаго.

„Всѣ имѣли доступъ къ нему, онъ самаго „послѣдняго изъ подданныхъ не лишалъ удо„вольствія видѣть своего Государя, всегда „показывалъ имъ лице веселое, умѣрялъ вели„колѣпіе трона благопривѣтливостію, возла„галъ яко *Моисей* покрывало кротости на сія„ніе своея особы и достоинства, дабы безбо„язненно взирали на него всѣ приближавшіеся „къ нему, и столько удалялъ онъ себя всякую „пышность сродную величеству, что подходя „къ нему почти не видѣли въ немъ Монарха, „развѣ когда изливалъ онъ милости. Снисхо„дительность и человѣколюбіе были бы есте„ственными добродѣтелями Самодержцевъ, „естьлибы они помнили, что они отцы своихъ „народовъ; презрѣніе и гордость не только не „суть преимущества ихъ сана, но и злоупотре„бленіе и безчестіе онаго; и они недостойны „быть владыками своихъ подданныхъ, когда „забываютъ, что они ихъ отцы. Сіе правило „касается всѣхъ тѣхъ, которые по своимъ до„стоинствамъ могущественны въ народѣ. Увы! „сущіе во власти часто принимаютъ такую „суровость, и столь труденъ бываетъ доступъ „къ нимъ, что огорченные почитаютъ боль„шимъ нещастіемъ необходимость подойти

„къ тому, отъ кого они ожидаютъ облегченія.
„И однакожъ мѣста возвышающія насъ предъ
„народомъ уставлены только для него. Однѣ
„общественныя нужды ввели общественныя
„достоинства, и ежели власть есть тягостное
„иго, то она должна быть игомъ для носящихъ
„ее, а не для тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ
„ней съ прошеніями, и ищутъ у нея убѣжища."

„Второй примѣръ взятъ изъ слова о *ма-*
„*ломъ числѣ избранныхъ.*

„Въ сіи щасливыя времена, когда вся
„церковь была ничто иное, какъ собраніе свя-
„тыхъ, рѣдко открывались изъ вѣрныхъ такіе,
„которые бы по полученіи даровъ Духа Свя-
„таго, и по исповѣданіи Іисуса Христа въ
„таинствѣ насъ возраждающемъ, опять пре-
„давались разпутству прежнихъ нравовъ. Въ
„Іерусалимской церкви только *Ананія* и *Сап-*
„*фира* оказались вѣроломными; церковь Ко-
„ринѳская видѣла одного кровосмѣсника; на-
„родное предъ всѣми покаяніе было тогда
„рѣдкимъ врачевствомъ, и едва между сими
„истинными Израильтянами находился одинъ
„прокаженный, котораго надлежало отлучить
„отъ олтаря, и отъ сообщенія съ его братіями.

„Но послѣ, какъ вѣра начавши распростра-
„няться, начала и ослабѣвать, число правед-
„ныхъ стало уменьшаться по мѣрѣ умноженія
„числа вѣрныхъ; успѣхъ Евангелія, кажется,
„остановилъ преспѣяніе благочестія, и весь
„міръ ставъ Христіанскимъ, принесъ наконецъ
„съ собою въ Церковь свое повреждение и свои
„правила. Увы! мы заблуждаемъ почти всѣ отъ
„ложесnъ матерей нашихъ; первое дѣлаемое

„нами употребленіе нашего сердца есть без-
„законіе, наши первыя наклонности суть стра-
„сти, и нашъ разумъ развертывается и воз-
„растаетъ на растлѣніи нашея невинности.
„Земля, говоритъ одинъ Пророкъ, разтлѣнна
„неправдами живущихъ на ней; всѣ нарушили
„законы, перемѣнили уставы, прервали тотъ
„союзъ, которому надлежало быть вѣчнымъ;
„всѣ дѣлаютъ зло, и едва ли сыщется одинъ
„творящій добро: несправедливость, клевета,
„ложь, вѣроломство, прелюбодѣяніе, гнуснѣйшіе
„пороки покрыли землю. Братъ строитъ ковы
„брату, отецъ отдѣленъ отъ своихъ дѣтей, же-
„на отъ своего мужа; нѣтъ союза, котораго бы
„подлое корыстолюбіе не разрывало, вѣрность
„уже ничто иное есть, какъ добродѣтель про-
„стыхъ; ненависти вѣчны, примиренія лице-
„мѣрны, никогда не взираютъ на врага своего,
„такъ какъ на брата; одинъ другаго терзаетъ,
„снѣдаетъ; собранія ничто иное суть, какъ
„публичныя порицанія; совершеннѣйшая добро-
„дѣтель не въ безопасности отъ злыхъ язы-
„ковъ; игры содѣлались или торгами, или обма-
„нами, ими бѣшенствами; пиры, сіи невинныя
„связи общества, излишествами, о которыхъ
„не льзя смѣть говорить; народныя удоволь-
„ствія, школами безстыдства; нашъ вѣкъ ви-
„дитъ такія непотребства, которыхъ наши
„отцы не знали; городъ есть Ниневія грѣш-
„ница; Дворъ есть средоточіе всѣхъ страстей
„человѣческихъ, и добродѣтель, возвышаемая
„примѣромъ Монарха, уважаемая его благоволе-
„ніемъ, ободряемая его благодѣяніями, дѣлаетъ
„тамъ порокъ болѣе осмотрительнымъ, но

„можетъ быть не ослабляетъ его; всѣ званія, „всѣ состоянія развратились въ путяхъ сво- „ихъ; нищіе ропщутъ на руку, наказующую „ихъ, богатые забываютъ виновника ихъ изо- „билія; вельможи представляются рожденными „только для самихъ себя, и своевольство по „видимому есть единственное право ихъ знат- „ности; самая соль земли обуяла, свѣтильники „*Іакова* угасли, камни святилища постыдно вла- „чатся въ грязи общенародныхъ мѣстъ, и свя- „щенникъ подобенъ простолюдину. О Боже, это „ли Твоя церковь и собраніе святыхъ? это ли „твое любезное достояніе, Твоя лоза возлюб- „ленная, предметъ твоихъ попеченій и мило- „стей? и виновнѣе ли предъ очами Твоими былъ „Іерусалимъ, когда Ты поразилъ его вѣчнымъ „проклятіемъ?“

О различныхъ качествахъ Стиля.

Между качествами, которыхъ соединеніе составляетъ хорошій стиль, есть совершенно нужныя, какъ—то правильность, ясность и совокупность, о коихъ мы уже говорили.

Есть и другія болѣе или менѣе нужныя, по свойству предлагаемыхъ матерій, или изображаемыхъ предметовъ.

Сіи качества суть сила, изящность и гармонія; должно присовокупить къ нимъ краткость, жаръ, угрюмость и легкость, на кои мы сдѣлаемъ нѣкоторыя примѣчанія.

Краткость есть искусство никогда не говорить болѣе или менѣе того, что въ виду имѣешь. Сіе качество особливо должно быть

наблюдаемо въ матеріяхъ, требующихъ разбирательства; оно также нужно Оратору послѣ приступа, когда онъ объявляетъ, о чемъ онъ хочетъ говорить, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему надобно дѣлать какіе нибудь приводы для подтвержденія того, что онъ предлагаетъ въ своемъ словѣ. Должно отвергаться, чтобы краткость не вредила ясности и вѣрности. Иногда желая сказать много краткими словами, слишкомъ натягиваютъ мысль и дѣлаютъ ее ложною. Краткость не состоитъ въ опущеніи нужныхъ идей, но въ поставленіи каждой идеи на своемъ мѣстѣ, и выраженіи оныя пристойнымъ терминомъ.—Симъ-то средствомъ стиль получаетъ двоякую пользу, то есть, онъ краткокъ, но не скученъ, разкрытъ, но не слабъ.

Жаръ стиля есть такое качество, которое переноситъ въ душу слушателя тотъ огонь, коимъ одушевленъ самъ Ораторъ. Онъ наипаче нуженъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочешь тронуть и убѣдить, но можетъ изходить только изъ души, сильно занятой своимъ предметомъ. Дабы писать съ жаромъ, не довольно объявлять, что ты исполненъ огня, надлежитъ имѣть оной дѣйствительно, и изливать его кстати.

Угрюмость въ стилѣ происходитъ отъ глубокаго впечатлѣнія, которое дѣлаетъ въ душѣ оратора матерія, имъ разсуждаемая. Тогда онъ болѣе занятъ своимъ предметомъ, нежели тѣмъ, какъ бы изобразить оной. Онъ уважая мысль, пренебрегатъ выраженіе, то есть, естьли она вѣрна, то мало онъ тщится

о томъ, чтобъ она поражала слухъ пріятнымъ звукомъ. Сей стиль, являющій среди своихъ неисправностей другія поразительныя, изумляющія красоты, совершенно противоположенъ стилю цвѣтному. Таковъ его характеръ.

Въ важномъ и угрюмомъ стилѣ всѣ слова какъ бы утверждены на пространномъ и твердомъ основаніи, на мысли, и какъ бы отдѣлены одно отъ другаго для того, чтобы были виднѣе подобно скаламъ, которыхъ вершины въ дали примѣчаются. Гласныя и согласныя часто стираются другъ съ другомъ и другъ друга отражаютъ. Онъ идетъ большими стопами, употребляетъ реченія длинныя, и ничего столько не боится, какъ легкихъ слоговъ, кои употребляетъ только при недостаткѣ другихъ. Такой же системѣ слѣдуетъ онъ и въ разсужденіи фразовъ, принимаетъ только сильныя и полныя мѣры, никогда не заботясь и томъ, чтобъ онѣ были равны или одинаковы, либо постепенны, естьли только онѣ натуральны и свободны, и способнѣе сильно поражать, нежели нравиться. Мало заботясь о размѣрномъ шествіи періодовъ, употребляетъ оные только случайно, и потому что они сами собою представляются; не прибавляетъ онъ словъ для круглости выраженія и для полнаго числа, нѣтъ въ немъ блещущихъ паденій, привлекающихъ похвалы, нѣтъ выдержанныхъ фигуръ, нѣтъ обдуманныхъ переходженій, мало связей, нѣтъ цвѣтовъ.

Легкость стиля, о которой сказать намъ остается, есть простое качество, не занимающееся никакою выправкою, и приличное

наипаче въ тѣхъ мѣстахъ слова, гдѣ ораторъ долженъ думать только о наученіи слушателей. Стиль легкій, свободный, плавный долженъ быть главнымъ свойствомъ дружескихъ наставленій, краткихъ поученій и катихизисовъ. Хотя онъ подходитъ къ стилю обыкновенному въ обращеніи, однако долженъ имѣть большее достоинство, и употреблять въ немъ весьма небрежныя выраженія, есть не знать его свойства.

Какихъ погрѣшностей должно избѣгать въ стилѣ?

Когда въ стилѣ есть погрѣшности противныя вкусу и нѣкоторымъ образомъ ослабляющія важность разсуждаемыхъ матерій, то онъ не дѣйствуетъ такъ на слушателя, какъ стиль чистый, правильный, красивый, гармоническій. Изъ всѣхъ погрѣшностей, могущихъ имѣть сіе худое слѣдствіе, ораторъ съ наибольшимъ тщаніемъ долженъ избѣгать слѣдующихъ: надутости, холодности, принужденности и многословія.

Надутость, сей порокъ противный вѣрности, происходитъ отъ того, что хотятъ представить великими мысли, не имѣющія сами по себѣ ничего возвышеннаго. Нѣтъ ничего смѣшнѣе того оратора, который пишетъ съ надутою важностію, показываетъ холодную страсть, который одушевляетъ и разгорячаетъ себя помощію однѣхъ метафоръ, апострофовъ, восклицаній, коихъ вся сила состоитъ въ томъ, что они слишкомъ увеличиваютъ самыя малыя мысли, самымъ простымъ идеямъ придаютъ ложный видъ высокости,

весьма посредственные предметы чрезмѣрно отягощают украшеніями. Нѣтъ ничего изящнѣе истины. Каждую вещь должно убирать цвѣтами, ей свойственными, и излишняя пышность въ стилѣ есть почти вѣрное доказательство скудоумія.

Стиль холодный, гдѣ все въ движеніи, столь же непріятенъ, какъ и надутый. Различныя причины производятъ сію холодность: 1. когда выраженія не одушевлены тамъ, гдѣ потребенъ жаръ; 2. когда быстрыя движенія страстей одерживаются мелочными подробностями, или смѣшнымъ хвастовствомъ знанія; 3. Во всякое время, когда говорятъ несоотвѣтственное обстоятельствамъ времени. Однимъ словомъ, холодный стиль происходитъ то отъ недостатка, то отъ илишества идей, часто отъ выраженій, весьма обыкновенныхъ, иногда отъ выраженій, слишкомъ отборныхъ; всегда же отъ того, что ораторъ сочиняетъ безъ методы, безъ вкуса, безъ восхищенія.

Принужденность (assectatio) ничто иное есть, какъ желаніе блистать избранными мыслями, острыми словами и фигурами, разсыпанными безъ разбора. Весьма ощутительно, сколь сіи слабыя средства нравиться, сіи способы присвоивать себѣ остроуміе, удалены отъ здраваго краснорѣчія, и смѣшны наипаче въ Христіанскомъ Ораторѣ, который долженъ открывать вѣрующимъ высокія истины Религіи съ благороднѣйшею простотою.

Многословіе (diffusio) есть повтореніе одной идеи разными терминами, или скопленіе идей безполезныхъ для ясности той,

которую хотятъ представить. Это погрѣшность воображенія плодовитаго, не умѣющаго останавливаться. Все, что не можетъ придавать слову ни большей пріятности, ни большей чистоты, ни силы, все то должно выбрасывать изъ онаго.

О разнообразіи и пристойности стиля.

Стиль слишкомъ ровный и все одинаковый напрасно блещетъ предъ глазами нашими, онъ усыпитъ насъ. (Стихотвор. наук.)

Въ самой вещи, ничто не дѣлаетъ слово такъ скучнымъ, какъ, естьли одни и тѣ же выраженія, тѣ же фигуры и тѣ же перехожденія часто встрѣчаются въ ономъ. Посему ораторъ, желающій нравиться, долженъ тщательно избѣгать сего скучнаго единообразія; но великое есть знаніе—умѣть дѣлать искусное смѣшеніе разныхъ стилей. Надобно умѣть перемѣнять оные кстати, различать пристойное каждой вещи, употреблять мысли, выраженія и обороты приличные матеріямъ, мѣстамъ, обстоятельствамъ, лицамъ (*).

Великій ораторъ, по мнѣнію *Цицерона*, есть тотъ, котораго слова суть вѣрное и натуральное изображеніе матеріи, разсуждаемой имъ, который малыя вещи представляетъ стилемъ простымъ, посредственныя цвѣтнымъ, великія высокимъ и сильнымъ. Нравиться ли онъ хочетъ? Онъ говоритъ пріятно, сладко, плѣнительно. Изумить ли онъ хочетъ слушателей и изторгнуть ихъ изъ рукъ страстей?

(*) Variare orationem magnopere oportebit, nam omnibus in rebus similitudo satietatis est mater. (Cicer. de inv. libr. 1.)

онъ употребляетъ все, что краснорѣчіе имѣетъ сильнаго, твердаго, убѣдительнаго. Слово его украшено одними ясными истинами, одними живыми картинами и выраженіями, пристойными его матеріи; кратко сказать, онъ никогда ни выше, ни ниже своего предмета, и въ семъ-то состоитъ совершенное искусство; напротивъ того декламаторъ, выдающій себя за остраго, никогда не достигаетъ цѣли. Пусть онъ употребляетъ слова модныя, фразы блистательные, обороты замысловатые, рѣчь его не имѣетъ ни силы, ни пріятности; ибо все въ оной не у мѣста, все противъ правилъ благопристойности.

Вотъ общія, полезнѣйшія знаменитыхъ ораторовъ примѣчанія на стиль! Присовокупимъ къ онымъ, для окончанія сего члена, важное мѣсто изъ Г. *Бюффона*, который о томъ же трактуетъ сколь основательно, столь и краснорѣчиво въ своей превосходной рѣчи при принятіи его во Французскую Академію.

„Хорошо писать, говоритъ онъ, есть вмѣ„стѣ хорошо мыслить, хорошо чувствовать „и хорошо выражать; есть имѣть въ тоже „время умъ, сердце и вкусъ. Стиль предпола„гаетъ соединеніе и упражненіе всѣхъ душев„ныхъ способностей; однѣ идеи составляютъ „сущность стиля, гармонія есть только слу„чайность онаго, и зависитъ отъ тонкости „слуха... Тонъ есть приличность стиля свой„ству матеріи, онъ никогда не долженъ быть „принужденнымъ, онъ обыкновенно раждается „изъ самой матеріи, и много зависитъ отъ „той обширности, какую мы даемъ своимъ

„мыслямъ. Ежели ты возвысился къ идеямъ „весьма обширнымъ, и естьли предметъ самъ „въ себѣ великъ, и тонъ будетъ также великъ, „и ежели держа оной на семъ возвышенiи, умъ „твой сообщаетъ каждому предмету довольно „сильный свѣтъ; естьли ты можешь къ силѣ „чертежа присоединять красоту цвѣтовъ, „естьли, однимъ словомъ, можешь представ- „лять каждую идею изображенiемъ живымъ и „хорошо обработаннымъ, и составлять изъ „каждаго собранiя идей гармоническую и про- „тательную картину, тонъ не только будетъ „возвышеннымъ, но и *высокимъ*."

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О

ФИГУРАХЪ ВООБЩЕ (*).

Подъ именемъ *фигуръ* разумѣются извѣстные обороты краснорѣчiя, кои, удаляясь нѣкоторымъ образомъ отъ простѣйшаго слога, выражаютъ чувствованiя, мысли и движенiя души съ большею прiятностiю, силою, благородствомъ и живостiю.

Фигуры раздѣляются на фигуры *мнѣнiй* и фигуры *реченiй*. Различiе между ими есть слѣдующее: какъ мысли зависятъ единственно отъ оборота воображенiя, то фигуры мнѣнiй состоятъ только въ особливомъ образѣ мыслей

(*) Мы представимъ здѣсь только самые главные тропы и фигуры блистательнѣйшiя.

или чувствованій, такъ что, хотя, перемѣнятся слова, но фигура все будетъ таже. Напротивъ того фигуры реченій таковы, что естьли перемѣнишь выраженіе, то фигура изчезнетъ.

Есть много фигуръ реченій; но мы будемъ говорить только о тѣхъ, которыя называются *тропами;* ибо мы почитаемъ ихъ важнѣйшими.

ЧЛЕНЪ I. О ТРОПАХЪ.

О ихъ употребленіи и дѣйствіи въ рѣчи.

Тропы суть фигуры, коими даютъ какому нибудь слову такое значеніе, которое прямо не есть собственное значеніе сего слова. Посему—то они называются *тропами* отъ Греческаго глагола *τρέπω,* значущаго *превращаю;* въ самой вещи слово, такъ сказать, превращаютъ, дабы оно означало то, чего не означаетъ въ собственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, *сто головъ* означаютъ *сто человѣкъ,* и *сто парусовъ, сто кораблей;* одну часть полагаютъ вмѣсто цѣлаго.

1. Самое обыкновенное употребленіе троповъ состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать главную идею посредствомъ какой нибудь сторонней идеи, какъ видно въ двухъ вышеположенныхъ примѣрахъ.

2, Тропы придаютъ большую силу выраженіямъ. Когда мы живо поражены какою нибудь мыслію, то рѣдко изъясняемся просто; отсюда происходятъ оные роды выраженія, быть *воспламенену гнѣвомъ*, *помрачить славу*, и проч.

3. Они украшают рѣчь. Вотъ какъ *Флешьеръ* изъясняется, намѣреваясь сказать, что служители Хрістовы научили Г. *Монтозьера* догматамъ религіи, и открыли ему заблужденія ереси.

„Падите, падите злощастныя завѣсы, „скрывающія отъ него истину нашихъ таинствъ. И вы, Священники Іисуса Хріста, „возмите мечь слова, и мудро посѣките даже „до корня заблужденіе, которое отъ рожденія „и воспитанія возрасло въ душѣ его; но колиt„кими узами удерживаемъ онъ былъ?“

Кромѣ апострофа, фигуры мнѣнія, замѣтимъ сіи слова: *падите завѣсы скрывающія, возмите мечь, посѣките до корня, возрасло, узами удерживаемъ былъ*. Все это тропы, составляющіе тѣ картины, какими воображеніе съ удовольствіемъ занимается.

4. Тропы дѣлаютъ рѣчь благороднѣйшею. Общія идеи, къ которымъ мы привыкли, не производятъ въ насъ удивленія и изумленія, сего чувствованія, возвышающаго душу, и для того ораторы прибѣгаютъ къ идеямъ стороннимъ. *Всѣ люди равно умираютъ;* вотъ общая мысль! *Малгербъ*, подражая *Горацію*, парафрастически объясняетъ оную и дѣлаетъ важнѣйшею.

„Никакая злость не можетъ сравниться „съ лютостію смерти; какъ ни умоляй ее, „она жестокая зажимаетъ свои уши, и пре„зираетъ вопль нашъ. Нищій въ своей хижинѣ, „покрытой соломою, подчиненъ ея законамъ, „и стража, стоящая у Дворца, не защищаетъ „отъ нея нашихъ Королей.“

5. Наконецъ тропы въ великомъ употребленіи для преобразованія идей грубыхъ, непріятныхъ, скучныхъ и противныхъ скромности. Они должны быть ясны, легки, входить въ сочиненіе натурально въ свое время, и становиться на своемъ мѣстѣ; ибо во всемъ нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ погрѣшать противъ пристойности.

Главные тропы суть: *Метафора*, *Аллегорія*, *Иперболa* и *Перифразъ*.

I. О Метафорѣ.

Метафора изъ всѣхъ троповъ есть такій, который заслуживаетъ подробнѣйшее изслѣдованіе. Она состоитъ въ томъ, что слово отъ естественнаго значенія переносится къ другому значенію, которое пристойно ему только по воображаемому подобію. Такимъ образомъ говорятъ о младенцѣ, *это младое растѣніе*, относительно къ легкости, съ какою преклоняютъ его ко всему, къ чему хотятъ, такъ какъ растѣніе.

Метафора, неоспоримо, изъ всѣхъ фигуръ есть прекраснѣйшая. Она болѣе всякой другой помогаетъ придавать силу слову; но для сего дѣйствія потребно, чтобы изображенія, служащія къ составленію ея, были избираемы съ раченіемъ, чтобъ они были ощутительны, и натурально относились къ тѣмъ вещамъ, которыхъ мѣсто заступаютъ.

Сія столь выразительная фигура часто встрѣчается въ Священномъ Писаніи. Самыя духовныя и умственныя вещи представлены

тамъ живыми и ощутительными изображеніями, какъ видно въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Разслабленія наполнишися; чаша же потребленія и погубленія, чаша сестры твоея Самаріи. И испіеши ю, истощиши, и чрепъ ея ядущи потребиши, и сосца твоя отторгнеши. (Іезек. гл. 23. ст. 33-34... Вотъ, безъ сомнѣнія, ужаснѣйшее изображеніе отчаянія беззаконныхъ, представленное сею метафорою!

Въ слѣдующей, щедрость Божія къ избраннымъ Его представляетъ утѣшительнѣйшую картину. *Упіются отъ тука дому твоего, и потокомъ сладости твоея напоиши я.*

Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте, говоритъ Святый *Павелъ* Коринѳянамъ, (1, гл 3. ст. 9.)

Священное краснорѣчіе своими блистательнѣйшими чертами обязано бываетъ метафорѣ. Великіе ораторы обогатили оными большую часть своихъ проповѣдей.

Боссюетъ, говоря о Герцогинѣ Орлеанской, сказалъ: „Она желала тысящекратно погрузиться въ кровь агнчу.“

„Душа наша, говоритъ *Террассонъ*, послѣ „грѣха клонится къ смерти; огнь похотѣнія „повреждаетъ ее, страсти ее изнуряютъ, „раны, получаемыя ею, обезсиливаютъ, разслабляютъ ее; часто, послѣ ужасныхъ „преступленій, остаются съ нею такія „немощи, отъ которыхъ она не излѣчиваетъся; она имѣетъ только легкое дыханіе жизни, которое малѣйшій вѣтръ искушенія можетъ потребить; и однако, не взирая на всѣ „сіи слабости, надобно ей шествовать по „скорбному пути заповѣдей Божіихъ, надобно

„ей противустоять потоку, увлекающему ее, „утомлять себя ратованіемъ со врагами, нападающими на ее со всѣхъ сторонъ, истощать себя отраженіемъ ударовъ, наносимыхъ „ей, и проч."

„Руки его яко желѣзны, мышцы мѣдяны, „грудь адамантова, а душа геройская."

(*Платонъ* М. Московскій.)

Всѣ сіи метафоры прекрасны, и не имѣютъ ничего неправильнаго и непристойнаго. Онѣ придаютъ мысли, которую ораторъ хотѣлъ выразить, большій блескъ и возвышеніе, и особливо достойны замѣчанія по нѣкоторой смѣлости, которая не обезобразила бы и стиля стихотворческаго.

Пріятность метафоры всегда почти содержится въ эпитетѣ, который даетъ мыслямъ тѣло, и являетъ черту Творческаго ума или воображенія. *Океанъ изумленный*, говоритъ Боссюэтъ, *гордая печаль*, *возмутительное сновидѣніе*, *злощастная ночь*, и проч.

Когда метафора, которую хочешь употребить, кажется слишкомъ смѣлою, то можно умягчить ее сею реторическою предосторожностію: *нѣкоторымъ образомъ*, *такъ сказать*, и проч.

Метафора имѣетъ большую пріятность и блескъ тогда, когда она вѣрна и удачно употреблена; но противна и недостаточна бываетъ, когда 1-е взята отъ низкихъ предметовъ; 2-е когда принужденна, взята издалека, и когда ни отношеніе довольно натурально, ни сравненіе довольно ощутительно; 3-е когда

приложенъ эпитетъ къ изображенію, поставленному на мѣсто натуральнаго слова, и естьли сей эпитетъ возбуждаетъ такія идеи, которыя не могутъ быть соединены вмѣстѣ, на примѣръ: *дымящаяся буря*, *горящая волна*, *загарающійся потокъ*, и проч.

Замѣтимъ наконецъ, что въ употребленіи метафоры, которое должно быть управляемо вкусомъ, и слѣдовательно должно быть не частымъ, надлежитъ смотрѣть на пристойность стиля. Есть метафоры, приличныя стилю стихотворческому, но несовмѣстныя стилю ораторскому.

II. О Аллегоріи.

Аллегорія есть рѣчь, представляющая смыслъ буквальный, различествующій отъ того, какой мы намѣреваемся дать уразумѣть, но содержаніе сего смысла удобно открываемъ помощію стороннихъ идей и обстоятельствъ; сіе опредѣленіе, согласное съ истиною, довольно утверждается самымъ именемъ. Аллегорія происходитъ отъ *ἄλλος* (другій, иный, различный), и отъ *ἀγορὰ* (рѣчь, сказаніе); изъ самаго слова явствуетъ, что она есть рѣчь, дающая разумѣть другое.

Сія фигура состоитъ въ томъ, что Ораторъ вмѣсто подлиннаго предмета, о которомъ хочетъ говорить, полагаетъ предметъ иный, но подобный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и потомъ распоряжаетъ всѣ выраженія приспособительно къ вымышленному предмету, какъ будто бы онъ не говорилъ о главномъ

предметѣ, которой представляетъ доразумѣваемымъ подобіемъ.

Аллегорія есть средство, давно уже изобрѣтенное, и часто употребляемое съ успѣхомъ для наставленія, которое бы могли отвергать или слушать безъ пользы, естьли бы оно предлагаемо было безъ закрытія и предосторожности. Поучительное изъясненіе правилъ нравственности бываетъ холодно; убѣжденія часто вмѣсто исправленія раздражаютъ; аллегорія же есть способъ представлять истину съ бережностію, есть совѣтъ, подаемый осторожно, и котораго примѣненія тотъ, кого онъ касается, не можетъ не чувствовать при каждой чертѣ.

Мы видимъ въ Священномъ Писаніи, что снисхожденіе Святаго Духа къ человѣческой слабости не пренебрегло сего способа представлять строгую истину великимъ земли. Пророкъ *Наванъ* не изобличаетъ съ горячностію *Давида* въ прелюбодѣяніи съ *Вирсавіею* и въ неправедной смерти *Уріи*, мужа ея; онъ обманываетъ нѣкоторымъ образомъ щекотливое самолюбіе Царя, извлекая изъ него негодованіе на вымышленнаго человѣка, котораго мнимое преступленіе ничто иное было, какъ аллегорія. Но лишь только Пророкъ довелъ *Давида* до той точки, гдѣ онъ ожидалъ его, то раздирая завѣсу аллегоріи, рекъ ему: *ты еси мужъ, сотворивый сіе; сія глаголетъ Господъ Богъ Израилевъ: Азъ есмъ помазавый тя въ царя надъ Израилемъ, и Азъ есмъ избавивый тя отъ руки Сауловы; и дахъ ти домъ господина твоего, и жены господина твоего на лоно твое, и дахъ ти домъ Израилевъ*

и Іудинъ: и аще мало ти есть, приложу тебѣ къ симъ. И что яко презрѣлъ еси слово Господне, еже сотворити лукавое предъ очима Его? (2 Цар. гл. 12. ст. 7. 9. и проч.)

Пророкъ *Исаїя* влагаетъ во уста Господа слѣдующую патетическую аллегорію: *Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ, и огражденіемъ оградихъ, и околахъ, и насадихъ лозу избранну, и создахъ столпъ посредѣ его, и предточиліе исколахъ въ немъ, и ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе. И нынѣ живущіи во Іерусалимѣ, и человѣче Іудинъ, судите между мною и виноградомъ моимъ. Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему? занеже ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе. Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что азъ сотворю винограду моему: отъиму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе, и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе: и оставлю виноградъ мой, и ктому не обрежется, ниже покопается, и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ терніе: и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя.* (Исаіи гл. 5. ст. 1.)

Примѣненіе церковію сея аллегоріи къ нынѣшнему состоянію Іудеевъ, не соотвѣтствовавшихъ благодати своего званія, не взирая на всѣ милости, какія сей неблагодарный народъ съ изобиліемъ получалъ отъ Бога отцевъ своихъ, не есть толкованіе произвольное или принужденное. *Виноградъ бо*, глаголетъ тотже Пророкъ, *Господа Саваоѳа, домъ Израилевъ есть, и человѣкъ Іудинъ, новый садъ возлюбленный: ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль.* (ст. 7.)

Въ слѣдующихъ стихахъ искупленіе чело-

вѣковъ изображено аллегоріею славной побѣды Іисусъ Христосъ представляется обагреннымъ кровію враговъ рода человѣческаго, кои суть діаволъ, смерть и грѣхъ; прообразованные Идумеянами, вѣчными врагами народа Божія.

Кто сей, пришедый отъ Едома, червлены ризы его отъ Восора, сей красенъ во утвари, зѣло съ крѣпостію? азъ глаголю правду, и судъ спасенія. Почто червлены ризы твоя, и одежды твоя яко отъ истоптанія точила? Исполненъ истоптанія, и отъ языкъ нѣсть мужа со мною; и попрахъ я яростію моею, и сотрохъ я яко персть, и сведохъ кровь ихъ въ землю, и вся ризы моя омочихъ. День бо воздаянія прiиде на нихъ, и лѣто избавленія присле. (Гл. 63. ст. 1.) и проч.

Въ словахъ новѣйшихъ проповѣдниковъ есть нѣсколько аллегорій, хорошо выдержанныхъ и красивыхъ.

„Тогда-то, сказалъ *Маскаронъ*, нечестивые „Салмонеи дерзаютъ подражать грому Божію, „и земною молніею отвѣчать молніи небесной.“

„Вспомните начало и послѣдствія сей войны, „которая, бывъ сперва токмо искра, нынѣ „всю Европу объемлетъ своимъ пламенемъ.“

„Добродѣтели сдѣлали его извѣстнымъ „обществу, и произрастили первый цвѣтъ „славы, который разлилъ свое благовоніе, пріятнѣйшее ѳиміама, на всѣ дни житія его.“

„На свѣтлое чело его не восходила никогда „и никакая изъ тѣхъ тучь, которыхъ при„чиною бываетъ досадованіе или недовѣр„чивость.“ (*Флешьеръ*)

Употребляя аллегорію, надобно держаться все одного подобія, и не перебѣгать съ борзостью отъ одного изображенія къ дру-

гому, ни начавши, на примѣръ, съ бури оканчивать пожаромъ. *Id in primis est custodiendum, ut quo ex genere coeperis translationis, hoc desinas. Multi enim cum initium a tempestate sumserunt, incendio aut ruina finiunt; quae est inconsequentia rerum faedissima.* (*Quintil. Lib. VIII. Cap.* 6.)

III. О Иперболѣ.

Ипербола есть фигура, въ которой ораторъ употребляетъ такія слова, кои взяты будучи литтерально, гораздо выше истины, но слушатели удобно приводятъ оныя въ точной ихъ смыслъ.

Ипербола есть одна изъ главныхъ пружинъ краснорѣчія; она производитъ то высокое волшебство, которое невольно влечетъ слушателя, обладаетъ его разсудкомъ, упояетъ его тѣми же страстями, какими упоенъ ораторъ. Но не есть ли это обманывать? Нѣтъ, отвѣтствуютъ *Цицеронъ* и *Квинтиліанъ: ораторы принуждены дѣлать увеличиванія, и сіе не есть предательствовать истину.* Такова природа человѣка, воображеніе любитъ выходить изъ своихъ границъ, и питаетъ въ каждомъ изъ насъ ту мечту, какую производитъ ораторъ. Философъ попадаетъ въ сіи невинныя сѣти, такъ какъ и самый непросвѣщенный слушатель; ибо минута удивленія не позволяетъ разбирать идей. Практическія истины должно разсматривать не по метафизической точности, но въ нравственномъ порядкѣ, котораго предѣлы не столь тѣсны. Истины Евангельскія должны проникать въ сокровенность совѣсти, и сколь бы глубокую бездну въ оной краснорѣчіе ни

представляло, страсти еще болѣе углубившіяся въ ней, оправдываютъ увеличиваніе. Сія фигура очень приличествуетъ Священному краснорѣчію; догматы другой жизни имѣютъ такую обширность, которая дѣлаетъ увеличеніе самою истинною. И какая нужда слушателю въ томъ, какъ сія истина показывается въ устахъ проповѣдника, естьли она, достигши его сердца, представляется только тѣмъ, чѣмъ она быть должна?

Мы за долгъ почли написать здѣсь сіи благоразумныя размышленія, дабы вывести изъ заблужденія тѣхъ, кои думаютъ, что важность Апостольскаго званія не позволяетъ употреблять иперболы.

Вотъ два примѣра оной! *Молинъеръ* съ пользою употребляетъ ее въ семъ мѣстѣ своея бесѣды о *немилосердомъ богачѣ*.

„И такъ трепещи ты, о которомъ говорятъ: это богачь; спроси самаго себя, спроси старшихъ изъ народа, послушай гласа его, поройся въ своихъ грамотахъ; покопайся въ основаніяхъ своего дома, подави свое злато и сребро, свои драгоцѣнныя одежды, подави свои великолѣпные снаряды, подави свои пышные уборы, чтобы тебѣ увидѣть, не потечетъ ли изъ нихъ кровь народа, кровь нащастныхъ и сирыхъ, и не выйдетъ ли изъ оныхъ только потъ твой и предковъ твоихъ."

Вторый примѣръ.

„Прячься, сколько хочешь, запирайся; удаляйся, безмолвствуй въ жилищѣ своемъ, убѣгай и въ пустыню на уединеніе; достанутъ тебя и тамъ глаза завистливаго, и

„увидятъ, что ты дѣлаешь. Имѣетъ у себя „завистливый нѣкоторыя зрительныя труб-„ки, въ кои онъ глядя, видитъ очень далеко.“
(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и праздничные дни.)

Есть много иперболъ въ Священномъ Писаніи. На примѣръ: *Изведу васъ въ землю кипящую млекомъ и медомъ*, то есть, въ землю плодоносную. Исх. гл. 3.

И въ книгѣ Бытія сказано: *Сотворю сѣмя твое яко песокъ земный.* (Гл. 13.)

Святый *Іоаннъ* на концѣ своего Евангелія говоритъ: *Суть же и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ.* (Гл. 21.)

Естьли ипербола слишкомъ сильна, то надобно приготовить къ ней слушателя, или умягчить ее, безъ чего онъ будетъ смѣяться или досадовать. Ежели какое нибудь иперболическое выраженіе не употребительно, то никогда не должно отваживаться на оное безъ предосторожности; сія предосторожность служитъ ему какъ бы паспортомъ, онъ выправляетъ мысль, и даетъ понимать оную въ надлежащемъ смыслѣ.

Таинства столь велики, вѣра столь священна, Богъ толико вознесенъ превыше насъ, что никогда не опасно дѣлать увеличиванія, говоря о сихъ великихъ предметахъ. Здѣсь великолѣпнѣйшія фигуры не достигаютъ существенности.

IV. О Перифразѣ.

Перифразъ или околичнословіе есть фигура, изъясняющая многими словами то,

что можно сказать немногими, а иногда однимъ словомъ.

Употребляютъ оную, 1-е для возвышенія обыкновенныхъ вещей.

„Уже оный орелъ, котораго дерзкое пареніе сперва устрашало наши области, направлялъ свой полетъ, чтобъ улетѣть въ горы „и сокрыть себя.“ (То есть, нѣмецкая армія.)

„Мѣдяные громы оные, отъ ада на истребленіе человѣковъ изобрѣтенные, со всѣхъ „гремѣли сторонъ.“ (то есть, пушки.)

(*Флешьеръ.*)

2. Для украшенія.

„Король, дабы оказать безсмертный знакъ „своего почтенія и любви къ сему великому „полководцу (*Тюренну*), далъ славному праху „его знаменитое мѣсто между сими земными „владыками, которые въ великолѣпіи своихъ „гробовъ сохраняютъ еще образъ великолѣпія „своихъ троновъ.“ (*Маскаронъ.*)

3. Для умягченія предложеній грубыхъ и непріятныхъ. (Смотри разные примѣры, приведенные въ главѣ о благопристойности ораторской.)

4. Наконецъ, чтобы съ большею пристойностію выражать нѣкоторыя матеріи, о коихъ ораторъ не можетъ говорить съ крайнею осторожностію, и которыя впрочемъ открывать онъ обязанъ.

Должно избѣгать перифразовъ, не представляющихъ ничего новаго, и не придающихъ никакой сторонней идеи; они только слабымъ дѣлаютъ слово. Должно также избѣгать перифразовъ темныхъ и весьма надутыхъ,

наконецъ, нѣтъ пользы и пріятности въ перифразѣ, положенномъ послѣ мысли живой, ясной, основательной и благородной. Умъ, пораженный мыслію, хорошо выраженною, не любитъ опять находить оную подъ другими не столь пріятными видами, ничего не представляющими ему новаго или занимательнаго.

ЧЛЕНЪ II. О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ.

Ораторъ, предполагающій то, чтобы поучать, нравиться и трогать, долженъ употреблять обороты, пристойные каждой изъ сихъ должности. И такъ есть фигуры, служащія къ доказательству, другія служатъ къ украшенію, а иныя къ возбужденію страстей. Разсмотримъ оныя подъ сими разными отношеніями.

О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ, СЛУЖАЩИХЪ КЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ.

I. О Сообщеніи.

Сообщеніе (Communicatio) есть такая фигура, чрезъ которую ораторъ, увѣренный въ своей справедливости, обращаетъ слово къ своимъ слушателямъ и какъ бы требуетъ у нимъ мнѣнія, и дѣлаетъ ихъ судіями самихъ себя.

Тако Господь вѣщаетъ Своему народу устами Пророка.

Людіе Мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ оскорбихъ васъ? или чимъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми. Зане изведохъ васъ отъ земли Египетскія, и изъ дому работы избавихъ васъ, и послахъ предъ вами Моисея, и Аарона, и Маріамъ. (Мих. гл. 6.)

Святый *Павелъ* употребляетъ сообщеніе съ шестой главѣ своего посланія къ Римлянамъ, гдѣ возвѣстивши имъ пользы благодати, и бѣдствія слѣдующія за грѣхомъ, убѣждаетъ ихъ сдѣлать сравненіе состоянія, въ какомъ они находились, живши во тьмѣ идолопоклонства, съ состояніемъ, въ которомъ поставило ихъ званіе къ вѣрѣ во Іисуса Хріста.

Кїй убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся? кончина бо онѣхъ, смерть. Нынѣ же свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же Богови, имате плодъ вашъ во святыню; кончину же, жизнь вѣчную. (Рим. гл. 6.)

Святый *Іоаннъ Златоустъ* въ одной своей бесѣдѣ употребляетъ сію фигуру для показанія, что чудесное утвержденіе Хрістіанской религіи доказываетъ истинность оныя.

„Естьли бы двѣнадцать человѣкъ, ни мало „не знающихъ искусства сражаться, и не „только безоружныхъ, но и слабыхъ и немощ„ныхъ напало на великую армію воиновъ, хо„рошо наученныхъ брани, и естьли бы они не „только не погибли, но и побѣдили бы сіе „множество одними голыми руками; сказали „ли бы вы, что сіе дѣйствіе, и сія побѣда „есть только человѣческое дѣло? и однакожъ „то, что сдѣлали Апостолы, несравненно „удивительнѣе и славнѣе. Скажите, не чудо „ли то, что невѣжда и рыбарь побѣдилъ „краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ и знатнѣй„шихъ философовъ, не бывши возпрепятство„ванъ ни своею нищетою, ни малымъ числомъ „сотоварищей, ни страхомъ опасностей, ни „обыкновеніями, дотолѣ господствовавшими,

„ни трудностію правилъ своего ученія, ни „умерщвленіемъ многихъ вѣрныхъ, ни множе„ствомъ и важностію ложныхъ учителей, „обманывавшихъ народъ; скажите, не есть ли „это чудо паче непонятное, нежели когдабъ „одинъ человѣкъ безоружный не могъ быть „уязвленъ среди великаго числа вооружен„ныхъ?“

Удивительное дѣйствіе, какое можетъ производить сія фигура, еще ощутительнѣе въ слѣдующемъ примѣрѣ. Все здѣсь поражаетъ, необходимо возбуждаетъ и влечетъ вниманіе тѣхъ, къ которымъ Ораторъ обращается.

„Что бы вы сказали, естьли бы здѣсь си„лою слова, мною проповѣдуемаго, одинъ изъ „нечестивыхъ, котораго вы не надѣетесь у„видѣть когда нибудь обратившимся, обра„тился въ присутствіи вашемъ, такъ что, „вдругъ отрекшись своего вольнодумства, гро„могласно объявилъ бы себя хрістіаниномъ, и „дѣйствительно началъ бы жить по хрісті„librски? Что бы вы сказали, естьли бы онъ, „бывши долгое время непреклоннымъ, вышелъ „теперь изъ сего храма съ сокрушеннымъ „сердцемъ, рѣшившись загладить свое нече„стіе святымъ покаяніемъ? Какое бы другое „чудо могло васъ болѣе тронуть? Но я вамъ „скажу: вотъ чудо, которое бы еще болѣе „васъ изумило, нежели тронуло, чудо, безчи„сленными опытами въ Хрістіанствѣ засвидѣ„тельствованное! Самое обыкновенное торже„ство нашей Вѣры было побѣждать умы ост„рые, умы твердые и упорные, приводить ихъ „къ пути Божію, дѣлать ихъ покорными и

„послушными, какъ дѣтей; такъ она начала „торжествовать, такъ и нынѣ, не взирая на „всѣ усилія тьмы, торжествуетъ, что мы „всегда видимъ изъ ясныхъ примѣровъ.“

(*Бурдалу.*)

II. О Отвѣтствованіи.

Отвѣтствованіе (Subjectio) есть фигура; которою ораторъ вопрошаетъ самаго себя, или вопрошаетъ слушателя, и беретъ на себя должность отвѣтствовать.

Нѣтъ ничего искуснѣе сего образа умствованія. Ораторъ, употребляющій оной, тѣснитъ противника, разрушаетъ его сомнѣнія, преслѣдуетъ его во всѣхъ околичностяхъ, и принуждаетъ покориться; что можно видѣть въ слѣдующемъ примѣрѣ.

„Для чего нечестивый полагаетъ, что изъ „сихъ двухъ склонностей та, которая вле„четъ насъ къ чувственности, сообразнѣе съ „природою человѣка? потому ли, что она „весьма насильственна? Но одно ея насиліе до„казываетъ ея превратность; что происхо„дитъ отъ природы, то должно быть умѣрен„нѣе. Потому ли, что она всегда весьма „могущественна? Но есть такія праведныя и „вѣрныя души, въ которыхъ она всегда поко„рена разуму. Потому ли, что она весьма „пріятна? Но вотъ доказательство, что сіе „удовольствіе не способствуетъ щастію чело„вѣка!—За нимъ вдругъ послѣдуетъ омерзѣ„ніе, и сверхъ того для честнаго человѣка „добродѣтель имѣетъ въ тысячу разъ боль„ше пріятностей, нежели порокъ. Потому ли

„наконецъ, что она достойнѣе человѣка? Вы не „дерзнете сказать сего; ибо симъ-то человѣкъ равняется со скотомъ."

Кромѣ сей пользы, отвѣтствованіе имѣетъ еще ту, что оно производитъ въ словѣ много жару и разнообразія. Родъ разговора, какой оно вводитъ, занимаетъ слушателя, и поддерживаетъ его вниманіе. *Флешьеръ* употребляетъ оное въ разныхъ случаяхъ съ великимъ успѣхомъ. На примѣръ, въ надгробномъ словѣ первому президенту *Ламоаньїону*, онъ такъ изъясняется.

„Какими, думаете вы, путями сей знаменитый мужъ достигъ столь важной цѣли? „Благосклонностію Двора? Онъ не имѣлъ отношенія къ нему, какъ только по своимъ дѣламъ или должностямъ. Случаемъ? Всѣ долгое „время разсуждали о семъ, и увѣрились, что „въ столь трудномъ дѣлѣ надлежитъ все приписать благоразумію, и ничего фортунѣ „Хитростію? Онъ былъ изъ числа людей, поступающихъ соотвѣтственно своей обязанности."

Съ такимъ же успѣхомъ употреблено и слѣдующее отвѣтствованіе въ одномъ нравоучительномъ словѣ.

„Извѣстно, что человѣкъ для благополучія „созданъ. Но чтожъ основаніемъ для храмины „благополучія сего положить можно? Богатство ли міра сего? Но оно само по себѣ прахъ „и пепелъ; и потому или скоро изчезаетъ „или отъ одного преходитъ къ другому, или „дѣлаетъ иногда человѣка невольникомъ. Веселости ли и забавы? Но сіи часто раждаютъ

„скуку и досаду. Чины ли и достоинства? „но сихъ безъ особливаго предлога и нѣтъ. „Чтожъ? Единая добродѣтель есть осно-„вательница благополучія нашего.“

(*Амвросій* М. Новгородскій.)

Святые Отцы часто въ своихъ сочиненіяхъ полагали сію фигуру, какъ наилучшее средство къ убѣжденію. Святый *Іеронимъ* употребилъ оную, чтобы вдохнуть одной особѣ любовь къ уединенію, и побудить ее къ великодушному перенесенію всѣхъ недостатковъ, соединенныхъ съ симъ родомъ жизни.

„Почто ты, друже, такъ размышляешь, „ты, который въ мірѣ могущественнѣе? Боишь-„ся ты нищеты? но Хрістосъ называетъ „нищихъ блаженными. Безпокойства устраша-„ютъ тебя? но ни одинъ ратникъ не полу-„чаетъ вѣнца безъ пота. Заботишься о пищѣ? „но вѣра не боится глада. Страшишься исте-„реть на голой землѣ изнуренные постомъ „члены? но Господь съ тобою опочиваетъ. „Ужасаетъ тебя нечистота грязной главы? „Хрістосъ есть твоя глава. Страшитъ тебя „чрезмѣрная обширность пустыни? но ты „мысленно обтекай райское жилище; неосно-„вателенъ ты, когда и съ міромъ хочешь ра-„доваться, и со Хрістомъ царствовать.“

Святый *Кипріанъ* объ оной же матеріи почти также разсуждаетъ.

„Тѣлу нашему нужный покой не мягкіе „пуховики, но хладъ и утѣшеніе Іисуса „Хріста. Изнеможенная трудами плоть ле-„житъ на землѣ; но лежать со Хрістомъ не „есть наказаніе. Грязными и безобразными

„кажутся члены безъ бани; но то внутри „духовно омывается, что снаружи плотски „обезображивается. Мало для нихъ хлѣба; но „не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ. Нѣтъ „для нихъ хладѣющихъ одѣянія; но кто во „Хріста облекся, тотъ и одѣяніемъ изоби-„луетъ, и чистотою сіяетъ.“

III. О Уступленіи.

Уступленіе есть фигура, которою Ораторъ по видимому соглашается на что нибудь, дабы потомъ извлечь изъ того пользу. Такъ Святый *Кипріанъ* употребляетъ оную относительно къ одной дѣвицѣ, надѣявшейся на свое богатство.

„Ты называешь себя богатою, и думаешь, „что ты должна пользоваться тѣмъ, чѣмъ „тебѣ Богъ владѣть опредѣлилъ; пользуйся, „употребляй, но на спасительное; употреб-„ляй, но на изящныя науки; употребляй, но „на то, что Богъ узаконилъ, что Господь „предписалъ. Докажи нищимъ, что ты бога-„та, дай почувствовать неимущимъ, что ты „имѣешь многое. Стяжанія твои отдай въ „лихву Богу, насыщай Хріста, умоляй Господа „прошеніями многихъ, да возможеши соблюсти „честь дѣвства, да сподобишися мзды на „небесехъ. Отдавай сокровища свои въ то „мѣсто, гдѣ никакой тать не копаетъ, куда „никакой коварный не вкрадывается. Собирай „богатство, но болѣе небесное, вѣчное, къ ко-„торому ни злоба мірская можетъ прико-„снуться, котораго ни тля истлитъ, ни

„градъ потребитъ, ни солнце сожжетъ, ни „дождь повредитъ.“

На священной каѳедрѣ часто употребляютъ Уступленіе. Хрістіанскій Ораторъ вмѣсто того, чтобъ заняться оспориваніемъ чего нибудь маловажнаго, допускаетъ оное, и выводитъ изъ того послѣдствіе, противное тому, какое слушатели хотѣли вывесть противъ него.

„Я согласенъ на то, что прегрѣшенія „твоего брата легки; чѣмъ они легче, тѣмъ „ты несправедливѣе, что выставляешь оныя; „чѣмъ большее онъ заслуживаетъ снисхожде-„ніе, тѣмъ злобнѣе ты примѣчаешь за нимъ, „и отъ взора твоего ничто не скрывается, „тѣмъ ты жесточае, и ничего извинить не „хочешь. Естьли бы согрѣшенія твоего ближ-„няго были важны, ты бы щадилъ его, ты „бы почиталъ его достойнымъ твоего сниз-„хожденія; благопристойность и Религія обя-„зывали бы тебя молчать. Ахъ! поелику онъ „имѣетъ только легкія слабости, для того „ты почитаешь его недостойнымъ твоего „уваженія; что должно вдохнуть въ тебя по-„чтеніе къ нему, то ожесточаетъ тебя, и „ты осуждаешь его. Не судія ли ты въ себѣ, „глаголетъ Апостолъ, помышленій злыхъ? и „не лукаво ли око твое, яко братъ твой „благъ есть?“

„Положимъ, говоритъ тотъ же Ораторъ „грѣшникамъ, отлкадывающимъ покаяніе, по-„ложимъ, что вамъ дано будетъ время, и слу-„житель Хрістовъ успѣетъ притти къ вамъ „и сказать, какъ нѣкогда Пророкъ сказалъ

„Царю Іудейскому: *устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты, и не будеши живъ*; но томленіе, „въ какомъ вы тогда будете, попуститъ ли „вамъ искать Іисуса Христа?“

Одно должно наблюдать въ употребленіи сея фигуры, то есть, ни на что не соглашаться такое, изъ чего противникъ можетъ извлечь пользу.

IV. О Предупрежденіи.

Сія фигура состоитъ въ томъ, что Ораторъ предупреждаетъ какое нибудь возраженіе, дѣлая оное самому себѣ, и отвѣтствуя.

„Вы мнѣ скажете, что независимо отъ „Религіи есть любовь къ добру, которую влі„яла въ насъ природа, и которой довольно, „чтобы по крайней мѣрѣ имѣть характеръ „честнаго человѣка въ свѣтѣ. Я знаю, Христіане, „что многіе такъ говорятъ, и что это благо„видный предлогъ, который весьма утончен„ное вольнодумство употребляетъ, дабы не „совсѣмъ потерять уваженіе между людьми. „Но это такій предлогъ, которымъ обманы„вались только простые, и котораго ложь „примѣтить легко. Ибо не изслѣдывая, какая „бы это была любовь къ добру, оставленная „на судъ доброй или худой совѣсти каждаго, „я вопрошаю васъ, Христіане, гдѣ бы въ мірѣ „нашлись такіе люди, которые бы пылали „горячею ревностію къ добру, естьли бы они „были увѣрены, что нѣтъ ни Бога, ни Рели„гіи. Много ли бы ихъ было? Сіе понятіе о „добрѣ, отдѣленное отъ познанія Бога, могло „ли бы сильно трогать гордаго, похотливаго,

„сребролюбиваго? и сіи мнимые честные люди „міра сего какъ бы употребляли оное? Естьли бы не было Религіи, и я не имѣлъ бы „предъ очами моими сего верьховнаго Существа, надъ мною владычествующаго и мною „управляющаго, то бы я почиталъ себя концемъ своимъ, и по превратности ума, которая впрочемъ была бы тогда для меня справедливостію, я бы все относилъ къ себѣ; моя „корысть, мое удовольствіе, моя слава были „бы моими божествами, и я бы мнилъ имѣть „право жертвовать имъ—всемъ. Почему же? „потому что я ничего превыше себя, ни внѣ „себя не видѣлъ бы лучше себя. И не такъ „ли живутъ безбожники, ни мало не вѣрящіе „бытію Бога? они нѣкоторымъ образомъ поставляютъ себя на мѣстѣ Бога, и живутъ „только себѣ; ибо не имѣютъ инаго Бога, „кромѣ самихъ себя. Скажитежъ мнѣ, можетъ „ли тутъ быть какая нибудь честность? „что можетъ побудить предубѣжденнаго симъ „правиломъ любить ближняго? какъ можно „ему почитать за добродѣтель послушаніе и „покорность, и повиноваться власти не изъ „принужденія, не по низости души?“

(*Бурдалу* въ словѣ о Религіи и честности.)

„Но мнѣ лучше, скажешь ты, быть ожесточеннымъ въ своемъ навыкѣ, и никогда не „дѣлать усилія оставить оной; то есть, „чтобы избѣгнуть оскорбленія святыни, ты „хочешь сдѣлаться нечестивымъ. Ахъ! безъ „сомнѣнія лучше жить грѣшникомъ, нежели „приступать къ причащенію Крови Іисуса „Христа съ презрѣніемъ. Но не имѣешь ли

„ты другаго средства избѣгнуть оскорбленія „святыни? не можешь ли ты, послѣ чисто-„сердечнаго покаянія, приступить достойно „къ олтарю?„ (*Массильіонъ* въ словѣ о причащеніи.)

„Но скажетъ кто, что склонности къ „худому въ человѣкѣ еще сильнѣе, нежели къ „доброму. Скажетъ кто сіе, да и сошлется на „Павла, который тоже почти говоритъ: *хо-„тѣти доброе прилежитъ ми, а еже содѣяти оное, „не обрѣтаю.* То есть: я чувствую въ себѣ же-„ланіе къ добру, но чтобъ исполнить оное, „столько силъ въ себѣ не ощущаю. На сіе я „имѣю сказать первое: надобно изыскать, от-„куду таковая слабость происходитъ. Ибо „никакъ не вѣроятно, чтобъ Творецъ насъ „такими слабыми создалъ, дабы мы не могли „дѣлать добро, преодолѣвая зло. Сія слабость „происходитъ отъ насъ. . . Внимай болѣе въ „превосходнѣйшую духа твоего часть, раз-„сматривай съ прилѣжаніемъ его преимуще-„ство и удовольствія добродѣтели, тотчасъ „почувствуешь въ себѣ благодатную перемѣну, „тотчасъ склонности къ худому окажутся „безсильными, и владычеству разума и совѣ-„сти покоренными.

„Но хотябы, второе, и подлинно склон-„ности ко злу столь въ человѣкѣ были силь-„ны, что онъ не могъ бы ихъ преодолѣть: „однако сіе можно сказать о человѣкѣ есте-„ственно *поврежденномъ*, и погруженномъ въ „своемъ растлѣніи. Но не можно сего сказать „о человѣкѣ *Христіанинѣ*, и проч.

(*Платонъ* М. Московскій.)

Ораторъ, имѣющій дарованіе, знаетъ какъ пользоваться сею фигурою. Онъ старается такъ представлять свои возраженія, чтобы слушатели не подозрѣвали его въ ослабленіи оныхъ, и сберегаетъ себѣ средства опровергнуть оныя. Сей родъ торжества усугубляетъ силы его, и подаетъ ему нѣкоторое благонадежіе, покоряющее умы.

V. *О Поправленіи.*

Поправленіе состоитъ въ томъ, что Ораторъ отмѣняетъ, ограничиваетъ или изъясняетъ предложенную мысль, которую слушатели могли бы взять въ худую сторону; а иногда употребляетъ сію фигуру для того, чтобы притвориться, будто онъ опустилъ что нибудь существенное, или по неосторожности выговорилъ что нибудь на удачу, хотя въ самой вещи онъ точно измѣрилъ свои мысли и выраженія, и сія мнимая ошибка есть хитрость, выдуманная для разнообразія въ словѣ, и для возбужденія вниманія слушателей.

Боссюэтъ употребляетъ оную въ семъ мѣстѣ своего надгробнаго слова Герцогинѣ Орлеанской.

„Нѣтъ, послѣ сего, что мы видимъ? Здра„віе есть только имя, жизнь сонъ, слава меч„та, пріятности и удовольствія опасное „увеселеніе. Все суетно въ насъ, исключая „искреннее признаніе въ суетности нашей, „которое мы дѣлаемъ предъ Богомъ... Но „истину ли я говорю? Человѣкъ, сотворенный „по образу Божію, ничто иное, какъ тѣнь? „существо, для котораго Іисусъ Христосъ

„сошелъ съ небесъ на землю, которое Онъ благоворилъ, не уничиживъ Себя, купить всею „Своею кровію, есть ничто? Признаемъ свою „погрѣшность... Не надобно позволять человѣку совершенно презирать себя, дабы онъ „не возмнилъ съ нечестивыми, что жизнь „наша есть игра, управляемая случаемъ, и не „проводилъ бы оную разпутно по своимъ „слѣпымъ желаніямъ.“

Массильйонъ весьма удачно помѣщаетъ сію фигуру въ одномъ своемъ словѣ, чтобы придать силу сказанному.

„Надобно положить, что служеніе міру „потоже стоитъ, чего служеніе Іисусу Христу. Станемъ сносить для Бога то, что мы „сносимъ для міра; труды одинаковы, а награды весьма различны. Но что я говорю, „братіе мои, труды одинаковы? Господь облегчаетъ иго носимое для Него, а иго мірское „есть тягостное, оно мертвитъ и удручаетъ. „Скорби креста соединены съ безчисленными „утѣхами, а скорби похоти награждаются „новыми скорбями: жертвы благодати успокоиваютъ сердце, жертвы же страстей раздираютъ оное: святое волненіе покаянія оставляетъ душу въ радости и мирѣ, а волненія порока возмущаютъ оную и пожираютъ: „тернія добродѣтели имѣютъ свою пріятность и врачевство, тернія же неправды оставляютъ въ совѣсти остріе и ѣдкій неумирающій червь; словомъ, горести Евангелія „дѣлаютъ щасливыми, а мірскія доселѣ ничего не произвели, кромѣ бѣдствій.“

Поелику употребленіе сея фигуры относится также къ *ораторской благопристойности*, то мы болѣе здѣсь не приведемъ примѣровъ на оную. Большая часть представленныхъ тамъ можетъ сюда принадлежать.

VI. *О Вычищеніи.*

Вычищеніе (Expolitio) бываетъ тогда, когда Ораторъ доказывая настоитъ на важныя и иногда слишкомъ высокія истины, чтобы сдѣлать оныя понятными и извѣстными слушателямъ. А иногда употребляетъ онъ сію фигуру для того, чтобы проникнуть нѣкоторымъ образомъ въ душу грѣшниковъ, узнать всѣ тайныя склонности ослѣпляющія ихъ, и тѣмъ ихъ принудить стыдиться оныхъ и исправиться.

„Положимъ, что состояніе ваше такое, „какъ вы по своему высокомѣрію воображаете, „говоритъ *Бурдалу*, посмотримъ только, что „въ ономъ есть или нужнаго для васъ, или из„лишняго. Излишнимъ же называю я все, что „вамъ, не говорю, совершенно безполезно, но „явно вредно; ибо, дабы ничего не увеличить, „беру изъ сего состоянія только то, что „служитъ пищею разпутству, неумѣренности, „беззаконію, и сего для меня довольно, чтобъ „найти въ ономъ излишнее. Называю излиш„нимъ то, что вы вседневно истощаете на „свои непотребства, на свои постыдныя удо„вольствія. Отрекитесь сего обожаемаго вами „идола, и будете имѣть излишнее. Я называю „излишнимъ то, что вы, міру работающія же„ны, иждиваете, скажемъ лучше, расточаете „на свои бездѣльные наряды, которые питаютъ

„вашу роскошь, и кои можетъ быть будутъ „нѣкогда виною вашего осужденія. Бросьте „часть сихъ суетностей, и будете имѣть из-„лишнее. Называю излишнимъ то, что вы не „боитесь потерять при игрѣ, которая васъ „уже не увеселяетъ, но васъ къ себѣ притяги-„ваетъ, разгорячаетъ, растроиваетъ, и особ-„ливо причиняетъ вамъ паденіе и погибель. „Пожертвуйте сею игрою, оставьте ее, и бу-„дете имѣть излишнее.“ (Въ словѣ о *милостынѣ*.)

Иногда Вычищеніе служитъ только къ открытію смысла, въ какомъ Ораторъ намѣренъ предложить свою мысль, какъ видно въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Когда хощу я предложить нѣкое разсуж-„деніе о неосужденіи, не разумѣю осужденіе „общее, которое бываетъ или по обыкновен-„нымъ законамъ, или по святымъ Церкви у-„ставамъ, которое тоже есть, что и на-„казаніе за преступленіе. Сіе осужденіе не „токмо не предосудительно, но и полезно; ибо „оно основано на благоразуміи и уставахъ, по-„ложенныхъ самимъ правосуднымъ Существомъ. „Въ силу чего, ежели оно не будетъ довольно „послужить ко исправленію и къ оправданію „осуждаемаго, то по малой мѣрѣ или пресѣ-„кается тѣмъ безобразіе поступокъ, или дѣ-„лается удовлетвореніе утѣсненнымъ , или „преграждается путь ко претыканію и соблаз-„намъ, или наконецъ подается случай инымъ „ко исправленію, другимъ же къ предохране-„нію себя отъ таковыхъ и подобныхъ осужде-„ніе заслуживающихъ дѣйствій. О таковомъ „осужденіи я не говорю, разумѣю же осужденіе

„часпное, которое бываетъ ни по устава-
„вамъ, ни по долгу, которое имѣетъ основа-
„ніемъ дерзость, безразсудокъ, злобу и безче-
„ловѣчіе, яко не живыхъ токмо касающееся,
„но и преставльшихся, о которыхъ самые
„язычники разсудили: или всегда говорить
„хорошее, или ничего.‘‘

(*Амвросій* М. Новгородскій.)

VII. О Прехожденіи.

Прехожденіе (Praeteritio) есть фигура, которою Ораторъ притворяется, будто онъ проходитъ молчаніемъ, или по крайней мѣрѣ слегка касается какихъ нибудь дѣйствій либо обстоятельствъ, на которыя однако онъ настоитъ. Въ семъ—то состоитъ искуство сея фигуры.

Массильйонъ, доказавши, что злословія называемыя легкими, законопреступны по своимъ побудительнымъ причинамъ, присовокупляетъ, что они не менѣе предосудительны по своимъ обстоятельствамъ, и начинаетъ доказывать это слѣдующимъ образомъ:

„Я бы могъ показать вамъ, что міръ при-
„лѣпившійся ко грѣху, міръ видящій злѣйшіе
„пороки, содѣлавшіеся пороками общими, уже
„почти не трогается оными, называетъ лег-
„кими тѣ злословія, которыя касаются слабо-
„стей самыхъ грѣховныхъ и постыдныхъ: по-
„дозрѣвать кого нибудь въ невѣрности въ свя-
„щенномъ союзѣ супружества, не есть подлин-
„ное руганіе и существенное поношеніе, это
„издѣвки и шутки; и обвинять придворнаго въ
„вѣроломствѣ и криводушіи, не есть нападать

„на честь его, это значитъ поднимать на „смѣхъ увѣренія въ искренности, которыми „онъ забавляетъ насъ; дѣлать подозритель„нымъ въ лицемѣріи самое чистосердечное бла„гочестіе, не есть оскорблять Бога въ Свя„тыхъ Его, это насмѣшки, сдѣлавшіяся отъ „употребленія общими: однимъ словомъ, кромѣ „пороковъ наказываемыхъ гражданскою вла„стію, и навлекающихъ намъ либо немилость „Государя, либо потерю имѣнія и чиновъ, всѣ „другіе кажутся легкими, и становятся обык„новенною матеріею публичныхъ разговоровъ „и пересужденій. Но не распространимъ болѣе „сего размышленія, и проч.“

Въ надгробныхъ словахъ *Флешьера* есть два примѣра сея фигуры, достойные примѣчанія.

„Не ожидайте, слушатели, чтобъ я пред„ставилъ здѣсь плачевное явленіе, чтобъ из„образилъ онаго великаго мужа распростерта „на собственныхъ своихъ трофеяхъ, чтобъ „открылъ я то блѣдное и окровавленное тѣло, „подлѣ котораго дымится еще поразившая его „молнія, чтобъ въ крови его, яко въ Авелевой, „возбудилъ я вопль, и обратилъ взоры ваши „на горестныя изображенія рыдающей Вѣры „съ Отечествомъ.“

(Въ надгробномъ словѣ *Тюренну*.)

„Я бы могъ вамъ представить ее въ сихъ „печальныхъ жилищахъ, гдѣ скрываются бѣд„ность и нищета, гдѣ видны многіе образы „смертей и различныхъ болѣзней, пріемлющую „воздыханія однихъ, поощряющую другихъ къ „терпѣнію, оставляющую всѣмъ обильные

„плоды своего благочестія; могъ бы я вамъ о-
„писать ее въ сихъ мрачныхъ и удаленныхъ
„мѣстахъ, гдѣ стыдъ скрываетъ много немощей
„и нуждъ, изливающую тайныя благословенія
„на отчаянныя семейства, которыя она по
„благочестивому любопытству узнавала для
„утѣшенія ихъ; могъ бы я изобразить вамъ ту
„ревность, съ какою она побуждала самыхъ
„хладнокровныхъ людей къ спомоществованію
„ближнему во время общихъ бѣдствій, и воз-
„жигала любовь въ томъ вѣкѣ, въ которомъ
„она не только охладѣла, но почти и погасла.
„Это бы было матеріею панегирика другой
„особѣ, но для нея это самая малая похвала."

(Въ надгр. словѣ Г. *Эгильіонъ*.)

Исчисленіе частей, о которомъ мы говорили въ главѣ о реторическихъ мѣстахъ, есть весьма важная фигура доказательства. Тамъ можно видѣть опредѣленіе и примѣры оной.

VIII. О Напряженіи.

Напряженіе (Congeries) состоитъ въ томъ, что Ораторъ вмѣсто простой идеи полагаетъ скорое исчисленіе либо различныхъ свойствъ отличающихъ оную, либо частей составляющихъ ее, либо дѣйствій проиводимыхъ ею, и проч.

Сія фигура есть одна изъ тѣхъ, которыя имѣютъ наибольшее дѣйствіе въ краснорѣчіи и стихотворствѣ: подробность, въ которую она входитъ, есть какъ бы великій свѣтъ, осіявающій самыя мрачныя вещи; быстрота, какую она вводитъ въ израженіе, разливаетъ въ ономъ и жаръ сообщаемый слушателямъ;

тонъ благонадежія, раждающійся отъ сея быстроты, и отъ того, что Ораторъ кажется стѣсняемымъ и уносимымъ обильностію набираемыхъ матерій, производитъ увѣреніе въ душахъ, не могущихъ противустоять потоку. Естьли *Напряженіе* продполагаетъ только изобразить, не хотя дѣлать никакихъ убѣжденій, то кисть его имѣетъ такую силу, которая по видимому придаетъ предметамъ величество, живость, высокость.

Какъ *Абнеръ* открылъ Первосвященнику *Іодаю*, что онъ унываетъ, думая, что Богъ оставилъ Свой народъ, и уже не творитъ чудесъ въ его пользу, то *Іодай* дѣлаетъ ему важный отвѣтъ *Напряженіемъ*, представляя новыя дѣйствія всемогущества Божія.

„Какое время было столь обильно чуде-„сами? когда Богъ множайшими дѣлами явилъ „Свое могущество? Неблагодарный народъ, для „того ли ты имѣешь очи, чтобъ не видѣть! „Какъ, величайшія чудеса всегда поражать „будутъ одинъ твой слухъ, не трогая сердца! „Надобно ли, Абнеръ, напомянуть тебѣ тече-„ніе славныхъ знаменій, совершившихся въ „наше время? ужасныя паденія тиранновъ Из-„раиля, и вѣрность Бога въ исполненіи всѣхъ „своихъ угрозъ? нечестиваго *Ахива* низпровер-„женнаго, и его кровію обагренное поле, кото-„рое онъ убивствомъ неправедно присвоилъ, „близъ сего роковаго поля умерщвленную ца-„рицу *Іезавель* ногами конскими растоптан-„ную, псовъ утолившихъ свою жажду варвар-„скою ея кровію, и разтерзанные члены безо-„бразнаго ея тѣла? Посрамленныхъ лживыхъ

„пророковъ, и огнь сшедшій съ неба на жер-
„твенникъ? *Илію* повелѣвающаго стихіямъ, не-
„беса имъ заключившіяся и сдѣлавшіяся мѣдя-
„ными, и землю бывшую три лѣта безъ дож-
„дя и росы? мертвыхъ востающихъ на гласъ
„*Елиссея?* Признай, Абнеръ, по симъ яснымъ
„чертамъ Бога такимъ нынѣ, какимъ Онъ былъ
„во всѣ времена. Онъ можетъ, когда Ему угод-
„но, открывать Свою славу, и всегда памя-
„туетъ Свой народъ.“ (Гоѳол. дѣйст. 1, явлен. 1.)

Флешьеръ въ надгробномъ словѣ *Тюренну* опредѣляетъ мужество, представляя свойства онаго.

„Не разумѣйте, слушатели, подъ симъ на-
„званіемъ напрасную, неосторожную, стреми-
„тельную смѣлость, ищущую опасности, под-
„вергающуюся оной безполезно, и не имѣющую
„иныя цѣли, кромѣ славы и суетныхъ похвалъ
„людскихъ. Я говорю о мудрой и благонаправ-
„ленной смѣлости, о такой, которая при
„встрѣчѣ съ непріятелями воспламеняется,
„которая и въ самой крайности на все успѣ-
„ваетъ принять нужныя мѣры, и пользуется
„всѣми своими выгодами, соразмѣряяся однако-
„жъ своимъ силамъ; предпріемлетъ дѣла труд-
„ныя, но не покушается на невозможныя; ни-
„чего того не оставляетъ на случай, что си-
„лою искуства въ дѣйство произведено быть
„можетъ, которая наконецъ на все можетъ
„дерзнуть безъ совѣта, когда онъ безполезенъ,
„и готова умереть при побѣдѣ, или пережить
„нещастіе свое, исполняя свои обязанности.“

Есть въ книгѣ, подъ названіемъ: *Увѣщаніе Французскаго Духовенства*, изданной въ 1770 году,

прекрасный примѣръ, въ которомъ истина Откровенія неоспоримо утверждена многими доказательствами, а это есть *Напряженіе.*

„Истина Откровенія, кажется, являетъ „себя всѣмъ чувствамъ человѣка и всѣмъ спо-„собностямъ его души. Чрезвычайныя и чуде-„сныя дѣйствія, предреченія, оправданныя со-„бытіемъ, исполнившіяся обѣтованія Ветхаго „Завѣта, Божественный характеръ Мессіи, по-„колебаніе природы въ часъ его смерти, несо-„мнительныя свидѣтельства о Его воскресе-„ніи, избраніе Апостоловъ, славное обращеніе „вселенныя, ожесточенное невѣріе Іудеевъ, не-„поколебимое постоянство мучениковъ, высо-„кая связь ученія, превосходство правилъ, „присносущность законоположенія; нѣтъ та-„кихъ доказательствъ, которыхъ бы Религія „не обращала въ свою пользу, нѣтъ такого „ума, который бы не могъ чувствовать хотя „одного изъ оныхъ; всѣ они непреоборимы „сами по себѣ, всѣ взаимно одно другое под-„крѣпляютъ, и толика сила ихъ, что не льзя „противиться оной, не вводя пирронизма, и „не разрушая всякаго начала истинности; и „кода это одно неоспоримо, когда человѣкъ „увѣренъ, что Богъ глаголалъ, то чего еще „желать ему остается?“

О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ, СЛУЖАЩИХЪ КЪ УКРАШЕНІЮ СЛОВА.

I. О Описаніи.

Описаніе (Descriptio) есть изъ числа прекраснѣйшихъ фигуръ, какія краснорѣчіе употреблять можетъ. Оно повѣствуетъ

съ толикимъ жаромъ, изображаетъ столь живыми красками, представляетъ картины столь натуральныя, что всякой мнитъ себя не слушающимъ Оратора, ни читающимъ сочиненіе, но видящимъ предметъ, представленный въ самой вещи. Здѣсь-то различаютъ краснорѣчиваго и чувствительнаго писателя отъ обыкновеннаго автора; обыкновенный умѣетъ только говорить о вещахъ, а великій описываетъ оныя. *Расинъ*, *Боссюэтъ*, *Флешьеръ*, *Мильтонъ*, даютъ видѣть всѣ предметы; малѣйшія подробности ихъ всегда почти суть картины.

Есть разные роды описаній: Просопографія, Топографія, Демонстрація, Иѳопія и Ипотипозъ. Одни относятся къ дѣйствіямъ и поступкамъ, другіе къ мѣсту и времени, иные наконецъ къ лицамъ, которыхъ характеръ изобразить Ораторъ хочетъ. Мы здѣсь скажемъ только о Демонстраціи, Иѳопіи и Ипотипозѣ.

О Демонстраціи.

Демонстрація есть показаніе какого нибудь особеннаго дѣйствія, извѣщеніе о какомъ нибудь происшествіи, изображеніе бури, сраженія, картина нравовъ и обыкновеній какого нибудь вѣка и проч. Ораторъ долженъ представлять сіи разные предметы занимательнымъ образомъ; стиль его долженъ быть скоръ и выше, нежели въ простомъ повѣствованіи. Вотъ разные примѣры на это.

Не льзя лучше представить нещастій идолопоклонства, какъ изображеніемъ того пагубнаго состоянія, въ какомъ люди находились, прежде нежели они получили познані

истиннаго Бога. Такъ дѣлаетъ *Массильіонъ* въ слѣдующемъ мѣстѣ своего слова на Рождество Христово. Всѣ черты сея картины поразительны и одушевлены.

„Какихъ непотребствъ идолопоклонство „не ввело въ свое нечестивое богослуженіе? „Смерть любимой особы тотчасъ дѣлала оную „божествомъ, и презрѣнный прахъ ея, на ко„торомъ неизгладимыми чертами написано „было ея ничтожество, становился титломъ „ея славы и безсмертія; супружеская любовь „сдѣлала себѣ боговъ, любовь порочная восхо„тѣла подражать ей, и имѣть свои жертвен„ники; жена и наложница, мужъ и беззаконный „наложникъ возимѣли храмы, жрецовъ и жер„твы. Всеобщее буйство или поврежденіе при„няло сіе столь странное и мерзостное бого„служеніе, и вся вселенная заразились онымъ; „важность государственныхъ законовъ утвер„дила оное; великолѣпіе храмовъ, пышность „жертвоприношеній, безмѣрное богатство ку„мировъ содѣлали сіе безуміе почтеннымъ; ка„ждый народъ захотѣлъ имѣть своихъ боговъ; „не имѣя человѣка, онъ принесъ куреніе ско„ту; гнусныя чествованія сдѣлались служені„емъ гнуснымъ божествамъ; грады, горы, пу„стыни осквернились оными, и увидѣли огром„ныя зданія, посвященныя гордости, сладо„страстію, мщенію; множество боговъ равно „стало множеству страстей; число ихъ „столько же почти увеличилось, сколько было „людей; все сдѣлалось богомъ для человѣка, и „единаго истиннаго Бога человѣкъ не по„зналъ.“

Описаніе отшествія *Лудовика* девятаго въ святую землю, сочиненное Аббатомъ *Сеги*, хотя другаго рода, но не менѣе важно.

„Онъ отправляется сопровождаемый пла-„чемъ и благословленіями своего народа. Уже „стонутъ воды подъ тяжестію его могуще-„ственнаго флота; уже представляются очамъ „его берега Африки, уже безчисленныя войска „Сраціновъ стали въ боевой порядокъ... Онъ „быстро устремляется въ волны съ своею „арміею, ободряемою его примѣромъ, не взирая „на ужасные крики яростнаго непріятеля, на „возвышающіеся валы и градъ метаемыхъ, „покрывающихъ его копьевъ; онъ яко испо-„линъ приближается туда, куда призываетъ „его побѣда... И покрытый невидимымъ щи-„томъ Бога, держащаго въ десницѣ Своей жизнь „и смерть, поражая крѣпкою мышцею на обѣ-„ихъ сторонахъ, удаляя отъ себя смерть и „отсылая ее ко врагу, онъ видитъ еще са-„маго себя въ каждомъ своемъ воинѣ."

Къ важности Демонстраціи весьма ощутительно способствуютъ употребленіе подражательныхъ тоновъ, то есть, такихъ словъ и выраженій, которыя своею нѣжностію или жестокостію, своею медленностію или скоростію представляютъ самую картину, и подражательное изображеніе того предмета, какой хочешь описать; сіе можно замѣтить въ слѣдующемъ прекрасномъ мѣстѣ надгробнаго слова *Тюренну*, говореннаго *Флешьеромъ*.

„Сей мужъ, защититель градовъ Іудей-„скихъ, укрощавшій гордыню дѣтей *Аммоно-„выхъ* и *Исавовыхъ*, и по сожженіи кумиръ

„народовъ чуждыхъ на собственныхъ ихъ олта-
„ряхъ, возвращавшійся отягченный добычею
„Самарійскою, сей мужъ, коего Богъ поста-
„вилъ окрестъ Израиля яко стѣну крѣпкую,
„о нея же всѣ силы Азійскія многократно
„сокрушалися, и который, поразивъ много-
„численныя воинства, низложивъ намѣренія
„искуснѣйшихъ и славнѣйшихъ полководцевъ
„царей Сирскихъ, ежегодно приходилъ, подоб-
„но послѣднему Израильтянину, исправлять
„побѣдоносными своими руками развалины
„жертвенника, и за услуги отечеству не же-
„лалъ инаго воздаянія, кромѣ чести служенія
„ему, сей храбрый мужъ, гоня наконецъ съ
„непобѣдимымъ мужествомъ непріятелей, въ
„постыдное бѣгство имъ обращенныхъ, полу-
„чилъ смертельный ударъ, и якобы въ тор-
„жествѣ своемъ погребенъ былъ. При первомъ
„слухѣ о семъ бѣдственномъ приключеніи, по-
„двиглися всѣ грады Іудейскіе, токи слезъ по-
„лились изъ очей всѣхъ ихъ жителей. Нѣсколь-
„ко времени были они объяты ужасомъ, без-
„молвны, неподвижны. Наконецъ, когда усиліе
„скорби нарушило сіе унывное молчаніе, возо-
„пили они гласомъ прерывавшимся отъ ры-
„даній въ сердцахъ ихъ, печалію, жалостію,
„страхомъ волнуемыхъ: *Како паде сильный спа-*
„*саяй Израиля?* При семъ воплѣ Іерусалимъ
„усугубилъ плачь свой, потряслися своды
„храма, Іорданъ возмутился, и по всѣмъ бре-
„гамъ его раздался звукъ оныхъ плачевныхъ
„изреченій: *Како паде сильный спасаяй Израиля?*"

Есть въ древнихъ и новѣйшихъ стихо-
творцахъ примѣры описаній, которые можно

бы было представить здѣсь какъ образцы въ семъ родѣ, естьли бы свойство и краткость сего сочиненія то позволяли. Святые Отцы употребляли также съ успѣхомъ сію фигуру въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ. *Іеронимъ*, на примѣръ, въ одномъ письмѣ къ *Марцеллѣ*, Римлянынѣ, которую онъ побуждаетъ оставить Римъ и придти къ нему въ Виѳлеемъ. пріятно описываетъ красоту сего мѣста и родъ своей жизни.

„И такъ, поелику мы уже много поприщъ „жизни преплыли по волнамъ, и корабль нашъ „то силою бурь, то нашествіемъ на мѣли по„вреждаемъ бываетъ; мы, какъ въ нѣкоторую „пристань, входимъ во внутренность деревни, „когда можно. Тамъ простый хлѣбъ, овощь, ру„ками нашими поливаемый и молоко, удоволь„ствія деревенскія, хотя маловажныя, но не„винныя, составляютъ нашу пищу. Такъ насъ „живущихъ ни сонъ отвлекаетъ отъ молит„вы, ни сытость отъ чтенія. Лѣтомъ, тѣни „деревъ доставляютъ уединеніе; осенью, самое „благораствореніе воздуха и разостланныя по „землѣ листья даютъ мѣсто покоя; весною „поле украшается цвѣтами, и вездѣ раздается „сладостнѣйшее пѣніе птицъ. Когда случает„ся морозъ, и падаютъ снѣги, дровъ не по„купаю, въ теплотѣ и бодрствую и сплю, ни„когда не зябну. Не завидуемъ мы шуму Рима, „звуку его оружій, неистовству зрѣлищъ и „пышности театровъ; и у насъ Сенатъ доб„родѣтельныхъ женъ ежедневно посѣщается. „Намъ прилѣплятися благо есть, и проч.“

Тотъ же Святый Отецъ въ другомъ письмѣ дѣлаетъ красноречивое изображенie борьбы, какую онъ имѣлъ съ своими страстями въ пустынѣ.

О Иѳопiи.

Иѳопiя есть изображенie характера какого нибудь человѣка, съ тѣмъ, чтобы слушатели легко узнавали его по тѣмъ примѣтамъ, по какимъ Ораторъ его описываетъ.

Сiя фигура требуетъ великаго искусства и осторожности. Во первыхъ, естьли картины, Ораторомъ изображаемыя, суть плодъ воображенiя, то онѣ всегда должны быть основаны на правдоподобiи; естьли взяты съ натуры, то должны имѣть основанiемъ истину: во вторыхъ, поелику сiи описанiя дѣлаются на щетъ другаго, то слушатель обыкновенно судитъ ихъ строго, и онъ не будетъ съ охотою слушать оныхъ, естьли удачная краткость тотчасъ не впечатлѣваетъ ихъ въ его памяти, естьли каждое прикосновенie кисти не дѣлаетъ великой черты, естьли судимый человѣкъ уже не знатенъ, ежели наконецъ Ораторъ не собираетъ множества идей въ весьма малое пространство.

Сiи изображенiя разныхъ родовъ. Въ однихъ Ораторъ не означаетъ никого въ особенности, но только соединяетъ въ одной картинѣ пороки, либо добродѣтели, относящiяся къ тому или другому характеру.

Святый *Кипрiанъ* весьма справедливо описываетъ безпокойный характеръ скупаго, всегда бѣднаго среди своихъ богатствъ.

„Воображаемые тобою богачи, провождающіе время въ непрестанныхъ плясаніяхъ, „и по вытѣсненіи нищихъ изъ сосѣдственныхъ округовъ, расширяющіе далѣе безпредѣльность своихъ селъ, обладающіе великимъ „множествомъ злата, сребра и денегъ, построившіе огромныя зданія, или въ землѣ закопавшіе кучи разныхъ вещей,—они и при „богатствѣ своемъ мучатся безпокойными „мыслями, сумнѣніями, страхомъ; боятся, „чтобы разбойникъ не разграбилъ имущества „ихъ, чтобы убійца не нанесъ имъ вреда, „чтобы враждебная зависть какого нибудь „сильнѣйшаго богача не вздумала безпокоить „ихъ клеветами и тяжбами. Не вкушаетъ „богачь пищи въ безстрашіи, не засыпаетъ „въ беззаботности. Воздыхаетъ онъ въ пиру, „пьетъ хотя драгоцѣннѣйшіе напитки, хотя „сухое его тѣло по яденіи спрятывается въ „самой мягкой постелѣ, но онъ не спитъ въ „своихъ пуховикахъ, и не понимаетъ бѣдный, „что благовидное наказаніе ему есть быть „привязану къ злату, быть обладаему паче „богатствомъ, нежели обладать. О мерзостная слѣпота ума, и безмѣрный мракъ несмысленной прихоти! Могъ бы онъ облегчить и „избавить себя отъ тягости, но нѣтъ! продолжаетъ прилѣпляться къ умножающемуся „имѣнію, не престаетъ упорно прилѣжать „мучительнымъ избыткамъ. Никакой не оказываетъ щедрости подчиненнымъ, ничего не „удѣляетъ убогимъ, и называетъ своими тѣ „деньги, которыя какъ чужія съ скорбію стережетъ запертыми. Не даетъ изъ оныхъ

„ничего ни друзьямъ, ни дѣтямъ, ни себѣ „самому. Владѣешь ими для того только, „чтобы другой владѣть не могъ.“ (1 Письмо къ Дон.)

Часто въ проповѣдяхъ встрѣчаются описанія сего рода. Они производятъ въ оныхъ хорошее дѣйствіе, когда начертываетъ ихъ вѣрная рука, и когда они имѣютъ натуральное отношеніе къ матеріи. Таково изображеніе ласкателя въ одномъ словѣ Г. *Лаффито*, Епископа Систеронскаго.

„Что есть ласкатель? Человѣкъ уклон„чивый и раболѣпный, который при каждомъ „твоемъ взорѣ рабски улыбается, на каждое „твое слово восклицаетъ изъ удивленія, каж„дое твое дѣйствіе выхваляетъ; человѣкъ „ловкій и вкрадчивый, который старается „узнать твои склонности, дабы имъ послѣ„довать, твои связи, дабы имъ пособство„вать, твои даже слабости, дабы имъ „льстить; человѣкъ хитрый и притворный, ко„торый тебя хвалитъ и обманываетъ, одоб„ряетъ предъ публикою, и осуждаетъ втай„нѣ, который наружно приверженъ къ твоей „слабости для того только, чтобы удобнѣе „привлечь тебя къ своей; человѣкъ иногда „ревнивый и завистливый, который по види„мому радуется твоему возвышенію, а въ серд„цѣ чувствуетъ мученіе отъ твоего благо„получія; человѣкъ часто неистовый, врагъ „скрытный, но неумягчимый, который мы„слитъ о твоей погибели, и скрываетъ свою „ненависть подъ величайшими хвалами, по„тому что всего опасается отъ твоей

„власти; человѣкъ всегда подлый и пресмыка-„ющійся, который всего ожидаетъ отъ своей „униженности, и чтобы прикрасить стыдъ „раболѣпства, называетъ свою непотребную „привычку дѣлать подлости, дарованіемъ и „искусствомъ.“

Когда Ораторъ намѣревается изобразить какого нибудь славнаго человѣка, котораго онъ именуетъ, то потребно, чтобъ истина, изящность и краткость водили его кистью, какъ видно въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ. Первой есть изображеніе *Кромвеля.*

„Нашелся человѣкъ, имѣющій невѣроятную „глубину ума, лицемѣръ претонкій, и искус-„ный политикъ, способный все предпринимать „и все скрывать, дѣятельный и неутомимый „какъ во время мира, такъ и во время войны; „человѣкъ, который ничего того не оставлялъ „щастію, что онъ могъ отнимать у него со-„вѣтомъ или предвидѣніемъ, но впрочемъ „столь бдительный и на все готовый, что „никогда не опускалъ тѣхъ случаевъ, какіе „оно ему подавало; наконецъ одинъ изъ тѣхъ „дерзкихъ и возмутительныхъ людей, кото-„рые, кажется, для того родились, чтобы „перемѣнить свѣтъ.“

(*Боссюэтъ* въ надгр. словѣ Англійской Королевѣ.)

Вторый есть изображеніе Кардинала *Реца,* игравшаго великую ролю въ междуусобныхъ войнахъ, бывшихъ во время малолѣтства Лудовика XIV-го. Сіе изображеніе, можетъ быть, лучше перваго.

„Но могу ли я забыть того человѣка, „котораго вездѣ нахожу въ описаніи нашихъ

„бѣдствій, который былъ столь вѣренъ частнымъ людямъ, и столь страшенъ государству, столь высокаго характера, что не льзя было его ни уважать, ни любить, ни даже ненавидѣть? Сего твердаго генія, который, предъ очами нашими потрясая вселенную, достигъ высокаго достоинства, и наконецъ восхотѣлъ оставить оное, какъ достоинство весьма дорого купленное? Столько-то познàлъ онъ свое заблужденіе, и суетность величія человѣческаго! Но между тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ пріобрѣсть то, что долженствовалъ нѣкогда презрѣть, все поколебалъ тайными и сильными пружинами, и когда всѣ сообщники его были повержены, онъ одинъ казался твердо стоящимъ, и еще угрожающимъ побѣдоносному наперснику своими печальными и неустрашимыми взорами."

(Въ надгр. словѣ Канцлеру *Теллъеру*.)

Сія послѣдняя черта возбудила бы зависть въ *Тацитѣ*, который бы не могъ съ большею силою представить ту неутолимую ненависть, какую Кардиналъ *Рецъ* обнаруживалъ всегда, даже и по уходѣ своемъ, противъ *Мазарина*, сидѣвшаго на ступеняхъ трона. И такъ *Боссюэтъ* нѣсколькими чертами могъ открывать великой характеръ съ остроуміемъ моралиста, съ пылкостію оратора и точностію историка.

О Ипотипозѣ.

Ипотипозъ есть описаніе вещей столь живое и поразительное, что всякой мнитъ себя болѣе видящимъ оныя, нежели слушающимъ

повѣствованіе объ нихъ. Удивительное дѣйствіе сея пышныя фигуры есть то, что она живостію своихъ изображеній оставляетъ въ душѣ впечатлѣнія страха, ужаса или удивленія. Есть примѣры оной у Стихотворцевъ, Ораторовъ, и нѣсколько въ Священномъ Писаніи, особливо въ книгахъ пророческихъ. Таково между прочими сіе мѣсто *Исаіи:*

Се имя Господне идетъ временемъ многимъ, горящая ярость Его; со славою слово устенъ Его, слово гнѣва лолно, и гнѣвъ ярости яко огнь поястъ: И духъ Его аки вода въ дебри влекущая, пріидетъ даже до выи, и раздѣлится, еже смутити языки о прельщеніи суетномъ, и поженетъ я прелесть тща, и возметъ я предъ лицемъ ихъ. (Гл. 30, ст. 27, 28.)

И слѣдующее мѣсто, гдѣ *Аввакумъ* представляетъ Господа водящимъ чадъ Израиля въ землю обѣтованную.

Богъ отъ юга пріидетъ, и Святый изъ горы приосѣненныя чащи. Покры небеса добродѣтель Его, и хваленія Его исполнь земля, И сіяніе Его яко свѣтъ будетъ: рози въ рукахъ Его, и положи любовь державну крѣпости своея. Предъ лицемъ Его предъидетъ слово, и изыдетъ на поле при ногу Его. Ста, и подвижеся земля; призрѣ, и растаяша языцы: стрыгшася горы нуждею, и растаяша холми вѣчніи, шествія вѣчная Его. (Гл. 3, ст. 3.)

Не льзя весьма принуждать Христіанскаго оратора подражать симъ великолѣпнымъ описаніямъ, соединяющимъ съ важностію мыслей скорость стиля. *Невилъ* дѣлаетъ то съ успѣхомъ, въ приступѣ своего слова о *всеобщемъ судѣ*, представляя приближающагося Іисуса

Хріста, несущимъ въ рукахъ огнь, имѣющій поясть землю.

„Небо потрясается, море бѣжитъ; вселен-„ная поколебавшись въ своихъ основаніяхъ „зыблется, угрожаетъ паденіемъ и погре-„бается подъ своими развалинами; изъ всего, „что было, остается только Богъ, человѣкъ „и служители небеснаго мщенія.“

И въ другомъ мѣстѣ:

„Гласъ Его (Іисуса Хріста) раздается „отъ востока къ западу, отъ полудня къ „сѣверу. Онъ призываетъ то, чего нѣтъ; все, „что было, слышитъ Его и отвѣщаетъ Ему. „Прахи толикихъ милліоновъ людей, сіи прахи, „смѣсившіеся, разсыпавшіеся на многія мѣста, „мгновенно оживотворяются, востаютъ изъ „нѣдръ земли; изъ глубокихъ безднъ моря из-„ходятъ языцы; одна минута соединяетъ то, „что разстояніемъ временъ раздѣлено было; „всѣ вѣки собираются въ одинъ день; всѣ на-„роды составляютъ одинъ народъ.“

Аббатъ *Пуллъ* употребляетъ Ипотипозъ съ великимъ искусствомъ въ одномъ мѣстѣ своего слова о *Милостынѣ*, для возбужденія въ слушателяхъ любви къ нищимъ. Всѣмъ извѣстно, что древніе представляли иногда судьямъ защищаемыхъ ими людей одѣтыми въ погребальное платье и съ распущенными волосами. Вѣроятно, что сія историческая черта подала идею сего мѣста, которое мы хотимъ привести здѣсь, и что Ораторъ весьма удачно примѣнилъ оную къ своей матеріи.

„Мы бы всего надѣялись отъ чувст-„вительности вашего сердца, естьли бы могли

„представить вашимъ очамъ крайнюю и подлинную нищету, едва прикрытую какимъ нибудь раздраннымъ и отвратительнымъ рубищемъ, сопровождаемую всѣми ужасами и нещастіями, какія она влачитъ за собою. Какого бы успѣха ожидали мы отъ своего проповѣданія, естьли бы намъ можно было вдругъ поставить среди сего собранія стыдящихся нищихъ, принужденныхъ въ семъ развращенномъ вѣкѣ скрывать свое убожество съ великимъ усиліемъ, какъ будто бы оно было порокъ или безчестіе? Нищихъ, презираемыхъ, естьли они извѣстны; погибающихъ, естьли они непознаваемы, сихъ печальныхъ наслѣдниковъ покаянія Адамова, носящихъ тяготу дневнаго вара; столь нужныхъ обществу, котораго они суть основанія, и однакожь всегда утѣсняемыхъ, безчеловѣчно разоряемыхъ, не знающихъ, куда имъ возносить свои жалобы; нищихъ, у которыхъ въ крайнихъ ихъ нуждахъ отнимаютъ даже малѣйшую часть земли, утучненной ихъ потомъ и трудами? Сіи бродящія привидѣнія, сіи остатки человѣчества, съ усиліемъ влачащіяся въ общенародныхъ мѣстахъ, и къ дверямъ нашихъ храмовъ, дабы своею внѣшностію представлять зрѣлище ужаса и вмѣстѣ сostраданія; и вокругъ сихъ нещастныхъ плачущія ихъ семейства, составляющія какъ бы нѣкоторый погребальный сонмъ, поражающія воздухъ своими рыданіями и воплями, утопающія въ слезахъ, припадающія къ колѣнамъ вашимъ, усильно умоляющія васъ о дарованіи жизни или свободы сыну, отцу,

„супругу и пропитанія себѣ. Вопрошаю васъ, „Христоименитые слушатели, какое бы же„стокое сердце могло снести сіе нечаянное „явленіе?“

Живость, какую Ипотипозъ придаетъ повѣствованію, весьма ощутительна въ слѣдующемъ примѣрѣ.

Іосабетъ въ трагедіи *Гоѳолія* разсказываетъ, какимъ образомъ она спасла *Іоаса* отъ убіенія.

„Увы! ужасное положеніе, въ которомъ „Небо представило его очамъ моимъ, каждую „минуту приходитъ мнѣ на мысль и устра„шаетъ мою душу. Чертогъ наполненъ былъ „убитыми Князьями: неукротимая *Гоѳолія*, „держа кинжалъ въ рукѣ, поощряла своихъ „безчеловѣчныхъ воиновъ къ кровопролитію, и „продолжала свои смертоубивства. *Іоасъ*, о„ставленный на смерть, вдругъ поразилъ мой „взоръ, я еще воображаю кормилицу его, ко„торая безъ памяти—тщетно повергалась къ „ногамъ тиранновъ, и ослабѣвши держала его „прижавъ къ своей груди. Я взяла его всего „обагреннаго кровію; слезы мои, омывая его „лице, возвратили ему чувствіе, и отъ страха „ли еще, или для лобызанія, онъ прижималъ „меня къ себѣ своими невинными руками.“

Сіи различные примѣры, безъ сомнѣнія, довольно показываютъ съ какимъ искуствомъ творческій умъ употребляетъ Ипотипозъ, чтобы придавать описанію больше жару и трогательности. Но самая живость сея фигуры, говоритъ *Квинтиліанъ*, требуетъ, чтобы Ораторъ употреблялъ оную осторожно. Душа

не можетъ долго сносить насилія тѣхъ движеній, какія она въ ней производитъ.

II. О Подобіи.

Сія фигура служитъ къ украшенію и ясности слова, но надобно употреблять ее кстати. Подобія не только должны быть вѣрны, благородны и величественны, но и представлять только извѣстные предметы.

Въ тихомъ повѣствованіи позволяется полагать оныя часто, открыто, и брать издалека. По мѣрѣ своего оживленія, оно требуетъ ихъ меньше, требуетъ кратчайшихъ и ближайшихъ. Въ повѣствованіи патетическомъ подобія должно показывать скорою чертою; и естьли какія нибудь ихъ нихъ встрѣчаются въ жару страсти, то однимъ словомъ надлежитъ оныя выражать.

Подобія, заимствуемыя изъ Священнаго Писанія, весьма приличны проповѣдямъ, не только потому, что они освящены благочестіемъ, но и потому, что въ нихъ почти всегда соединяется смѣлость съ простотою. Правда, что они не всѣ имѣютъ сіе преимущество, но для того вкусъ долженъ опредѣлять выборъ оныхъ. Вотъ нѣсколько ихъ, которыя по нашему мнѣнію могутъ служить образцами!

Давидъ сравниваетъ гнѣвъ Божій съ волнами, все поглощающими, Псал. 87, ст. 8, 18.

Исаія, предсказывая успѣхъ Евангелія проповѣданнаго по всей земли, употребляетъ слѣдующее сравненіе:

Якоже снидетъ дождь или снѣгъ съ небесе, и не возвратится, дондеже напоитъ землю, и родитъ, и прозябнетъ, и дастъ сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь: тако будетъ глаголъ Мой, иже аще изыдетъ изъ устъ моихъ, не возвратится ко Мнѣ тощь, дондеже совершитъ вся, елика восхотѣхъ, и поспѣшу пути твоя, и заповѣди моя. (Гл. 55, ст. 10, 11.)

И въ другомъ пророчествѣ, касающемся пришествія Мессіи.

Се Царь праведный воцарится, и Князи съ судомъ владѣти начнутъ. И будетъ человѣкъ сокрываяй словеса своя, и скрыется аки отъ воды носимыя, и явится въ Сіонѣ яко рѣка текущая славная въ земли жаждущей. (Гл. 32, ст. 1 и 2.)

Въ молитвѣ *Езекіи* много весьма вѣрныхъ подобій.

Остахъ отъ сродства моего, оставихъ прочее живота моего, изыде и отъиде отъ мене аки разрушаяй кущу поткнувый. Аки платно духъ мой во мнѣ бысть, ткательницѣ приближающейся отрѣзати. Въ той день преданъ быхъ до заутра аки льву, тако сокруши вся кости моя... Яко ластовица, тако возопію, и яко голубь, тако поучуся... (Исаіи гл. 38, ст. 12, 13 и 14.)

Руссо сдѣлалъ совершенное подражаніе сему мѣсту въ одной своей одѣ на ту же матерію.

„Твое дуновеніе восхищаетъ меня отъ „земли живыхъ; такъ засохшій, изпадшій изъ „своего стебля листъ становится игралищемъ „вѣтровъ.“

„Зло сокрушило мои кости, какъ неукро-„тимый тигръ, и неутолимая ярость его не „даетъ мнѣ покоя. Будучи въ семъ кровавомъ

„видѣ слабая и трепещущая жертва, воздыхаю „день и ночь, и въ моемъ смертельномъ „страхѣ подобенъ ласточицѣ, попавшейся въ „кохти ястреба.“ (Кн. 1, Ода х.)

„Богатство, говоритъ святый *Климентъ* „Александрійскій, подобно змiи, которую „мудрый обаятель можетъ взять за хвостъ, „и не быть угрызенъ ею; но кто не знаетъ „искусства очаровать ее, того она, согнув-„шись, смертельно уязвитъ.“

„Сонъ, говоритъ тотъ же Святый Отецъ, „есть алчный мытарь, принуждающій насъ „раздѣлять съ нимъ половину нашей жизни.“

„Безъ солнца, сказалъ онъ еще, ночь по-„крывала бы вселенную, хотя были бы другія „свѣтила; и естьли бы мы не были просвѣ-„щены словомъ Божіимъ, то бы ничѣмъ не раз-„личествовали отъ тѣхъ птицъ, которыхъ „откармливаютъ во тьмѣ для смерти.“

Сказали мы, что подобія, почерпаемыя изъ Священнаго Писанія, приличнѣе проповѣдямъ, нежели всѣ другія. *Массильйонъ* полагаетъ оныя въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ два примѣра!

Такъ начинаетъ онъ первую часть своего слова *о смерти грѣшника*, и проч.

„Пусть мы удаляемъ отъ себя образъ „смерти, но она каждый день приближается „къ намъ. Юность изчезаетъ, лѣта стреми-„тельно проходятъ, и мы подобны будучи, по „Писанію, водамъ текущимъ въ море, и не воз-„вращающимся къ своему источнику, быстро „увлекаемся въ бездну вѣчности, гдѣ погряз-„ши на вѣки, не приходимъ опять на пути „свои, не являемся паки на земли: *смертію*

„*умремъ и яко вода низходящая на землю, яже не* „*соберется.*

Боссюэтъ весьма благородно выразилъ ту же мысль въ надгробномъ словѣ *Генріэттѣ* Англійской, и сравненія его, кажется, почерпнуты изъ того же источника.

„Всѣ мы умремъ, сказала оная жена, кото„рой благоразуміе похваляется во второй „книгѣ Царствъ; мы непрестанно идемъ во „гробъ, какъ воды теряющіяся невозвратно. „Подлинно, всѣ мы подобны водамъ текущимъ. „Какимъ бы высокимъ отличіемъ ни напыща„лись люди, всѣ они имѣютъ одинакое на„чало, и сіе начало есть низкое: лѣта ихъ „идутъ одно за другимъ, какъ волна гонитъ „другую волну; они не престаютъ утекать, „и наконецъ сдѣлавши нѣсколько болѣе шуму и „преплывши далѣе, всѣ смѣшиваются въ одной „безднѣ, гдѣ уже не признаютъ ни князей, ни „царей, ни другихъ пышныхъ титуловъ, раз„дѣляющихъ человѣковъ, такъ какъ славныя „рѣки теряютъ свое имя и славу, смѣшавшись „въ Океанѣ съ рѣками неизвѣстнѣйшими.“

Невилъ въ одномъ мѣстѣ своего слова *о всеобщемъ судѣ*, приводитъ разныя подобія изъ Священнаго Писанія, для изображенія повсюднаго разрушенія природы, имѣющаго быть въ ту минуту, какъ Іисусъ Хрістосъ явится судить человѣковъ.

„Онъ говоритъ: звѣзды угасаютъ на твер„ди, солнце меркнетъ, вокругъ ихъ все низ„падаетъ; все мгновенно изчезаетъ, такъ какъ „волны быстраго потока стремительно низ„вергаются въ дебри. Онъ бѣжитъ съ шумомъ,

„вскорѣ не видно даже и слѣда его теченія:
„*Якоже потокъ оскудѣваяй, или якоже волны пре-*
„*идоша.* Небо вдругъ изчезаетъ, такъ какъ из-
„ображенія на полотнѣ скрываются отъ очей,
„когда искусная и легкая рука поспѣшно сви-
„ваетъ оное: *небо отлучися яко свитокъ свиваемо.*
„Земля трепещетъ, одно дуновеніе похищаетъ
„ее, и мѣсто, на которомъ она стояла вопро-
„шаетъ, была ли она? *Мѣсто не обрѣтеся имъ.*“

Аббатъ *Пуллъ* въ одномъ своемъ словѣ употребляетъ подобіе, котораго примѣненіе поразительно.

„Какъ только явится благочестивый мужъ
„въ семъ кругу людей, оживляемомъ весело-
„стію, злорѣчіемъ, клеветаніемъ и нечестіемъ;
„тотчасъ начатые разговоры прерываются,
„скромность заступаетъ мѣсто своевольства,
„усыпленныя совѣсти пробуждаются, сердца
„самыя ожесточенныя исполняются страха
„Христіанскаго, самые беззаконники становят-
„ся лицемѣрами; смущенный порокъ принуж-
„денъ уступить высокой власти добродѣте-
„ли осуждающей его, и всѣ взираютъ на раба
„Божія, какъ преступники на Судію, котораго
„присутствіе приводитъ ихъ въ трепетъ и
„ужасъ. Такъ Израильтяне по отшествіи *Мои-*
„*сея* неистовствуютъ роптаніями на своего
„вождя, они забываютъ Бога, Которому покла-
„нялись отцы ихъ, они требуютъ боговъ чу-
„ждыхъ, златой телецъ есть предметъ ихъ
„поклоненія, они совершаютъ торжество сво-
„ей невѣрности мятежными пѣснями и безум-
„нымъ плясаніемъ. *Моисей* является, вдругъ всѣ
„объемлются ужасомъ; въ смущенныхъ Евреяхъ

„произошло угрюмое молчаніе, они стыдятся „самихъ себя и своего идола, и сіи дерзостные „отступники, не убоявшіеся раздражить Все- „могущаго, не могутъ снести приближенія и „взоровъ служителя Его.“

Употребленіе подобій, кажется, пристойно стилю надгробнаго слова, который долженъ быть красивѣе и обработаннѣе стиля другихъ родовъ рѣчи; но потребно, чтобъ они были благородны и поразительны, и придавали большій блескъ повѣствованію Оратора. Таковы слѣдующія подобія:

„Какъ твердый и великій столпъ есть „незыблемая подпора ветхаго храма, и когда „сіе огромное зданіе поддерживаемое имъ па- „даетъ на него, онъ стоитъ неподвижно; такъ „Королева представляется твердою подпорою „Государства; такъ она носивши долгое время „тяжесть свою не подвиглась, не пала вмѣстѣ „съ оною.“

(*Боссюэтъ* въ надгр. словѣ Королевѣ Англійской.)

„Какъ орелъ,—летитъ ли онъ по простран- „ству воздуха, или садится на вершинѣ „горы, всегда на всѣ стороны бросаетъ столь „пронзительные взоры, и столь вѣрно низпу- „скается на свою добычу, что не льзя избѣг- „нуть когтей его: такъ живы были взоры, „такъ быстры и стремительны были напа- „денія, такъ сильны и неизбѣжны были руки „и Принца де Конде.“ (*Онъ же.*)

Окончимъ сей членъ двумя весьма изобразительными подобіями, которыми *Расинъ* укра- „силъ хоры трагедій, *Говолія* и *Эсвиръ*.

„Как тихій ручей повинуется рукѣ от-„водящей теченіе его въ другую сторону, и „попуская оной раздѣлять питательность „своихъ водъ, течетъ содѣлать всю ниву „плодоносною: такъ сердца Царей въ Твоей „десницѣ, Боже, верьховный властитель „человѣческой воли!“ (*Эсвирь* дѣйст. 11, явл. IX.)

„Как на неизвѣстной долинѣ между хол-„мами, при потокѣ чистой воды, въ безопа-„сности отъ сильнаго вѣтра, растетъ нѣжная „лилія, любовь природы; такъ онъ воспитанъ „въ удаленіи отъ міра, украшенъ отъ своего „рожденія всѣми дарами небесъ, нечестивый „не имѣетъ доступа къ нему, и не нару-„шаетъ его невинности.“

(*Гоѳол.* дѣйст. 11, явл. IX.)

Сочинитель разумѣетъ здѣсь младенчество *Іоаса.*

III. О Параллели.

Параллель есть сравненіе двухъ знаменитыхъ особъ, которыхъ добродѣтели и заслуги Ораторъ взвѣшиваетъ на вѣрныхъ вѣсахъ, чтобы дать слушателю ощутить по сходство, или тѣ противности, какія показываетъ сіе сношеніе.

Сія фигура, которую можно употреблять только въ панегирикахъ и надгробныхъ словахъ, требуетъ великаго дарованія въ Ораторѣ.

1. Погрѣшительно бы было—думать, что надобно представлять параллель со всѣми ея подробностями; надлежитъ разбирать только великія черты, и тѣ, которыя имѣютъ ближайшее соотношеніе.

2. Неискусства есть знакъ доводить параллель до той точки, гдѣ надлежитъ давать цѣну предмету, непривлекающему главнаго вниманія.

3. Для картинъ сего рода потребна кисть блистательная и черты легкія, но вѣрныя и такія, которыя хорошо бы изображали свойства тѣхъ особъ, коихъ Ораторъ описать намѣревается.

4. Наконецъ потребно, чтобы обстоятельства натурально производили параллель, дабы ходъ повѣствованія не былъ медленнѣе, и слушатель не отвращалъ вниманія.

Мы приведемъ малое число примѣровъ сея фигуры, отъ которой большая часть Ораторовъ упадаетъ, и которую самые славные Витіи не иначе употребляютъ, какъ съ осторожностію.

Массильйонъ въ одномъ надгробномъ словѣ удачно сравниваетъ Герцога *Монтозьера* съ *Боссюэтомъ*.

„Одинъ славится высокою и строгою доб„родѣтелію; правдою, казавшеюся выше на„шихъ нравовъ; честностію непоколебимою „при Дворѣ; Философъ безъ тщеславія; Хрістіа„нинъ безъ слабости; царедворецъ безъ стра„сти; судія хорошаго вкуса и благопристой„ности; врагъ лжи; другъ и покровитель за„слугъ; ревнитель славы отечества; обличи„тель повсюднаго своевольства; наконецъ, „одинъ изъ тѣхъ людей, которые кажутся „остатками древнихъ временъ, и которые „одни не нашего вѣка.

„Въ другомъ обширный и щасшливый ра-„зумъ, искренносшь, кошорою всегда ошлича-„юшся великія души и первые умы; украшеніе „Епископскаго сана! Французское Духовенсшво „хвалишься имъ будешъ во вся вѣки; Епископъ „среди царедворцевъ; мужъ украшенный всѣми „шаланшами и знаніями; учишель всѣхъ церк-„вей; ужасъ всѣхъ секшъ; ошецъ 17 вѣка; мужъ, „кошорому не доспавало шолько шого, чшобъ „родишься въ первенсшвующія времена, дабы „бышь свѣшиломъ Соборовъ, душею собирав-„шихся Ошцевъ, усшановишелемъ церковныхъ „правилъ, предсѣдашелемъ въ Никеи и Ефесѣ!"

Въ слѣдующемъ Боссюэшовомъ сравненіи *Тюренна* съ Принцомъ *Конде*, вѣрносшь мыслей соединена съ скоросшію и благородсшвомъ слога.

„Видны ли были когда нибудь въ двухъ „человѣкахъ однѣ добродѣшели съ хараклпе-„рами, не скажу, сшоль прошивными, но раз-„личными? Одинъ, кажешся, дѣйсшвуешъ по „глубокимъ размышленіямъ, а другой по вне-„запнымъ вдохновеніямъ: сей слѣдовашельно „живѣе, но пылкосшь его не имѣешъ излишной „сшремишельносши; шошъ холоднѣе, но безъ „всякой медленносши, смѣлѣе въ дѣлахъ, не-„жели въ словахъ, рѣшишеленъ и ошваженъ въ „духѣ, когда даже по наружносши онъ казал-„ся бышь въ замѣшашельсшвѣ. Одинъ, какъ „шолько является войскамъ, подаешъ высокую „идею о своемъ мужесшвѣ; и заставляешъ „ожидашь чего нибудь чрезвычайнаго; но од-„накожъ онъ идешъ по обыкновенному порядку.

„и шествуетъ какъ бы постепенно къ чуде-„самъ, оканчивающимъ его жизнь: другой, „какъ мужъ вдохновенный, на первой битвѣ „равняется съ совершеннѣйшими воинами. „Одинъ сильною и непрерывною дѣятельностію „удивляетъ міръ, и заграждаетъ уста зави-„сти: другой при первомъ дѣйствіи бросаетъ „столь яркій свѣтъ, что она не смѣетъ во-„стать на него. Одинъ наконецъ, глубиною „своего разума и невѣроятными способами „своего мужества возносится превыше вели-„чайшихъ опасностей, и даже всѣ превратно-„сти щастія умѣетъ обращать въ свою поль-„зу: другой и по преимуществу своей высо-„кой породы, и по великимъ мыслямъ, низпо-„сылаемымъ свыше, и по нѣкоему природному „побужденію, котораго тайны не познаютъ „люди, кажется рожденнымъ на то, чтобы „влачить за собою фортуну во всѣхъ своихъ „намѣреніяхъ, и нудить судьбы. И какъ мы „въ сихъ двухъ мужахъ всегда видѣли великіе, „но разные характеры, одинъ похищенъ у „насъ нечаяннымъ ударомъ, умираетъ за свое „отечество подобно *Маккавею:* воинство опла-„киваетъ его какъ своего отца, Дворъ и весь „народъ рыдаетъ; благочестіе его прославляет-„ся какъ и мужество, и память его не бу-„детъ истреблена временемъ: другой, достиг-„ши оружіемъ высочайшей славы какъ *Давидъ*, „умираетъ подобно ему на своемъ ложѣ, вѣ-„щая хвалы Богу и поученія своему семейству, „и оставляетъ всѣхъ сердца исполненными „уваженія къ славной своей жизни, и соболѣз-„нованія о своей смерти.“

Флешьеръ, въ надгробномъ словѣ *Тюренну*, сравниваетъ сего великаго полководца съ племянникомъ его, Кардиналомъ *Бульїономъ*.

„Какая была для него радость, когда онъ „самъ одолѣвалъ грады, а знаменитаго пле„мянника своего блистающаго добродѣтелями „паче, нежели багряницею, видѣлъ возстано„вляюща и примиряюща церкви, подъ управле„ніемъ Короля столь же благочестиваго, какъ „и могущественнаго! Одинъ распространялъ „успѣхи оружія, другой распространялъ вѣру; „одинъ сокрушалъ стѣны, другой возобновлялъ „жертвенники; одинъ опустошалъ земли Фили„стимскія, другой носилъ ковчегъ окрестъ „Израильскаго стана; потомъ, совокупя свои „молитвенныя желанія, такъ какъ сердца ихъ „соединены были, племянникъ участвовалъ въ „заслугахъ, которыя дядя оказывалъ государ„ству, а дядя участвовалъ въ тѣхъ, кото„рыя племянникъ приносилъ церкви.“

IV. О Противоположеніи.

Противоположеніе (Antitheton) есть такая фигура, которая противупоставляетъ слова словамъ, и мысли мыслямъ. Она чрезмѣрно привлекательна своимъ блескомъ и противностію своихъ членовъ, и тѣмъ прельщаетъ людей самыхъ строгихъ, и дѣлаетъ ихъ снисходительными.

Надобно полагать сію фигуру не часто, и даже весьма ограничивать употребленіе ея; ибо она ослѣпляетъ своимъ сильнымъ свѣтомъ, и производитъ въ словѣ такойже недостатокъ, какой кисть на полотнѣ, когда

предметы, слишкомъ будучи свѣтлы, препятствуютъ глазу остановиться на нихъ.

Особливо, Христіанскій Ораторъ долженъ употреблять ее рѣдко. Она означаетъ желаніе блистать, желаніе несогласное съ важностію его званія. Впрочемъ бываютъ случаи, когда пристойно употреблять оную, то есть, когда она служитъ къ показанію противорѣчія, находящаго между Евангельскими правилами и поведеніемъ большей части людей. Тогда она становится изобличеніемъ сильнымъ, весьма пристойнымъ въ устахъ служителя олтаря.

Массильйонъ употребляетъ противоположеніе въ одномъ мѣстѣ своего слова *о повиновеніи волѣ Божіей*, для показанія тѣхъ противностей, какія человѣкъ испытываетъ въ разныхъ состояніяхъ сея жизни.

„Второй источникъ нашихъ безпокойствъ „суть настоящія произшествія, и случающееся вседневно предъ нашими очами. Ничто и „никогда почти не дѣлается по нашимъ желаніямъ; что мы любимъ, то отъ насъ уходитъ; чего мы хотимъ, то бѣжитъ отъ насъ; „чего боимся, то встрѣчается съ нами; никогда мы не бываемъ щастливы во всемъ. „Естьли щастіе благопріятствуетъ намъ, то „не достаетъ намъ здоровья; естьли благоволеніе Государя возвышаетъ насъ, то зависть „придворнаго поноситъ насъ и унижаетъ; „естьли зависть щадитъ насъ, и мы можемъ „надѣяться на одобренія публики, то верьховный правитель насъ презираетъ. Въ какомъ „бы положеніи мы ни были, всегда не достаетъ

„чего нибудь къ нашему благополучію, и, что „горестнѣе для человѣка, одна печаль для него „превышаетъ тысящу удовольствій, и чего „ему не достаетъ, то сколь бы маловажно ни „было, всегда дѣлаетъ непріятнымъ то, чѣмъ „онъ обладаетъ.:“

Флешьеръ, котораго укоряютъ весьма частымъ употребленіемъ сея фигуры, съ пріятностію полагаетъ оную въ изображеніи должностей великаго Государя.

„Какіе тѣ цари, говоритъ онъ, которыхъ „образуетъ вѣра, которые, будучи щастливы, „дѣлаютъ и подданныхъ своихъ щастливыми? „Они суть тѣ, глаголетъ Блаженный *Августинъ*, „которые, царствуя праведно, почитаютъ „Бога, дающаго имъ царство, которые покоряютъ сему верьховному Величеству свое величіе и могущество; которые любятъ паче „царство небесное, ими чаемое, нежели царство земное, ими обладаемое; которые удаляютъ „отъ себя ложь и тщеславіе, и уважаютъ болѣе истину, нежели лесть; которые считаютъ себя паче отцами, нежели владыками „своихъ подданныхъ; которые наказываютъ „противъ желанія, и прощаютъ по склонности; которые ведутъ войну по нуждѣ и въ „намѣреніи возстановить твердый миръ; которые любятъ болѣе владычествованіе надъ „своими страстями, нежели надъ своими народами; которые тѣмъ умѣреннѣе и осторожнѣе, чѣмъ они свободнѣе и независимѣе, и „которые все сіе дѣлаютъ не по суетному „желанію славы, но по желанію вѣчнаго „блаженства.“

Слѣдующее противоположеніе достойно также замѣчанія.

,,Смущают еще и утомляют дух наш ,,страсти и пороки. Я говорю о той внутрен-,,ной войнѣ, которую мы сами въ себѣ чувст-,,вуемъ, гдѣ духъ востаетъ на плоть, и плоть ,,на духъ, то есть, склонности плотскія во-,,стаютъ на разумъ, и противъ его совѣта ,,устремляются. Духъ возводитъ къ горнему, ,,но плоть низвлекаетъ къ землѣ; тотъ улов-,,ляетъ красотою духовныхъ незыблемыхъ ,,вещей, сія прельщаетъ пріятностьми наруж-,,ными тлѣнныхъ красотъ; тотъ отворяетъ ,,дорогу къ добродѣтели—но постилаетъ ее ,,терніями, сія пространный къ порокамъ от-,,воряетъ путь, но цвѣтами оной устилаетъ. ,,Ахъ, въ какой тѣснотѣ находится человѣкъ; ,,себя самаго на двѣ части раздираемаго чув-,,ствуетъ. Понимаетъ самъ въ себѣ, что без-,,опаснѣе послѣдовать руководству разума, и ,,какъ возможно выше вещества возноситься: ,,но опять самъ въ себѣ находитъ нѣчто та-,,кое, которое добрыя мыслей расположенія ,,разрушаетъ. *Соуслаждаюся закону Божію*, гово-,,ритъ Святый *Павелъ, по внутреннему человѣку: ,,но вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противу вою-,,ющъ закону ума моего.* Духомъ моимъ непороч-,,ное житіе лобызаю; но нѣчто тиранниче-,,ское въ себѣ нахожу, что доброе мое желаніе ,,въ теченіи своемъ остановляетъ."

(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и праздничные дни.)

Въ Священномъ Писаніи и въ сочиненіяхъ Святыхъ Отецъ есть довольно поразитель-ныя противоположенія, на примѣръ:

Мы буи Христа ради, вы же мудри о Христѣ: мы немощни, вы же крѣпцы: вы славни, мы же безчестни ... Укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, утѣшаемся. (1 Коринѳ. гл. 4, ст. 10, 12 и 13.)

И въ другомъ мѣстѣ:

Время прекращенно есть прочее, да и имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіи, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующеся: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе. (Гл. 7, ст. 29, 30 и 31.)

Святый *Кипріанъ* съ важностію употребляетъ сію фигуру въ своемъ словѣ *о милостынѣ*. Онъ представляетъ вѣрующимъ, что Богъ сдѣлалъ для человѣковъ.

„Сынъ Божій восхотѣлъ быть и сыномъ „человѣческимъ, дабы насъ сдѣлать сынами „Божіими: смирилъ Себя, да насъ падшихъ воз„ставитъ; язвенъ былъ, да наши язвы исцѣ„литъ; послужилъ, дабы насъ отъ рабства „привести къ свободѣ; вкусилъ смерть, дабы „намъ смертнымъ даровать безсмертіе.“

И въ другомъ словѣ:

„Мы Философы не словами, но дѣлами; не „говоримъ, но дѣлаемъ великое, и проч.“

Замѣтимъ, оканчивая сей членъ, что противоположеніе никогда не должно быть въ мѣстахъ патетическихъ, развѣ только когда предлагаемыя истины естественно противоположны одна другой. Поелику кратчайшій и простѣйшій способъ представлять оныя есть— показывать противность ихъ; то антитетонъ тогда натураленъ, и дѣлаетъ подлинную красоту, какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ.

Поэмы о Религіи, сочиненной *Расиномъ* младшимъ.

„Я нечистый червь земли и царь все-„ленныя, богатъ и нищъ, свободенъ и отяг-„ченъ узами; я ничто иное какъ ложь, заблу-„жденіе, неизвѣстность, и единое мое упраж-„неніе есть истина; иногда весь міръ громо-„гласно возвѣщаетъ мнѣ верьховнаго Владыку, „Котораго я ищу, и я уже Его вижу; и иног-„да, въ глубокомъ молчаніи, предъ моимъ блу-„ждающимъ взоромъ Онъ ничто другое есть „какъ неизмѣримая пустота,—сколько гордо-„сти! И такимъ образомъ противенъ будучи „самому себѣ, я чудовище суетности, ужасъ „бѣдности, я вмѣстѣ ничтожество и величіе.“

О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ, СЛУЖАЩИХЪ КЪ ВОЗБУЖДЕНІЮ СТРАСТЕЙ.

I. *О Обращеніи.*

Обращеніе (Apostrophe) есть фигура, которою Ораторъ вдругъ прерываетъ порядокъ своего слова, дабы обратиться къ живымъ или мертвымъ, къ присутствующимъ или отсутствующимъ, и даже къ вещамъ неодушевленнымъ.

Обращеніе, будучи живо и убѣдительно, происходя отъ восторга, печали или негодованія, есть изліяніе души сильно занятой своимъ предметомъ, и поспѣшающей сообщить другимъ чувствованія, волнующія оную.

Примѣры:

Давидъ въ 93 псалмѣ оплакиваетъ утѣсненіе праведниковъ подъ игомъ сильныхъ

гонителей, которые, убивая слабаго, увѣряютъ себя, что нѣтъ мстителя, котораго бы имъ надлежало бояться. Сіе злочестивое ослѣпленіе раздражаетъ ревность его, онъ возстаетъ на сихъ безумцевъ, и обращаетъ къ нимъ свое слово съ жаркимъ негодованіемъ, которое трогаетъ и изумляетъ.

Разумѣйте же безумніи въ людехъ, и буіи нѣкогда умудритеся: Насаждей ухо, не слышитъ ли? или создавый око, не сматряетъ ли? наказуяй языки, не обличитъ ли, учай человѣка разуму?

Онъ же въ 51-мъ псалмѣ простираетъ къ нечестивымъ весьма жестокія обличенія.

Что хвалишися въ злобѣ, сильне? Беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой; яко бритву изощренну сотворилъ еси лесть, и проч.

У Святаго Матѳеа:

О роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами! доколѣ терплю вамъ! (Гл. 17, ст. 17.)

Святый *Кипріанъ* вооружается противъ грѣшниковъ, ожесточившихся въ своемъ беззаконіи, слѣдующимъ устрашительнымъ Апострофомъ.

„Нещастный! ты погубилъ свою душу, „ты духовно умерши, началъ переживать „здѣсь себя, ходя носишь гробъ свой, и не „плачешь горько, не сѣтуешь болѣзненно! „Вотъ еще тягчайшія раны грѣховныя; вотъ „вящшія преступленія: согрѣшивши не удовлетворять, заблудившись не оплакивать „своего заблужденія!“

Святый *Климентъ* Александрійскій, обращаясь къ язычникамъ, говоритъ:

„Да пріидутъ обожатели вашихъ идоловъ „и художники, сдѣлавшіе оныхъ, вашъ *Фидій*, „вашъ *Поликлетъ*, *Пракситель* и *Апеллесъ*, и я „скажу имъ, что ихъ художество есть низ- „кое, и что они только грубые и земные дѣ- „латели земнаго и глубаго вещества. Ни „одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ живой статуи, „или изъ безчувственной глины одушевлен- „наго тѣла. Кто изъ нихъ составилъ кости, „способныя возрастать, и имѣющія мозгъ? „кто протянулъ нервы? кто расширилъ кров- „ныя жилы? кто простеръ кожу? кто сдѣ- „лалъ глаза, могущіе видѣть? Кто вдохнулъ „своему творенію душу и жизнь? Единъ Богъ „сотворилъ сіи чудеса; ибо Его искусство пре- „вышаетъ всѣ искусства. Онъ единъ могъ „сдѣлать живую и одушевленную статую— „человѣка.“

Вотъ громкій и поразительный Апострофъ! Ораторъ, изобразивши невинность убіеннаго Іерарха, вдругъ обращается къ убійцамъ для обличенія ихъ.

„О вы, недостойные имени человѣческаго, „злодѣи! не уже ли и утверждаетеся въ томъ, „что убіеніемъ сего, толико отечеству по- „служившаго мужа, пріятную Богу принесли „службу? Не убиваетъ ли паче васъ, обличая „въ неслыханномъ почти беззаконіи, самая „совѣсть ваша? Раны сіи и заушенія не про- „бодаютъ ли звѣрскаго сердца вашего? Земля, „обагренная отъ рукъ вашихъ кровію, не сви- „дѣтельствуетъ ли и предъ Ангелы и предъ „человѣки, что сія пролита невинно, и что „она достойна была всякаго вашего охраненія?

„Лишенныя добраго своего Пастыря благо-„вѣрныя души, и вся Россійская Церковь, „не видя уже болѣе перваго и ревностнаго въ „правительствѣ своемъ служителя, не испу-„скаютъ ли сердечнаго вопля, проницающаго „своды небесные и достизающаго до престола „правосудія? Разграбленіе не особеннаго токмо, „но и общаго имѣнія, опустошеніе обители, „раздробленіе святыхъ иконъ, и попоптаніе „самыхъ освященнѣйшихъ даровъ, да гдѣ? во „своемъ отечествѣ, во градѣ единыя вѣры и „единаго исповѣданія не проповѣдаютъ ли „васъ худшими язычниковъ и самыхъ варва-„ровъ, яко николиже почитаемая собою за „свято тако попиравшихъ? Угрожающее на-„конецъ казнію правительство, или и безъ „того бывшее на васъ довольное за злодѣй-„ство ваше праведнаго гнѣва постиженіе, вся, „говорю, сія не доказываютъ ли, что посту-„покъ вашъ есть прѣбеззаконный, безчеловѣч-„ный и достойный имени діавольскаго, а не „Хрістіанскаго?" (*Амвросій* М. Новогородскій.)

Сказали мы, что въ минуты ужаса, него-дованія или печали обращаются и къ вещамъ неодушевленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ не льзя лучше сего выражать великія страсти. Вотъ нѣсколько примѣровъ тому!

Доколѣ сѣщи будеши, о мечу Божій, вопіетъ Іеремія*! доколѣ не улокоишся! Вниди въ ножны твоя, почій и вознесися.*

Давидъ въ 23 псалмѣ поетъ:

Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы.

Онъ же въ 136 Псалмѣ представляетъ „Іерусалимлянина, отведеннаго въ Вавилонъ сидящаго съ скорбію на брегу рѣки, орошающей сей городъ, испускающаго стенанія, при обращеніи очей къ своему отечеству, пронзенный печалію онъ говоритъ:

Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя: прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе.

Тотъ же Пророкъ такъ еще изъясняется въ слѣдующей прекрасной плачевной пѣсни на смерть *Саула* и *Іоанаѳана:*

Горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождъ на васъ, яко тамо повержен бысть щитъ сильныхъ: щитъ Сауловъ не бысть помазанъ елеемъ. Како падоша сильніи посредѣ брани? Іоанаѳане, до смерти на высокихъ твоихъ язвенъ еси: Саулъ и Іоанаѳанъ возлюбленніи и прекрасніи неразлучни, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучишася. (2 Цар. 1, 21.)

Боссюэтъ въ надгробномъ словѣ Герцогинѣ Орлеанской:

„Увы! мы не можемъ ни на одну минуту „остановить своего взора на славѣ Государыни, такъ чтобъ въ тоже время не примѣшивалась тутъ смерть, дабы все заслонять „своею тѣнію. О смерть! удались отъ нашей „мысли, и дай намъ обмануть на одну минуту жестокость нашей печали воспоминаніемъ нашей радости.“

Онъ же въ другомъ мѣстѣ:

„Мрачныя жилища, въ которыхъ стыдъ „содержитъ нищету! коликократно она изливала и на васъ утѣхи и благостыни,

„безпокоясь о вашихъ нуждахъ и печаляхъ, и „съ большимъ тщаніемъ скрывая свои бла„говоренія, нежели съ какимъ вы скрывали „свою бѣдность ?... Мечу Господень, какой „ударъ ты нанесъ!“

Обращеніе, какъ уже видно, есть движеніе насильственное и непредвидимое, поражающее, объемлющее, изумляющее, и весьма приличное страстямъ пылкимъ и возмутительнымъ, которыя всегда нетерпѣливы и открываются вдругъ сильнымъ восхищеніемъ. Впрочемъ должно съ искусствомъ приводить сію фигуру; надобно приготовлять къ ней слушателя движеніями тихими, потомъ, какъ онъ нечувствительно привлеченъ будетъ, вдругъ восхищать его съ насиліемъ, и не давая ему времени опомниться.

II. О Восклицаніи.

Восклицаніе (Exclamatio) довольно походитъ на обращеніе. Оно состоитъ въ томъ, что говорящій вдругъ возвышаетъ свой голосъ въ нѣкоторомъ сильномъ движеніи сострадания, желанія, удивленія, печали или негодованія.

Святый *Павелъ*, долго представлявши Галатамъ безконечную благость Іисуса Христа, умершаго за нихъ, возглашаетъ:

О несмысленніи Галате! кто вы прельстилъ есть не покоритися истинѣ, имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распять? (Гл. 3, ст. 1.)

Пророкъ *Іеремія*, изобразивши нещастіе Израильскаго народа, вопіетъ:

Вси, иже проходящіи путемъ, обратитеся, и видите, аще есть болѣзнь яко болѣзнь моя!

Массильйонъ, представивши ужасную картину смерти нераскаяннаго грѣшника, восклицаетъ:

„Великій Боже, въ какое состояніе при-
„ходитъ сія душа! Что обрѣтаетъ она, изходя
„изъ своего земнаго жилища и падая въ вѣч-
„ныя руки Твоего мщенія? Какой ужасъ уви-
„дѣть себя какъ бы по пробужденіи у подножія
„страшнаго судища, узрѣть предъ собою от-
„верзстую пропасть! и проч."

Боссюэтъ, говоря о смерти Герцогини Орлеанской, послѣдовавшей вскорѣ за смертію ея матери:

„О суета! о ничтожество! о смертные,
„незнающіе своея судьбы!"

Онъ же въ одномъ словѣ:

„О смерть! я благодарю тебя за то, что
„ты просвѣщаешь насъ.

Въ другомъ мѣстѣ, сдѣлавши великое описаніе слабостей человѣка, онъ возносится превыше самаго себя, восклицая торжественно: „Ахъ, сколь мы ничтожны!"

Какъ восклицаніе есть послѣднее усиліе весьма живой страсти, то должно рѣдко употреблять оное въ словѣ. Естьли Ораторъ полагаетъ его часто, то оно служитъ только къ охлажденію и пресѣченію слова. Это прибѣжище посредственныхъ Ораторовъ, которые, не въ состояніи будучи вести непрерывную связь, наполняютъ всѣ пустыя мѣста симъ средствомъ.

III. О Вопрошенiи

Вопрошенiе (Interrogatio) не требуетъ опредѣленiя, изъ имени его довольно узнать оное можно. Оно служитъ къ изъясненiю живыхъ страстей, и дѣлаетъ впечатлѣнiе въ слушателѣ, который болѣе убѣждается сею фигурою, нежели другими. Она своею живостiю много придаетъ движенiя слову; но надобно умѣть употреблять ее кстати.

Пророки часто употребляютъ сiю Фигуру.

Такъ изъясняется *Аввакумъ* въ изумленiи, въ какое приводятъ его Iудейскiе безпорядки, которыхъ онъ свидѣтель:

Доколѣ, Господи, воззову, и не услышиши? возопiю къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши? Вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни, смотрити страсть и нечестiе? противу мене бысть судъ, и судiя вземлетъ. (Гл. 1, ст. 2 и 3.)

Езекiя, устрашенный угрозами *Сеннахирима*, послалъ истребовать совѣта у *Исаiи*. Вотъ отвѣтъ Пророка, онъ говоритъ самому *Сеннахириму:*

Кого укорилъ и разгнѣвалъ еси? или къ кому возвысилъ еси гласъ твой, и не воздвиглъ еси на высоту очесъ твоихъ къ Святому Израилеву? и проч. (Гл. 37, ст. 23.)

Начало Массильiонова слова о *немилосердомъ богатѣ*, есть цѣпь вопрошенiй, которыя кажутся простыми вопросами, сдѣланными Ораторомъ для того, чтобъ ему узнать истину, но они своимъ жаромъ и живостiю объявляютъ важность и занимательность предмета.

Изъ сего текста: *стражду во пламени семъ*, проповѣдь начинается слѣдующимъ образомъ:

„Какія ужасныя беззаконія ископали сему „нещастному бездну мученій, въ которой онъ „погребенъ, и возжгли огнь мщенія, пожира-„ющій его? былъ ли онъ сквернитель своего „тѣла? обагрилъ ли онъ свои руки кровію не-„повиннаго? ограбилъ ли онъ вдовицу и сиро-„ту? былъ ли онъ невѣрнымъ, злыхъ нравовъ, „худыхъ качествъ, чудовищемъ неправды? „и проч.“

Иногда Ораторъ спрашиваетъ самаго себя для возбужденія вниманія слушателей и для того, чтобы устремить ихъ умъ къ отвѣту, слѣдующему за вопросомъ. *Бурдалу* часто употребляетъ сей оборотъ.

„Изъ всего сего что заключить должно?“ вопрошаетъ онъ самаго себя.

Вотъ отвѣтъ:

„Ахъ, Христіане! не станемъ уже гово-„рить въ нашемъ грѣховномъ состояніи, что „мы слабы, и что слабость наша есть непре-„оборимое препятствіе къ обращенію.“

И ниже въ томъ же словѣ:

„Обратившіеся грѣшники паче всѣхъ дол-„жны быть тронуты симъ важнымъ долгомъ. „Почему же?“

Сіе вопрошеніе не позволяетъ слушателю скоро забыть предложеніе, оно заставляетъ его приложить вниманіе къ отвѣту, который тотчасъ и слѣдуетъ:

„Поелику ихъ обязываетъ къ тому и благо-„дарность, и справедливость, и любовь къ ближ-„нему, и польза собственная.“ (Въ словѣ о благодати.)

Аббатъ *Пуллъ* въ одномъ мѣстѣ своего слова *о милостынѣ* сказавши, что нищіе вездѣ находятъ только очи отвращающіяся отъ нихъ, заборы останавливающіе ихъ, руки отрѣвающія ихъ, наступаетъ на слушателя живостію и напряженностію своихъ вопрошеній.

„Уже ли убожество есть проклятіе, из-„глаживающее въ нихъ начертаніе человѣка, „титло Христіанина и самую печать Боже-„ства? И для чего такимъ образомъ исклю-„чать ихъ изъ общества? для чего изгонять „ихъ изъ своего отечества? что они сдѣлали? „безчестные ли они злодѣи? Увы! можетъ „быть они отъ того единственно нищи, что „добродѣтельны. Лютые ли они враги посяга-„ющіе на жизнь вашу? Они не имѣютъ дру-„гаго оружія противъ васъ, какъ только сле-„зы: они мыслятъ о томъ, чтобъ тронуть „васъ, а не вредить вамъ. Ненавистные ли „они грабители, похищающіе у васъ богат-„ство? какую алчность они ни показываютъ, „малѣйшая милостыня удовольствуетъ ихъ... „Наконецъ, мерзостныя ли они чудовища, дѣла-„ющія ужасъ природѣ? Они суть все то, что „должно трогать благородныя души: они „человѣки, они должны быть вамъ любезны; „они нещастны, они должны быть для васъ „почтенны. Нещастнымъ же пристойно бѣ-„гать ихъ, но вы, вы можете вспомощество-„вать имъ, и вы страшитесь ихъ видѣть!“

Дѣйствіе, какое можетъ производить въ душѣ слушателя вопрощеніе, должно быть ощутительно въ слѣдующемъ сильномъ

Апострофѣ, который *Массильіонъ* дѣлаетъ къ людямъ, откладывающимъ свое обращеніе до смертнаго часа. Какой жаръ, какая сила въ семъ мѣстѣ!

„Отвѣтствуйте вмѣсто меня вы, братіе „мои, вы, которыхъ рука Господня прибли„жала нѣсколько разъ къ дверямъ гроба, и „паки отводила отъ оныхъ. Когда вы, про„стертые на одрѣ болѣзни, сражались между „жизнію и смертію, тогда занимались ли вы „еще попеченіями о вѣчности? гдѣ вы тогда „были? какое вы имѣли употребленіе разума? „что происходило въ душѣ вашей, какъ не „сбивчивыя и несвязныя воображенія, кото„рыхъ предметомъ были паче страданія ваши, „нежели спасеніе? чѣмъ для васъ были послѣд„нія умирающихъ врачевства, которыя Цер„ковь вамъ предлагала? Сновидѣніями, кото„рыхъ вы почти не помните. Были ли вы „готовы предстать Іисусу Хрісту, естьли бы „болѣзнь прекратила дни ваши? Какую бы „душу представили вы страшному судищу? „что вы сами послѣ говорили о томъ, сдѣлав„шись здравыми? Безумно отлагать покаяніе „до смертнаго часа — тогда человѣкъ ни къ „чему не способенъ — должно очистить со„вѣсть при совершенномъ здравіи. Вы гово„рили это, но исполнили ли? не попустите ли „вы смерти въ другой разъ застать васъ съ „неготовности? и кокой будетъ вамъ плодъ „отъ долговременности вашей жизни, кромѣ „множайшихъ преступленій“

Окончимъ касающееся *Вопрошенія* истинными и вѣрными примѣчаніями, которыя

находятся въ превосходной рѣчи Аббата *Мор*
о церковномъ краснорѣчіи.

„Изъ всѣхъ риторическихъ фигуръ, го-
„воритъ сей разумный писатель, самая убѣ-
„дительная и порывистая есть *Вопрошеніе*;
„но естьли употребляютъ ее разкрывая на-
„чала, на которыхъ основывается слово, то
„она необходимо производитъ въ томъ тем-
„ноту и нѣкоторую надутость, противную
„хорошимъ умамъ. Уже послѣ яснаго показа-
„нія Христіанскихъ обязанностей, подробности
„нравоученія, одушевляемыя симъ стремитель-
„нымъ движеніемъ, сильно поражаютъ слуша-
„телей, съ убѣжденіемъ соединяютъ укореніе,
„и такъ сказать, вооружаютъ законъ про-
„тивъ совѣсти. Частыми и усугубляемыми
„вопрошеніями Ораторь доказываетъ и опро-
„вергаетъ, обвиняетъ и защищаетъ, сомнѣ-
„вается и утверждаетъ, трогаетъ и на-
„учаетъ.“

„Есть ли въ краснорѣчіи способъ къ воз-
„мущенію сердца человѣческаго надежнѣе сего
„скопленія вопросовъ, на которые нѣтъ нуж-
„ды ожидать отвѣта, поелику онъ неминуемъ
„и единообразенъ? Можно ли лучше снисхо-
„дить гордости виноватаго, какъ не приводя
„его въ стыдъ прямымъ обличеніемъ въ ту
„самую минуту, когда ему представляются
„его слабости или пороки? Чѣмъ можно при-
„давать большую силу истинѣ, большую
„важность суду, какъ довольствуясь простымъ
„правомъ вопрошать преступника? Какъ мо-
„жетъ онъ утаиться отъ Оратора, который
„заграждаетъ ему всѣ выходы, въ коихъ онъ

„ищетъ укрытія отъ себя самаго; Оратора, „который дѣлаетъ его судію, и судіею единственнымъ, судіею тайнымъ, во глубинѣ „только его сердца, которое онъ не можетъ „обмануть? Что онъ противоположитъ, естьли общіе вопросы, изъ коихъ онъ самъ себѣ „дѣлаетъ столько же обвиненій, съ стремленіемъ текутъ, усиливаются, и естьли за „сими показаніями тягостными для грѣшника „слѣдуетъ великое и благородное начертаніе, „которое, опровергая его мысли, устрашаетъ „его воображеніе, и походитъ на торжественный приговоръ, который произносятъ виноватому, посрамивши его такимъ образомъ.

„Таково сіе высокое и славное обращеніе „*Массилльіона* къ Верховному Существу въ его „словѣ *о маломъ числѣ предопредѣленныхъ*: *о* „*Боже, гдѣ Твои избранные?* Сіе столь простое „изреченіе производитъ ужасъ; каждый слушатель помѣщаетъ себя въ изчисленіе осужденныхъ, предшествовавшее сему вопросу, „онъ не смѣетъ отвѣчать Оратору, не однократно его вопрошавшему, изъ числа ли онъ „праведныхъ, коихъ однихъ имена будутъ „написаны въ книгахъ живота, и входя съ „ужасомъ въ свое сердце, которое довольно „изъясняется угрызеніями, мнитъ себя слышащимъ непремѣняемое опредѣленіе своего „осужденія.“

IV. О Повтореніи.

Повтореніе (Repetitio) состоитъ въ томъ, что Ораторъ начинаетъ многія выраженія, или разные члены, періода однимъ и тѣмъ же

словомъ. Сія фигура есть изъясненіе живой страсти, которая долго занимается своимъ предметомъ, и его только видитъ. Она еще въ великомъ употребленіи бываетъ тогда, когда настоятъ на какую нибудь истину, которую хотятъ доказать. Примѣры:

Іеремія представляетъ Вавилону страшныя угрозы Всемогущаго. *И падетъ гордыня твоя, и разрушится, и не будетъ возставляяй ю: и возжгу огнь въ дубравѣ его, и поястъ вся окрестная его.* (Гл. 50, ст. 32.)

Союзъ *и*, много разъ здѣсь повторенный, какъ бы означаетъ столькожъ ударовъ гнѣва Божія.

И ниже, въ той же главѣ:

Мечъ на Халдеевъ, глаголетъ Господь, и на жители Вавилонскія, и на князи, и на мудрыя его: Мечъ на обаятели его и буіи будутъ; и мечъ на сильныя его, и ослабѣютъ. Мечъ на кони его... Мечъ на сокровища его, и расхитятся. Мечъ на воды его и постыдятся.

Нынѣ воскресну, глаголетъ Господь, нынѣ прославлюся, нынѣ вознесуся. Исаіи 33, 10.

Бурдалу употребляетъ сію фигуру, чтобы доказать съ *Тертулліаномъ*, что Хрістіанская вѣра полезна обществу и споспѣшествуетъ благу онаго.

„Сія — то вѣра повелѣваетъ намъ воз-
„сылать по вся дни моленія нашему Богу о
„благоденствіи вашихъ Кесарей, даже когда
„они гонятъ насъ, и приносить о нихъ жер-
„тву и въ то время, когда они жертвуютъ
„кровію нашихъ братій жестокости своихъ

„указовъ. Сія-то вѣра повелѣваетъ намъ слу-„жить въ вашихъ войскахъ съ безпримѣрною „вѣрностію, такъ что вы принуждены при-„знаваться, что не имѣете такихъ воиновъ, „которые бы были лучше Христіанъ. Сія—то „вѣра повелѣваетъ намъ платить точно и „безъ обмана государственныя подати и на-„логи, такъ что ваши казначеи благодарятъ, „что есть въ свѣтѣ Христіане; ибо Христі-„анинъ исполняетъ сей долгъ по совѣсти и „благочестію.“ (Въ словѣ о вѣрѣ и честности.)

Вотъ еще прекрасный примѣръ!

„Но какія же тайны открываетъ Богъ „избраннымъ Своимъ? Окрываетъ Онъ имъ въ „настоящемъ и естественномъ видѣ красоту „добродѣтели, и потому они столь сильно ею „плѣняются. Открываетъ Онъ имъ таинст-„венные пути провидѣнія Своего, которымъ „управляетъ Онъ родъ человѣческій и міръ весь, „и потому они столь великодушны въ неща-„стіи, и столь умѣренны въ благополучіи міра „сего. Открываетъ Онъ имъ величество Боже-„ственныхъ совершенствъ Своихъ, и потому „они столь осторожны во всѣхъ поступкахъ „своихъ, чтобъ не обезобразить имъ въ себѣ „образа и подобія Божія. Открываетъ Онъ имъ „превосходство оныя любви, которую оказалъ „Онъ въ искупленіи человѣческаго рода чрезъ „единороднаго Сына Своего, и потому они съ „толикою вѣрою приносятъ Ему жертву благо-„даренія и хваленія. Открываетъ Онъ имъ цѣну „награжденій и вѣнцовъ, которые имъ на „небеси уготованы, и потому они столь „мало къ сему міру себя привязываютъ, а

„устремляются всѣми желаніями къ блаженной вѣчности. Вотъ какія тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ, тайны великія, тайны блаженство наше составляющія!“

(Изъ Собранія поученій на всѣ воскресные и праздничные дни.)

Изъ сихъ двухъ примѣровъ видно, какую силу и разительность можетъ придавать доказательству повтореніе. Не менѣе способствуетъ оно усугубленію живости повѣствованія. *Молиньеръ* употребляетъ оное для показанія, что былъ тогда Римъ, когда Апостолы предпріяли проповѣдать въ немъ Хрістіанскую вѣру,

„И въ Римѣ хотятъ насадить Хрістіанскую вѣру, въ Римѣ во время Нерона! Время, „когда Римъ уже не зналъ Рима, бывшаго во „дни республики, и когда Римъ столь развращенный вседневно силился превзойти самаго „себя. Во время Нерона! Во время, когда все, „что видимо было, требовало отвращенія о„чей, все, что было слышно, заслуживало заб„веніе, когда никто, не подвергаясь безчестію, „не могъ говорить того, чего онъ не думалъ, „ни безопасно говорить то, что онъ думалъ. „Въ Римѣ, во время Нерона! Во время посвя„щенное удовольствіямъ, и когда удовольствія „были ужасами, ибо ужасы были вкусомъ царя. „Во время Нерона! Во время, когда страхъ „казаться добродѣтельнымъ, препятствовалъ „быть добродѣтельнымъ, когда добродѣтели „древнихъ Римлянъ вовлекали въ пропасть бѣд„ствій, а напротивъ пороки Рима, падшаго

„съ высоты своей славы возводили на степени
„всѣхъ честей.“

Повтореніе часто означаетъ ревность и негодованіе. Въ *Гоѳоліи, Іодай,* негодуя на вѣроломныхъ Іудеевъ, говоритъ:

„Прервите, прервите всякой союзъ съ не-
„честіемъ.“

И въ другомъ мѣстѣ:

„Благоволи, Боже мой! благоволи излить
„на Маѳана и на нее духъ неразумія и заблуж-
„денія, пагубнаго предтечу паденія царей.“

V. О Умолчаніи.

Умолчаніе (Reticentia) есть фигура, которою Ораторъ дѣлаетъ перерывъ въ срединѣ своего слова, и не продолжая начатаго, переходитъ нечаянно къ другому, впрочемъ такъ, что сказанное имъ довольно даетъ угадать то, о чемъ онъ притворно умалчиваетъ.

Сія весьма выразительная фигура должна быть употребляема только въ важныхъ случаяхъ. Должно полагать ее только въ ту минуту, когда искусство, дошедши до высочайшей своей степени, и чувствованія, достигши послѣдняго своего предѣла, оставляютъ, вмѣсто убѣжища, одно молчаніе и все, что оно внушить можетъ.

Такъ *Флешьеръ* въ похвальномъ словѣ *Ѳомѣ* Канторберійскому, повѣствуя о убіеніи сего мужа, дѣлаетъ видъ, будто хочетъ умолчать подробности онаго.

„Сего довольно было для подлыхъ и коры-
„столюбивыхъ царедворцевъ; они намѣреваются
„ся пролить кровь праведника; они думаютъ

„о наградахъ, которыхъ надѣются, а не о злодѣйствѣ, которое предпріемлютъ. *Ѳома* Священникъ, но онъ врагъ Царя: онъ невиненъ, „но Царь хочетъ, чтобъ онъ былъ виновенъ. „Они отъѣзжаютъ отъ Двора, переправляются чрезъ море, входятъ въ церковь, гдѣ блаженный совершалъ службу, и приближаются „къ нему, въ сердцахъ ихъ ярость, въ глазахъ „огонь, въ рукахъ оружіе, не уважаютъ они „ни олтаря, ни святилища Іисуса Хріста, ни „служителей Его . . . Прочее извѣстно вамъ, „слушатели, и я бы желалъ, естьлибъ то можно было, удержать себя отъ представленія „вамъ столь жалостнаго позорища.“

Употребляютъ также умолчаніе въ минуту гнѣва или угрозы. *Говолія* говоритъ *Іодаю*, требуя у него *Еліакима* и сокровищъ скрытыхъ, по ея мнѣнію, въ храмѣ.

.... „Вотъ ты развратитель, начальникъ заговоровъ и пагубныхъ умысловъ, „который полагалъ надежду на одинъ бунтъ, „вѣчный врагъ горнихъ силъ! Ты уповалъ на „помощь твоего Бога, оставилъ ли ты свою „суетную надежду? Онъ отдаетъ въ мою „власть и храмъ свой и жизнь твою. Мнѣ бы „надлежало на томъ жертвенникѣ, гдѣ рука „твоя закалаетъ животныхъ, тебя . . . Но я „должна быть довольна мздою, мнѣ предлагаемою; помысли о исполненіи того, что ты „обѣщалъ мнѣ.“

VI. О Наращеніи.

Наращеніе (Incrementum sev Gradatio) есть одна изъ прекраснѣйшихъ фигуръ, какія могутъ родиться подъ перомъ Оратора, производящая

удивленіе или смущеніе въ слушателяхъ. Она состоитъ въ непрестанномъ приращеніи идей или чувствованій, изъ которыхъ одни важнѣе другихъ. Сіе приращеніе держитъ слушателя въ недоумѣніи, и увеличиваетъ до нѣкоторой степени то чувство, какое Ораторъ хочетъ вдохнуть въ него.

Святый *Кипріанъ* весьма разительно укоряя *Деметріана* врага и гонителя Христіанъ, говоритъ ему между прочимъ слѣдующее:

„Мало того, что жизнь ваша оскверняет-„ся различными неистовыми пороками, гнус-„ностію звѣрскихъ злодѣяній, множествомъ „кровавыхъ хищеній, что истинная Вѣра колеб-„лется отъ суевѣрій, что вы со всѣмъ не „ищете и не боитесь Бога: еще и рабовъ Бо-„жіихъ, преданныхъ имени и величеству Его, „томите неправедными гоненіями. Не доволь-„но того, что самъ ты не почитаешь Бога, „еще и чтущихъ Его гонишь съ нечестивою „злобою.“

Слѣдующая краткая рѣчь есть примѣръ Повторенія и Наращенія.

„Отецъ Отечества! исполняя волю достой-„наго Твоего Преемника, Александра Перва-„го возложеніемъ на гробъ твой сего памят-„ника, въ знаменіе Его къ Тебѣ благоговѣнія, „умоляемъ Бога, упокояющаго душу Твою въ „Своихъ селеніяхъ, да открыетъ Тебѣ съ „онымъ и нашу признательность къ Твоимъ „благодѣяніямъ, признательность всего сего „Правительствующаго Сословія, Тобою перво-„начально созваннаго; признательность всего „царствующаго града, Тобою основаннаго;

„признательность всея Россіи, Тобою возрожденной, просвѣщенной, прославленной, и чти-„ти имя Твое во вѣки вѣковъ обязанной.

(*Амвросій* М. Новгородскій.)

У Массильйона:

„Увы, что суть человѣки на земли? Театральныя лица; все здѣсь ложь, вездѣ одни „представленія; все что мы видимъ весьма „великолѣпнаго и наилучшимъ образомъ устроеннаго, есть дѣло одного только явленія. Кто не говоритъ сего каждый день въ „семъ вѣкѣ? Роковый переворотъ, быстрота, „которой ничто не останавливаетъ, увлекаетъ все въ бездну вѣчности; вѣки, племена, имперіи, все теряется въ оной, все *тамъ* „остается, ничто оттуда не выходитъ; „наши предки проложили намъ туда дорогу, и „мы мгновенно проложимъ оную тѣмъ, кои „послѣ насъ приходятъ. Тако вѣки возобновляются, образъ міра непрестанно перемѣняется, мертвые и живые безпрерывно себя „смѣняютъ и перемѣщаютъ. Все не прочно, „все истощавается, все оканчивается.“

Наращеніе производитъ удивительное дѣйствіе въ тѣ минуты, когда говорящій, сильно будучи тронутъ, принимаетъ нѣкоторымъ образомъ тонъ молящагося, истощаетъ всѣ средства, какими надѣется получить просимое Такова слѣдующая молитва, которою *Флешьеръ* оканчиваетъ надгробное слово *Тюренну*.

„Господи, Иже проницаеши свѣтомъ своимъ „во мрачнѣйшіе изгибы нашея совѣсти, и въ „самыхъ потаенныхъ нашихъ помыслахъ н

„сущее еще зриши, якоже сущее! Воспріими
„въ нѣдро славы Твоея душу сію, которая
„вскорѣ бы наполнилась однимъ помышленіемъ
„о вѣчности Твоей; пріими оныя желанія,
„Тобою самимъ ей внушенныя. Времени, а не
„бодрости духа не доставало ему на соверше-
„ніе оныхъ. Ежели купно съ его желаніями и
„дѣлъ хощеши, се благостыни имъ сотворенныя,
„или уготованныя на отраду своимъ брата-
„ямъ и для спасенія ихъ; се души заблуждшія,
„которыхъ онъ обратилъ къ Тебѣ вспоможе-
„ніями, совѣтами, примѣромъ своимъ; се кровь
„людей Твоихъ многократно имъ сохраненная;
„се кровь столь великодушно за Тебя имъ
„пролитая; и еще паче рещи, се кровь
„Іисусомъ Хрістомъ за него проліянная!“

VII. О Умоленіи.

Умоленіе (Deprecatio) есть фигура, которою Ораторъ проситъ Бога, чтобъ Онъ тронулъ сердца его слушателей. Иногда онъ простираетъ оное къ самимъ слушателямъ; но въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствіе, какое можетъ производить сія важная фигура, зависитъ отъ искусства, съ каковымъ онъ собираетъ средства преклонить или тронуть.

Пророкъ *Исаія*, опечаленный жребіемъ, уготованнымъ граду Іерусалиму приноситъ Господу сію трогательную и горячую молитву: *Обратися, Господи, отъ небесе, и виждь отъ дому святаго Твоего и славы Твоея: гдѣ есть ревность Твоя и крѣпость Твоя? гдѣ есть множество милости Твоея, и щедротъ Твоихъ, яко терпѣлъ еси намъ? . . . И нынѣ, Господи, Отецъ нашъ еси*

Ты, мы же бренiе, дѣла руку Твоею еси . . . И нынѣ призри, яко людiе Твои вси мы. Градъ святилища Твоего быстъ пустъ, Сiонъ якоже пустыня бысть, Iерусалимъ на проклятiе. Домъ святый нашъ и слава, юже благословиша отцы наши, бысть огнемъ ложженъ, и вся славная наша купно падоша. И о всѣхъ сихъ терпѣлъ еси, Господи! и молчалъ, и смирилъ еси ны зѣло. (Ис. гл. 63 и 64.)

Большая часть проповѣдей оканчиваются трогательною молитвою, возсылаемою Богу, какъ мы уже о томъ упомянули въ главѣ о заключенiи. Таковъ слѣдующiй примѣръ:

„Востани, великiй Боже! Твоя слава тре-„буетъ того; мы возвращаемъ Тебѣ нашу дол-„жность проповѣданiя, она почти безсильна „во устахъ нашихъ. Мы возвѣщаемъ *слово* „Твое, но не имѣемъ Твоего гласа. Самъ Ты „сотвори то, чего мы совершить не можемъ. „Вотъ нарушители Твоего закона! они нако-„нецъ вышли изъ своихъ окоповъ и крѣпостей; „побуждаемые любопытствомъ, они вошли въ „Твой храмъ и въ немъ затворились. Не про-„симъ мы, чтобъ Ты послалъ Ангела губите-„ля для потребленiя ихъ, они наши братiя. „Не просимъ мы, чтобъ Ты вооружилъ про-„тивъ нихъ священныя руки Твоихъ Леви-„товъ, что нѣкогда учинилъ Ты противъ не-„честивой и жестокой *Гоѳолiи;* Ты Богъ мiра, „Ты самое милосердiе, Ты имѣешь кроткiя, „благодѣтельныя мщенiя. Обрати, а не по-„треби ихъ. Уже ли слово Твое потеряло всю „свою силу? Оно извлекло мiръ изъ ничтоже-„ства, оно изъ камней воздвигло чада *Авраамy*, „оно воззвало *Лазаря* къ жизни, оно гонителя

„премѣнило въ Апостола: такъ не можетъ ли „враговъ Твоихъ (они уже Христіане) сдѣлать „поклонниками духовными и истинными? „Вотще Ты ожидаешь сего чуда отъ нашего „служенія, которое непрестанно приходитъ „въ безсиліе. Мы насильно удерживаемъ сихъ „грѣшниковъ; скоро можетъ быть они скро- „ются отъ насъ . . . Не давай имъ времени къ „тому. Да повергнетъ ихъ гласъ Твой на „пути въ Дамаскъ, и да востанутъ они съ „*Павломъ* для того только, чтобъ имъ найти „другаго *Ананію*, который бы привелъ ихъ на „путь покаянія; да ихъ скорое, искренное, „твердое обращеніе докажетъ, что подлинно „Твое мы проповѣдуемъ имъ слово, да любятъ „они всегда сіе слово жизни, и наипаче да „исполняютъ оное; оно будетъ для нихъ „вѣрнымъ руководителемъ къ блаженной вѣч- „ности.“ (Аббатъ *Пулль* о словѣ Божіемъ.)

VIII. О желаніи.

Сія фигура состоитъ въ томъ, что Ораторъ желаетъ либо отвращенія какого нибудь нещастія, которое предвидитъ, либо того, что можетъ споспѣшествовать благополучію особы, занимающей его. Примѣры:

Кто дастъ главѣ моей воду, и очесемъ моимъ источникъ слезъ? и плачуся день и нощь о побіенныхъ дщере людей моихъ? Кто дастъ мнѣ въ пустыни виталище послѣднее, и оставлю люди моя, и отъиду отъ нихъ? Понеже вси любодѣйствуютъ, соборище преступниковъ. (Іерем. гл. 9.)

Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полещу, и почію? (Псал. 54, ст. 7.)

Сія трогательная фигура весьма часто употребляется въ словахъ, тамъ наипаче, гдѣ Ораторъ сильно занятый тѣмъ, что онъ говоритъ, не имѣетъ по видимому инаго руководителя, кромѣ ревности или восторга.

„Кто намъ дастъ, да цѣлуемъ сію Божественную главу, которая за слово Божіе „усѣчена была? кто дастъ, да облобызаемъ „язву ту, изъ которыя источникъ кроки „искипѣлъ за проповѣданную истину?“

(Изъ собранія поученій . . .)

„О блаженная минута, говоритъ *Боссюэтъ*, „когда мы выйдемъ изъ тѣней и увидимъ исти„ну! Потечемъ туда съ жаромъ, братіе мои; „поспѣшимъ очистить свои сердца, да узримъ „Бога по Евангельскому обѣтованію. Тамъ *пре„дѣлъ* странствованія, тамъ оканчиваются ры„данія, тамъ престанетъ трудъ вѣры, когда „она родитъ жизнь. Блаженная минута, паки „реку! кто не желаетъ тебя, тотъ не Хрі„стіанинъ.“ (Въ надгр. словѣ *Тельерц.*)

Массильйонъ въ одномъ своемъ словѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что таинства, спасительное убѣжище для другихъ грѣшниковъ, становятся камнемъ претыканія для души непостоянной и легкомысленной, восклицаетъ:

„Ахъ! что бы мы дѣлали, дая тебѣ проще„ніе, котораго Богъ не подаетъ тебѣ? Умно„жали бы твои беззаконія, и обременяли бы „тебя новымъ проклятіемъ. О! дай Богъ, чтобъ „ты невѣрная душа, слушающая меня, нахо„дила всѣ священныя судища заключенными „для твоего постыднаго непостоянства, и

„чтобъ твои претыканія, много разъ исповѣ-
„данныя и многократно же возобновленныя,
„не обрѣтали убѣжища въ самомъ снисхожде-
„ніи олтаря! Ты бы уже, и проч.“

Аббатъ *Пуллъ* въ словѣ *о небѣ.*

„О! естьли бы Ты восхотѣлъ, Господи! „Ты бы сократилъ время, Ты бы отверзъ „небеса, и горы уравнились бы предъ Тобою. „Озари насъ только нѣкоторыми предва„рительными лучами Твоея славы, и всякое „другое величіе изчезнетъ, всякой другой „свѣтъ помрачится, всякая другая красота „затмится, и проч.“

И въ заключеніи тогоже слова, гдѣ онъ парафрастически объясняетъ псаломъ: *Возвеселихся.*

„Іерусалимъ, котораго именованіе не мо„жетъ утомить меня, ибо памятованіе о тебѣ „всегда живетъ въ моей душѣ... Долго ли еще „мы пребудемъ въ удаленіи отъ тебя? Когда „мы будемъ присутствовать на твоихъ вели„колѣпныхъ торжествахъ? Когда мы соеди„нимся съ тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, ко„торый есть córованіе, сила, мѣсто и красота „твоего зданія! Когда мы ближе пріобщимся „къ нашей Божественной главѣ, дабы ею „только жительствовать, и проч.“

IX. О проклинаніи.

Проклинаніе (Imprecatio) есть такая фигура, которою Ораторъ желаетъ нещастій тѣмъ людямъ, коимъ онъ говоритъ. Иногда внушаетъ ею ужасъ къ беззаконію и къ беззаконникамъ, а иногда она бываетъ дѣйствіемъ негодованія, но чаще происходитъ отъ

изумленія и отчаянія. Таковъ слѣдующій примѣръ:

„Богъ Іудеевъ, Ты избавляешь его! Такъ, „это *Іоасъ*! Напрасно я силюсь обмануть себя; „я помню то мѣсто, гдѣ я велѣла убить его. „Я вижу осанку и тѣлодвиженіе *Охозіи*, все „представляетъ мнѣ ту кровь, которой я гну„шаюсь. *Давидъ*, *Давидъ*, торжествуй! Одинъ „*Ахавъ* погубленъ. Неутолимый Богъ! Ты упра„влялъ всѣмъ, Ты, лаская меня удобнымъ мще„ніемъ, въ одинъ день далъ мнѣ почувство„вать многія сопротивленія, то раждалъ угры„зеніе совѣсти при мысли о младомъ *Іоасѣ*, то „ослѣплялъ меня богатыми сокровищами, ко„торыя я убоялась предать огню и разграбле„нію. И такъ пусть царствуетъ сей юнецъ, „предметъ Твоего попеченія и Твоя тварь! „и чтобы ему ознаменовать чѣмъ нибудь „начало своего царствованія, да научитъ „его вонзить ножъ въ мою грудь! Вотъ чего „желаетъ ему умирающая его мать! Что я „говорю, желаетъ? Я льщусь, я надѣюсь, что „сей гнусный наслѣдникъ *Давида*, будучи не„покоренъ Твоему игу, утрудившись тяго„стію Твоего закона, будучи вѣренъ крови „*Ахава*, полученной имъ отъ меня, подобенъ „своему дѣду, своему отцу, уничтожитъ Твои „почести, осквернитъ Твой жертвенникъ, и „отмститъ за *Гоѳолію*, *Ахава* и *Іезавелъ*.“

(Траг. Гоѳол. дѣйс. V. явл. VI.)

Проклинаніе весьма рѣдко употребляется на священной каѳедрѣ, гдѣ Ораторъ долженъ быть исполненъ духа любви. Впрочемъ, естьли случится ему употребить сію фигуру, то

онъ долженъ тотчасъ прибавить умягченіе, какъ видно въ слѣдующихъ трехъ примѣрахъ:

„Безсмертный Боже, да постигаютъ всег-„да нещастія творящихъ беззаконіе! Почто „Ты злѣ не погубляеши ихъ? Ахъ, помоги имъ „паче возвратиться отъ порока къ добро-„дѣтели!“

„Погибнете на вѣки вы, безумные, дерза-„ющіе оскорблять святыхъ Святѣйшаго сво-„ими хуленіями. Но что я говорю? Прибѣгни-„те паче къ милосердію Божію и покайтеся.“

(*Массиллыонъ.*)

„О Ты, Судитель праведенъ и крѣпокъ, „по *Давиду*, и Отмститель жестокъ злотво-„рящимъ, по *Павлу!* какимъ образомъ столько „времени терпишь симъ людямъ тяжестнымъ „самой земли? гдѣ Твои молніи, гдѣ громы „бываютъ, когда въ слезахъ своихъ валяются „при ногахъ ихъ обиженные, и никакой мило-„сти не получаютъ? почто не тогда же по-„ражаютъ, и разбиваютъ въ прахъ окаменен-„ныя сердца ихъ? Но, ахъ! кто мы, которые „въ семъ стязаться съ Богомъ дерзаемъ? Онъ „вся мѣрою, и числомъ и вѣсомъ распредѣ-„ляетъ, и проч.“ (Изъ собранія поученій ...)

X. *О Сомнѣніи.*

Сомнѣніе (Dubitatio) есть фигура, кото-рою Ораторъ притворяется не знающимъ, что ему должно говорить, или дѣлать. При-мѣры:

„Боже мой! что мнѣ прежде дѣлать? „оплакивать человѣческую ли слѣпоту, или

„самую добродѣтель, которая въ мнѣніи чело-
„вѣческомъ столь низка и поверженна?“

(*Платонъ* М. Московскій.)

„Я проповѣдую Спасителя смиреннаго и „убогаго, но проповѣдую Его великимъ и бо-„гатымъ міра сего Чтожъ скажу я имъ „Господи! и какія слова употреблю для пред-„ставленія имъ таинства Твоего смиренія и „убожества? Сказать ли имъ: не бойтеся? „Это бы значило обманывать ихъ въ томъ „состояніи, въ какомъ я ихъ воображаю. Ска-„зать ли имъ: бойтеся? удалюся отъ духа „Тайны, прославляемой днесь нами, и отъ „тѣхъ утѣшительныхъ мыслей, какія она „вдыхаетъ и должна вдыхать величайшимъ „грѣшникамъ. Сказать ли имъ: сѣтуйте? те-„перь всѣ Христіане радуются. Сказать ли: „утѣшьтесь? при созерцаніи Спасителя, осуж-„дающаго всѣ ихъ правила, они имѣютъ мно-„гія причины сѣтовать. Скажу имъ, Боже „мой, и то и другое; и тѣмъ исполню долж-„ность, которую Ты возлагаешь на меня: „скажу имъ: скорбите, утѣшайтесь; ибо я „провозглашаю вамъ вѣсть, которая для васъ „причиною страха и вмѣстѣ радости.“

(*Бурдалу* въ словѣ на день Р. Х.)

Святый *Амвросій*, говоря одной дѣвицѣ, впадшей въ распутство, живо изображаетъ, колико онъ скорбитъ объ ономъ—недоумѣвая, что прежде надлежитъ ему описать.

„Съ чего мнѣ начать? что сказать преж-„де? что послѣ? представить ли тѣ блага, „которыхъ ты лишилась? или оплакать тѣ „нещастія, какимъ ты подверглась? Была

„ты лоза въ раю Божіемъ, слѣдовательно ме-
„жду цвѣтами Церкви; была невѣстою Христо-
„вою, была жилищемъ Святаго Духа, и сколь-
„ко разъ скажу я, была, столько разъ должна
„ты возрыдать; ибо ты уже не то, что
„была, и проч.“

Сомнѣніе производитъ весьма хорошее дѣйствіе въ словѣ, когда Ораторъ, влекомый своею матеріею, принужденъ бываетъ дѣлать изобличенія своимъ слушателямъ. Поелику нужно ему внушить имъ, что вообще о ихъ чувствованіяхъ онъ думаетъ хорошо, то не иначе долженъ укорять ихъ проступки, какъ только сомнѣніемъ.

Не меньшую пользу приноситъ сія фигура и тогда, когда Ораторъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ изъявляетъ, что величество священнаго мѣста, высокость матеріи, собраніе просвѣщенныхъ слушателей вселяютъ въ него страхъ и едва позволяютъ ему говорить. Сія благоговѣйная боязнь, сія скромность, могутъ производить къ его добру весьма выгодныя мнѣнія, которыя онъ въ пользу свою обращать долженъ.

Можно замѣтить, что сомнѣніе не мало походитъ на сообщеніе тѣмъ, что Ораторъ въ нерѣшимости по видимому требуетъ совѣта у своихъ слушателей, которую сторону принять онъ долженъ, и проситъ ихъ утвердить на какомъ нибудь предметѣ бродящее его воображеніе.

XI. О Заимословіи

Заимословіе (Prosopopoeia) отверзаетъ

гробы, воскрешаетъ мертвыхъ, заставляетъ говорить небо, землю, всѣ существа дѣйствительныя, отвлеченныя, мнимыя. Оно есть блистательнѣйшее украшеніе краснорѣчія. Но сія столь живая, столь великолѣпная фигура можетъ употребляема быть только въ великихъ страстяхъ, то есть, когда матерія требуетъ того, чтобъ Ораторъ показалъ пылкость и *страстность*. Она находится въ премногихъ мѣстахъ книгъ пророческихъ. Вотъ одинъ прекрасный примѣръ!

Пророкъ *Исаїя*, предсказавшій Іудеямъ возвращеніе ихъ изъ Вавилона и казнь побѣдителя, державшаго ихъ въ плѣну, вдругъ дѣлаетъ ихъ самихъ говорящими, и влагаетъ имъ во уста слѣдующія слова, которыя въ восторгѣ радости и удивленія будутъ они пѣть противъ Царя Вавилонскаго, коего паденіе увидятъ:

Вся земля вопїетъ съ веселїемъ, и древа Ливанова возвеселишася о Тебѣ, и кедръ Ливанскїй: отнелѣже ты уснулъ еси, не взыде посѣкаяй насъ.

Адъ долѣ огорчися, срѣтъ тя, восташа съ тобою вси исполини, обладавшїи землею, подвизавшїи отъ престоловъ своихъ всѣхъ царей языческихъ.

Вси отвѣщаютъ, и рекутъ тебѣ: и ты плѣненъ еси, якоже и мы; и въ насъ вмѣненъ еси.

Сниде слава твоя во адъ, многое веселїе твое: подъ тобою постелютъ гнилость, и покровъ твой червь.

Како спаде съ небесе денница, восходящая заутра? сокрушися на земли посылаяй ко всѣмъ языкомъ.

Ты же рекль еси во умѣ твоемъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу.

Взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему.

Нынѣ же во адъ снидеши, и во основанія земли.

Видѣвшіи Тя, удивятся о тебѣ, и рекутъ: сей человѣкъ раздражаяй землю, потрясаяй Цари.

Положивый вселенную всю пусту, и грады ея разсыпа, плѣненныхъ не разрѣши.

Вси Царіе языковъ успоша въ чести, кійждо въ дому своемь:

Ты же повержень будеши въ горахъ, яко мертвецъ мерзскій со многими мертвецы, изсѣчеными мечемъ, сходящими во адъ.

Якоже риза въ крови намочена не будетъ чиста, такожде и ты не будеши чистъ: зане землю мою погубилъ еси, и люди моя избиль еси: не пребудеши въ вѣчное время, сѣмя злое.

Уготови чада твоя на убіеніе грѣхами отца твоего, да не востанутъ и наслѣдятъ землю, и наполнятъ землю ратьми. (Гл. 14.)

Сколько здѣсь изображеній, сколько фигуръ! Здѣсь слышны поочередно говорящіе кедры Ливанскіе, тѣни мертвыхъ, Іудеи и Царь Вавилонскій.

Не льзя безъ удовольствія читать слѣдующихъ трогательныхъ заимсловій, которыми оканчиваются надгробныя слова знаменитыхъ Ораторовъ.

,,О когда бы сія успшая раба Господня ,,могла сама подать вамъ увѣщаніе! Она бы ,,вамъ сказала: не плачите о мнѣ. Богъ избавилъ меня по Своей милости отъ нещастій

„смертной жизни. Плачите о себѣ вы живущіе „въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ вседневно видятъ, сносятъ и дѣлаютъ много зла. Познайте во мнѣ тлѣнность величія человѣческаго. Пусть украшаютъ васъ цвѣтами, „пусть соплетаютъ вамъ вѣнки, сіи цвѣты „покажутъ свою доброту изсыхая на вашемъ „гробѣ. Пусть имя ваше написано будетъ во „всѣхъ сочиненіяхъ, которыя тщеславіе человѣческаго ума хочетъ содѣлать безсмертными: какъ я сожалѣю о васъ, естьли оно не „написано въ книгѣ живота! Пусть Цари земные уважаютъ васъ, для васъ нужно только „то, чтобъ Богъ принялъ васъ въ вѣчные Свои „кровы. Пусть всѣхъ людей языки хвалятъ „васъ, горе вамъ, естьли вы на небесахъ не „будете хвалить Бога со Ангелами Его! Не „теряйте сихъ минутъ жизни, которыя могутъ стоить вамъ блаженной вѣчности.“

(*Флешьеръ* въ надгр. словѣ Герцогинѣ *Монтозьеръ*.)

„Блаженная *Наталія* прешла въ жилища „радостей . . . Она днесь, осіянная славою свѣта немерцающаго, се глаголетъ къ намъ: „престаните отъ слезъ; не плачемъ, но сорадованіемъ и привѣтствіемъ почтите мой „покой. Прославте вѣру вашу несумнительнымъ увѣреніемъ о блаженствѣ моемъ: мнѣ „открыты уже книги вѣчныхъ судебъ; въ „нихъ созерцаю, яко и тлѣнное сіе тѣло мое „паки со мною соединится нетлѣнное и прославленное. Дражайшій супругъ! будь столько „щастливъ на земли, сколько я блаженна на „небеси.“

(*Платонъ* М. Московскій.)

Слѣдующее послѣднее заимословіе состоитъ изъ пріятнѣйшаго противоположенія.

„Убойтеся страха Господня, послушайте „гласа вашего пастыря, изъ гроба сего со у„миленіемъ къ вамъ вопіющаго. Людіе, вопіетъ „онъ, паствы моея, что сотворихъ вамъ, яко „тако ожесточисте на мя сердца ваша! сего „ли я отъ васъ ожидалъ воздаянія? людіе па„ствы моея, что сотворихъ вамъ? Я васъ лю„билъ, а вы мнѣ отвѣтствовали ненавистію „и злобою. Я полагалъ за васъ свою душу, а „вы сочли меня своимъ недоброжелателемъ и „злодѣемъ. Я старался освобождать васъ отъ „оковъ заблужденій, паче же же суевѣрія, а вы „поставили меня невѣрнымъ. Я всевозможную „ревность оказывалъ въ созиданіи храмовъ „Божіихъ, то въ возобновленіи, то въ на„писаніи иконъ святыхъ, а вы назвали меня „иконоборцемъ. Я обществу и Самодержавной „Власти, сколько силъ моихъ на то доста„вало, усердствовалъ и служилъ, а вы, о пра„восудный Боже! вы признали меня измѣнни„комъ. Я прилагалъ попеченіе предохранять „вашу жизнь отъ видимыя опасности, а вы „мою отняли у меня мучительски. Я во всемъ „со благодушіемъ васъ прощаю, а вы кленете „и осуждаете меня на вѣки. Людіе паствы „моея, что сотворихъ вамъ? Пусть я и по„грѣшилъ, можетъ быть, въ чемъ ни есть „предъ вами, но мы всѣ люди, подвержены „немощамъ."

(*Амвросій* М. Новгородскій.)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О

ПОДРАЖАНІИ.

Подражаніе состоитъ въ томъ, что Ораторъ или другій кто почерпаетъ изъ сочиненій какого нибудь Автора изображенія, мысли, чувствованія, которыя употребляетъ либо приближаясь къ подлиннику, либо превышая оный. Польза сея методы давно доказана опытомъ. Великіе мужи, которыхъ твореніямъ мы удивляемся нынѣ, не стыдились подражать своимъ предшественникамъ; всѣ образовались въ школѣ древнихъ. *Боало* обязанъ *Горацію, Квинтиліану, Цицерону* основательнымъ и вѣрнымъ вкусомъ, который его самаго содѣлалъ образцемъ. *Расинъ* изъ тѣхъ же источниковъ почерпнулъ часть пріятностей удивительнаго стиля, которыхъ, кажется нашелъ онъ всю тайну. *Эврипидъ* и *Софоклъ* были его руководителями. Наконецъ, вотъ примѣръ не менѣе знаменитый, но можетъ быть достойнѣйшій замѣчанія! Увѣряютъ, что *Боссюэтъ* читалъ *Гомера* на Греческомъ языкѣ всякой разъ, когда ему надобно было писать надгробное слово. Сіе чтеніе равняло стиль его съ высокостію матеріи, и сіе-то есть, какъ онъ самъ называлъ, зажигать свой свѣтильникъ отъ лучей солнца.

Но не довольно знать польза подражанія, надлежитъ еще вѣдать, какія должно наблюдать правила, чтобы получать отъ онаго тѣ выгоды, кои оно доставлять можетъ.

Вопервыхъ, надобно избирать для себя хорошій образецъ. Весьма легко обмануться опасными руководителями; нужна проницательность, чтобы отъ оныхъ различать тѣхъ, которымъ должно ввѣряться.

Не надобно такъ привязываться къ превосходному образцу, чтобъ онъ одинъ руководствовалъ насъ, и отвратилъ бы отъ всѣхъ другихъ писателей. Должно по примѣру трудолюбивой пчелы летать во всѣ мѣста, и пользоваться сокомъ со всѣхъ цвѣтовъ.

Не менѣе также нужна разборчивость для того, чтобъ изъ выбранныхъ образцовъ заимствовать то, чему должно подражать. Въ самыхъ лучшихъ писателяхъ не все въ равномъ степени хорошо, и все хорошее не во всякое время и не во всякомъ мѣстѣ равно пристойно.

Наконецъ, что важнѣе, не довольно хорошо избирать, должно дѣлать подражаніе важно, благородно и вольно. Хорошее подражаніе всегда есть изобрѣтеніе. Надобно, такъ сказать, претворяться въ свой образецъ, украшать его мысли, и своимъ оборотомъ себѣ присвоивать оныя, обогащать заимствуемое отъ него, и оставлять ему то, чего украсить не льзя. *Малгербъ*, на примѣръ, научаетъ насъ, какъ можно обогащать мысль другаго, слѣдующимъ изображеніемъ, подъ которымъ онъ представляетъ извѣстный стихъ *Горація:* Pallida mors aequo pulsat pede pavperum tabernas regumque turres.

„Нищій въ своей хижинѣ, покрытой соло„мою, подчиненъ законамъ ея; и стража,

„стоящая у ограды Дворца, не защищаетъ „отъ нея нашихъ Королей.“

Массильїонъ въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ своего слова *о человѣколюбїи великихъ людей* показываетъ, какъ должно подражать, когда пишешь въ родѣ различномъ отъ своего образца.

„Ахъ! естьли бы позволялось быть иногда „мрачнымъ, своенравымъ, печальнымъ, въ тя„гость другимъ и себѣ самому, то надлежало „бы относить это къ тѣмъ нещастнымъ, „которыхъ окружаютъ бѣдность, нещастія, „домашнія нужды и всѣ скучнѣйшія заботы. „Они извинительнѣе, естьли уже въ самомъ „сердцѣ, нося печаль, горесть и часто отчая„ніе, обнаруживаютъ то нѣкоторыми зна„ками. Но пристойно ли великимъ людямъ, ща„стливцамъ міра сего, которымъ все благо„пріятствуетъ, и которыхъ повсюду сопро„вождаютъ радости и удовольствія, пристой„но ли имъ находить въ самомъ своемъ благо„получіи нѣкое право, которое бы извиняло „странныя ихъ печали и прихоти? Позволи„тельно ли имъ быть скучными, безпокой„ными и неприступными, потому что они „щастливы? Должно ли имъ почитать какъ „бы правомъ присвоеннымъ щастію то, чтобъ „еще обременять тягостію своего своенравія „нещастныхъ, которые уже стонутъ подъ „игомъ ихъ власти и могущества?“

Пусть всякой сравнитъ сіе трогательное мѣсто съ тѣмъ, что говоритъ *Юнія* въ Расиновой трагедіи *Британникъ*, и увидишь, что *Массильїонъ* пораженъ былъ чтеніемъ словъ ея. Сущность мысли таже, но Ораторъ сдѣлался

авторомъ оныя. Обороты и выраженія его. Вотъ упомянутое мѣсто изъ *Расина!*

„Все, что ты видишь, споспѣшествуетъ „твоимъ желаніямъ. Твои дни всегда свѣтлы, „текутъ въ удовольствіяхъ; царствованіе „есть для тебя неизчерпаемый источникъ „оныхъ. Естьли какая нибудь печаль пресѣ„каетъ теченіе ихъ, то вся вселенная, пеку„щаяся о непрерывности ихъ, тщится изгла„дить оную изъ твоей памяти. *Британникъ* „однн. Какая бы скорбь ни угнѣтала его, „онъ въ своемъ положеніи видитъ меня толь„ко участвующую въ оной, и вмѣсто всякаго „удовольствія, Государь имѣетъ однѣ слезы, „которыя иногда даютъ ему забыть свои не„щастія.“

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что подражаніе, происходящее отъ непрестаннаго чтенія хорошихъ подлинниковъ, развиваетъ воображеніе, даетъ вкусъ, распространяетъ умъ и усовершаетъ дарованія; что мы не должны стыдиться совѣтоваться съ искусными руководителями, слѣдовать складу ихъ, присвоивать себѣ, нѣкоторымъ образомъ, ихъ богатства, лишь бы только мы дѣлали это съ довольнымъ умѣніемъ, дабы насъ не обвиняли въ выписываніи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О

ОРАТОРСКОМЪ ДѢЙСТВОВАНІИ.

Вотще Ораторъ получилъ отъ природы щасливый даръ убѣждать и трогать; вотще усовершилъ онъ свой талантъ изученіемъ правилъ, естьли онъ не умѣетъ привлекать вниманіе слушателя сказываніемъ непринужденнымъ, произношеніемъ чистымъ, тономъ голоса выразительнымъ, тѣлодвиженіемъ надлежащимъ и брагопристойнымъ; рѣчи его не столь дѣйствительны, слушатель не столь живо можетъ чувствовать достоинство оныхъ. Съ холодностію и разсѣяніемъ мыслей слушаютъ то, что произносится непріятно и съ нѣкоторымъ трудомъ или принужденностію.

И такъ Ораторъ, желающій совершать съ похвалою подвигъ краснорѣчія и не лишаться плода своихъ трудовъ, долженъ не только съ раченіемъ учить то, что онъ обязанъ говорить предъ публикою, но еще особенно знать и то, что можетъ благопристойно управлять его голосомъ и тѣлодвиженіемъ. Постараемся представить здѣсь важнѣйшія славныхъ Витій примѣчанія на сіи различныя задачи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

ПАМЯТИ.

Для успѣха рѣчи, которую надлежитъ произнести предъ публикою, нѣтъ ничего нужнѣе памяти. Слово твердо выученное кажется хорошимъ, хотя оно посредственно, и естьли оно хорошо, то кажется превосходнымъ.

Нѣтъ недостатка, который бы болѣе поражалъ и болѣе утомлялъ слушателя, какъ недостатокъ памяти. Онъ терпитъ все то безпокойство, какое проповѣдникъ своимъ нерадѣніемъ себѣ причиняетъ.

Проповѣдникъ, полѣнившійся выучить слово наизусть, весьма дорого платитъ за удовольствіе своей лѣности. Жалостна участь Оратора запинающагося. Принужденъ будучи думать все о томъ, что надобно говорить, онъ никогда не думаетъ о томъ, что говоритъ.

Измѣняющая память препятствуетъ дѣйствованію, и отнимаетъ гибкость голоса. Вольность судебнаго Оратора посрамляетъ таковую связанность Оратора священнаго. Щастливъ тотъ, кто предаясь жару своей ревности, можетъ говорить всегда съ похвалою!

По многимъ причинамъ опасно полагаться на свою способность. Можно придти въ такое безсиліе, что воображеніе разгорячится. Всякой зависитъ отъ своего нрава, отъ своего

здоровья, отъ времени. Естьли все это не благопріятствуетъ, то не льзя удовольствовать самаго себя, кольми паче другихъ.

И такъ, чтобы говорить правильно и ровно, надобно учить наизусть; сей трудъ служитъ къ пользѣ рѣчи. Ораторъ при каждомъ повтореніи оной придаетъ ей какое нибудь новое совершенство. Естьлижь онъ увольняетъ себя отъ этой тягости, то подвергается многимъ погрѣшностямъ, а особливо неровности.

Выучиваніе наизусть имѣетъ еще ту пользу, что память наполняется выраженіями, оборотами, выраженными мыслями, которыя удобно приходятъ, когда надобно говорить скоро.

Несправедливо думаютъ, что сія необходимость ослабляетъ ревность; чѣмъ лучше Ораторъ знаетъ свою матерію, тѣмъ легче ему оживлять оную. Онъ говоритъ сокращеннѣе, вѣрнѣе, убѣдительнѣе. Произношеніе слова хорошо выученнаго плѣняетъ слушателей; оно болѣе скрываетъ искусство сочиненія, которое потому кажется натуральнѣе.

Ораторъ, уча наизусть свое слово, находитъ приличныя выраженія, которыя рѣдко попадаются въ жару дѣйствованія. Сверьхъ того нѣтъ времени видѣть слабыя мѣста того, что говоритъ на удачу съ поспѣшностью, и получать отвращеніе къ онымъ (*).

(*) При чтеніи сихъ правилъ надобно вспомнить, что Французскіе проповѣдники никогда не читаютъ проповѣдей своихъ по тетрадкамъ, и даже не кладутъ оныхъ на каѳедрахъ

Естьли слово точно и совершенно, то оно тверже впечатлѣвается въ памяти. Надобно быть довольну своимъ сочиненіемъ, чтобъ рѣшиться выучить оное. Умъ человѣка отвращается того, что не удовлетворяетъ ему, и весьма неохотно опять къ тому приступаетъ.

Особливо должно хорошо учить подробности; они не такъ удобно приходятъ на память, какъ основанія, и всякой можетъ судить о нихъ. Все то, что мы знаемъ совершенно, говоримъ съ важною вольностію, и кто владѣетъ своимъ умомъ, тотъ плѣняетъ умы и другихъ.

Когда говорящему слово приходитъ забвеніе, то лучше ему вставлять какія нибудь хотя неправильныя выраженія, нежели останавливаться. Сія остановка производитъ весьма непріятное дѣйствіе, и непремѣнно смущаетъ Оратора. Ему кажется, что нетерпѣливый слушатель требуетъ у него отчета въ его молчаніи; онъ стыдится и краснѣетъ; но естьли онъ продолжаетъ махинально, то ищетъ въ сіе время прервавшейся нити, и удобно опять ее связываетъ. Наибольшая часть слушателей того не примѣчаютъ. Примѣчающіе же то, будучи просвѣщенны и снисходительны, не только ему прощаютъ, но еще весьма благодарятъ, что онъ симъ невиннымъ средствомъ перешелъ столь трудную стезю.

Память есть такій даръ природы, въ которомъ искусство мало имѣетъ участія. Къ усовершенію ея нѣтъ инаго средства,

кромѣ упражненія. Но какую методу принять тогда должно?

По моему мнѣнію, лучшій способъ хорошо выучить свое слово есть тотъ, чтобъ каждый день вытверживать двѣ страницы онаго *въ четвертку*, читать ихъ громко, и поступать съ собою столь строго, что не позволять себѣ ни перестановки словъ, ни другаго оборота выраженій, нежели какой написанъ на тетрадкѣ. Посредствомъ сего вниманія пріучаютъ память быть мѣстною. Вотъ что еще можетъ принести ей сію пользу! Надобно лучше учить съ той бумаги, на которой сочинено слово, и на коей есть помарки, нежели съ бѣлой, гдѣ оно написано начисто. Но какимъ образомъ, скажетъ кто нибудь, память лучше можетъ оживляться среди множества неудоборазбираемыхъ мѣстъ, нежели на бумагѣ чистой и невычерненной? Посредствомъ сихъ-то самыхъ неудоборазбираемыхъ мѣстъ: они подкрѣпляютъ память и острятъ ее. Воспоминаніе помарокъ усиливаетъ внимательность, онѣ служатъ поощреніемъ, когда она ослабѣваетъ; и такъ наши погрѣшности обращаются въ пользу нашему таланту. Тетрадь вездѣ исправная представляетъ памяти опасное единообразіе, по причинѣ котораго она можетъ смѣшивать строки одной страницы съ строками страницы слѣдующей, и часто на одномъ листѣ.

Надобно ли учить отъ слова до слова? Совѣтую; иначе жаръ твой ослабѣетъ весьма скоро, и всю рѣчь выучишь очень худо. Но сильнѣйшее побужденіе къ исполненію сего

закона, хотя весьма строгаго, есть то, что многіе во время сказыванія, опуская нѣкоторыя слова, заблуждаются, и не могутъ опять найти своей дороги; гармонія прерывается, и раздраженный слухъ производитъ недостатокъ голоса.

Наконецъ, я думаю, что, дабы хорошо выучить свое слово, голова должна быть свободна отъ дѣлъ и заботъ, иначе Ораторъ напрасно утомляетъ себя; память требуетъ присутствія другихъ способностей, которыя впрочемъ она, кажется, мало употребляетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ
О
ГОЛОСѢ.

Благородная, ровная и приличная разсуждаемой матеріи декламація приноситъ слѣдующія пользы: она дѣлаетъ видными красоты слова, скрываетъ недостатки онаго, и привлекаетъ вниманіе слушателя. Но чтобы производить сіи важныя дѣйствія, двѣ вещи необходимо нужны: хорошо произносить, и умѣть кстати перемѣнять разные тоны голоса.

Произношеніе есть столь важное качество Оратора, что *Демосѳенъ* не сумнѣвался называть оное первою, второю и третьею частію краснорѣчія.

Требуется 1-е, чтобъ оно было чисто. Для сего должно говорить не громко, раздѣлять

тоны, выдерживать последніе слоги, отделять реченія, склады, а иногда и нѣкоторыя буквы, кои могуть смѣшаться либо произвести удареніемъ дурный звукъ; останавливаться на точкахъ и запятыхъ, и вездѣ, гдѣ смыслъ и чистота того требуютъ. 2-е. Произношеніе должно быть свободно и плавно. Естьли Оратору тяжело, то и слушатель отягощается. 3-е. Оно должно быть величественно, безъ напряженія; точный выговоръ и пріятный тонъ голоса производятъ сіе величество.

Но не довольно того, чтобъ произношеніе было чисто, раздѣльно и легко; надобно еще принимать тонъ приличный матеріи. А сего нѣтъ ничего легче для Оратора, естьли онъ живо то чувствуетъ, что долженъ говорить. Голосъ натурально принимаетъ измѣненія, служащія къ изображенію предмета, когда сердце занято онымъ (*).

Не только каждая часть слова, но и страсти въ ономъ изображаемыя, фигуры употребляемыя Ораторомъ имѣютъ свой собственный языкъ и тонъ приличный своимъ изображеніямъ. Разберемъ сіе подробно.

Приступъ требуетъ тона простаго, ровнаго, всегда учтиваго, а иногда и боязливаго. Причина тому весьма извѣстна: тогда Оратору надлежитъ приготовлять умъ слушателя къ матеріи, о которой онъ говорить хочетъ, и привлекать его благосклонность и вниманіе.

(*) Vox est mentis index et velut exemplar, ac totidem quot illa, mutationes habet. *Quintilianus.*

Предложенiе и *Раздѣленiе* должно произносить тономъ яснымъ, смѣлымъ, безъ движенiя, съ нѣкоторою даже медленностiю, чтобы слушатель могъ раздѣльно видѣть и какбы схватывать тѣ предметы, на которыхъ Ораторъ хочетъ утвердить его вниманiе, и которые составляютъ матерiю слова.

Повѣствованiе есть либо простое, либо страстное. Въ одномъ Ораторъ только открываетъ какое нибудь дѣйствiе; въ другомъ предполагаетъ тронуть слушателя. Въ обоихъ сихъ случаяхъ свойство матерiи должно учреждать благопристойность тоновъ. Естьли повѣствованiе просто, то оно требуетъ нѣсколько большей возвышенности голоса, нежели домашнiй разговоръ, но всегда тона ровнаго, перемѣняемаго только нѣкоторыми тихими извитiями, служащими къ раздѣленiю временъ, мѣстъ, лицъ, и проч. Естьли оно страстное, тоны должны быть сообразны изъясняемымъ чувствованiямъ, потребна большая или меньшая скорость въ произношенiи, большее или меньшее возвышенiе голоса, по свойству тѣхъ страстей, какiя Ораторъ возбуждать тщится.

Доказательство требуетъ важности въ изъясненiи началъ, служащихъ ему основанiемъ, силы и возвышенiя голоса для примѣненiя сихъ началъ къ индукцiямъ, изъ оныхъ выводимымъ, или къ гипотезамъ, къ нимъ прилагаемымъ.

Изображенiя и подробности требуютъ живости и даже скорости. Естьли Оратору надобно дѣлать въ оныхъ нѣкоторыя

отступленія, то сіи по большой части долженъ онъ произносить медленно, тихо и плавно.

Заключеніе состоитъ либо въ краткомъ повтореніи всего того, что Ораторъ приводилъ и доказывалъ въ словѣ, либо въ томъ, что онъ предполагаетъ въ сію минуту увлечь, покорить умы слушателей какими нибудь поразительными чертами. Въ первомъ случаѣ, думаю я съ *Квинтиліаномъ*, произношеніе должно быть скорое и непрерываемое. Epilogus si enumerationem habet rerum, desiderat quamdam concisorum continuationem. Во второмъ, Ораторъ долженъ употреблять тоны свойственные патетическимъ изображеніямъ, и соразмѣрные тѣмъ страстямъ, какія возбудить ему нужно или желательно.

Каждая страсть имѣетъ свой особенный выговоръ, такъ какъ особенный образъ поражать душу. На примѣръ:

Тонъ нѣсколько глухій, томный, прерываемый вздохами и стенаніями, означаетъ *уныніе, печаль*. Крайняя печаль требуетъ тона удрученнаго, голоса пресѣкающагося, то живаго, то умирающаго. Разстройство, смятеніе души открываются произношеніемъ.

Въ *Негодованіи* произношеніе должно быть одушевленное, голосъ сильный, и иногда тонъ ироническій.

Тонъ мужественный, произношеніе поспѣшное сопровождаютъ *гнѣвъ*.

Въ *удивленіи* бываетъ тонъ твердый и величественный, голосъ пріятный и важный, произношеніе благородное и безъ всякой надутости, а иногда простое и нѣжное.

Изумленіе и *Ужасъ* изъявляются громкимъ возглашеніемъ. Это вопль природы, долженствующій быть перемѣннымъ, потому что различны причины производящія оной. Потребно великое искусство, чтобы онъ былъ весьма дѣйствителенъ, не преставая быть натуральнымъ. Аббатъ *Пулль*, приводя въ одномъ словѣ 35-й стихъ 36-го псалма, произнесъ тономъ удивленія: *Видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскіе;* сему слову, *и мимоидохъ*, далъ тонъ простый; далѣе съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ сказалъ, *и се не бѣ;* и вдругъ съ тѣлодвиженіемъ и тономъ величайшаго изумленія вскричалъ: *и се не бѣ!* Сія противоположность чрезвычайно поразила слушателей.

Поелику *фигуры* суть извѣстные обороты выраженій и мыслей, которые не употребляются какъ что нибудь обыкновенное, то также надлежитъ произносить оныя различнымъ образомъ, для сохраненія того, что онѣ имѣютъ высокаго, сильнаго или пріятнаго.

Какъ *Антитетонъ* состоитъ въ противоположеніи мыслей, или членовъ какого нибудь изреченія, то произношеніе должно давать чувствовать сію противоположность, требующую непремѣнно двухъ разныхъ тоновъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть возвышеннѣе другаго. Напримѣръ, въ семъ изреченіи Святаго *Павла:*

„*Укоряеми, благословляемъ; гоними, терпимъ; хулимы, утѣшаемся:*

Должно возвышать голосъ произнося, *укоряеми*, и унижать выговаривая, *благословляемъ*.

Тонъ *Ироніи* столь же, можетъ быть, трудно дѣлать хорошо, какъ и самую сію фигуру хорошо сочинять, ибо онъ долженъ быть натуральнымъ изображеніемъ вещи, и притомъ такъ, чтобъ сквозь прозрачный цвѣтъ его можно было проникать и усматривать расположеніе души. Она требуетъ голоса твердаго, съ тономъ презрительнымъ и насмѣшливымъ.

Вопрошенія, одно за другимъ слѣдующія, требуютъ произношенія усиливающагося, тона высокаго, но не гремящаго, такого, который бы по малу возвышался при началѣ каждой мысли, какъ на примѣръ, въ слѣдующей молитвѣ Сына Божія ко Отцу, у *Мильтона*.

„О Отче мой! возможно ли человѣку по„гибнуть невозвратно? Послѣднее и любез„нѣйшее изъ Твоихъ созданій, погибнетъ ли „прельщенно злобою постороннею, хотя тому „помогло и собственное его безуміе? Да не „будетъ въ Тебѣ, Отче мой! такое произво„леніе. Ты Судія Твоихъ тварей, и всегда пра„вильно судишь. Не уже ли врагъ Твой полу„читъ такимъ образомъ умышленный свой „конецъ, и опровержетъ Твои намѣренія? Не „уже ли утолитъ злобу свою, и уничтожитъ „Твою благость? Возвратится ли съ великою „корыстію отъ человѣка, и гордяся своимъ „мщеніемъ? Повлечетъ ли за собою во адъ все „племя Адамово, поврежденное хитростію его? „Восхощешь ли Ты истребить Свое твореніе, „и сокрушить по ненависти къ своему про„тивнику то, что создалъ Ты для самаго

„себя? Сіе противно Твоему величеству и
„благости.“

Въ *Отвѣтствованіи* одинъ тонъ надлежитъ давать вопросу, а другой отвѣту, и обыкновенно тонъ вопроса возвышеннѣе нежели тонъ отвѣта. Примѣръ:

Чесо изыдосте видѣти? человѣка ли въ мягки ризы облеченна? Се, иже мягкая носящіи, въ домѣхъ царскихъ суть. Но чесо изыдосте видѣти? Пророка ли? Ей глаголю вамъ, и лишше пророка. Матѳ. гл. 11, ст. 8 и 9.

Увѣщаніе, кажется, требуетъ голоса сильнаго, мужественнаго и одушевленнаго, дабы патетическія мысли, содержащіяся въ ономъ, были дѣйствительнѣе.

Въ *Умоленіи* голосъ долженъ быть живъ, но нѣженъ и трогателенъ.

Въ *Наращеніи* тонъ постепенно возвышается, и надобно стараться произносить сильнѣе первое слово каждаго члена изреченія.

Въ *Повтореніи* слова повторяемыя произносятся съ большею силою, нежели другія.

Вотъ примѣчанія, какія вообще можно дѣлать на образъ произношенія разныхъ частей, составляющихъ слово! Впрочемъ правила суть ничто, естьли Ораторъ имѣетъ недостатокъ во вкусѣ, и естьли онъ слабо то чувствуетъ, что говоритъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О ТѢЛОДВИЖЕНІИ.

Не довольно того, чтобы Ораторъ хорошо выучивалъ свои рѣчи, чтобъ вѣрная память вдыхала въ него смѣлость, чтобъ его чистое, пріятное и благоразумно перемѣняемое произношеніе услаждало уши слушателей; потребно еще, чтобъ тѣлодвиженіе (gestus) натуральное, выразительное и пристойное сопровождало слова его, и представляло очамъ разныя чувствованія его сердца.

Дабы успѣть въ сей важной части, о трехъ наипаче вещахъ долженъ онъ особенно разсуждать: 1-е. Какой видъ и осанку имѣть ему прилично; 2-е. Какъ надобно дѣйствовать глазами и руками. 3-е. Какія погрѣшности могутъ дѣлать тѣлодвиженіе безполезнымъ и смѣшнымъ.

I. О видѣ и осанкѣ, приличныхъ Оратору.

Наружность приличнѣйшая священному Оратору есть та, которая даетъ другимъ чувствовать высокость Евангельскаго служенія. Видъ простый и постоянный, позиція благопристойная, нѣкоторый благочестивый страхъ, изображающійся во всей его осанкѣ, напоминаютъ важность его должности, и привлекаютъ къ нему слушателей.

Наружность весьма казистая можетъ вредить священнослуженію; она болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Естьли слушатель

пораженъ ею, то онъ забываетъ пославшаго, и занимается только посланнымъ. Слово Божіе должно слушать, не смотря на то, что есть человѣческое.

Пристойно Оратору быть нѣсколько боязливымъ: боязливость не бываетъ безъ скромности, а скромность возвышаетъ блескъ дарованія. Лучше, по моему мнѣнію, трепетать предъ слушателемъ, нежели гордиться предъ нимъ. Славнѣйшіе витіи всегда говорили предъ публикою съ нѣкоторымъ страхомъ.

Не неприлична впрочемъ и умѣренная смѣлость, когда она въ продолженіи слова непримѣтно возрастаетъ, съ пріумноженіемъ ревности и жара дѣйствованія.

На священной каѳедрѣ видъ пріятный не имѣетъ мѣста, а особливо подъ одеждою смиренія и покаянія. Притворная кротость также на оной не пристойна. Важность или по крайней мѣрѣ степенность должна быть первымъ характеромъ проповѣдника, такъ какъ крестъ есть первое украшеніе храма.

Неподвижность всего тѣла дѣлаетъ проповѣданіе холоднымъ и скучнымъ, а весьма великая движимость не пристойна; должно искать средины между сими двумя крайностями.

Голову не должно ни слишкомъ поднимать, и какъ бы закидывать назадъ, ни держать ее небрежно далѣе своего стана, ни повѣшивать на одну сторону, но она прямо и учтиво должна обращена быть къ слушателю. Ея разныя движенія, сопровождаемыя движеніемъ рукъ, удивительно способствуютъ изображенію различныхъ страстей, естьли

только они не излишны, и не походятъ на непрестанное качаніе. Будучи возвышаема, она удивляется; обращаема на лѣвую сторону, боится, или негодуетъ; на правую, при движеніи лѣвой руки, отвергаетъ, отрѣваетъ и презираетъ; нѣсколько наклоняема, соболѣзнуетъ, проситъ, заклинаетъ, умоляетъ; тверда и неподвижна, утверждаетъ, увѣщаваетъ, постыждаетъ.

II. О Дѣйствованіи глазами и руками.

Глаза весьма живо, сильно и скоро открываютъ движенія души. Такъ устроила природа! Что вѣрнѣе и трогательнѣе изъясняетъ сердечныя чувствія? Въ печали они потуплены или орошены слезами; въ радости блистаютъ или одушевлены усмѣшкою; въ изумленіи неподвижны и смотрятъ пристально; въ удивленіи подняты; въ стыдѣ также потуплены и какъ бы помрачены; въ страхѣ и ужасѣ блуждаются; во гнѣвѣ горятъ и пламенѣютъ; въ негодованіи быстры; въ спокойствіи тихи, однимъ словомъ, столь же перемѣнчивы въ своемъ положеніи, какъ и страсти въ своей натурѣ или въ своихъ дѣйствіяхъ, они часто дѣлаютъ нѣмое изображеніе оныхъ безъ помощи словъ. Но для сего глазъ никогда не долженъ противорѣчить мысли, онъ долженъ имѣть движеніе согласное съ чувствованіями души; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ важность матеріи требуетъ, чтобъ глазъ говорилъ прежде устъ, и чтобъ онъ своими взорами возвѣщалъ то, что уста произносить хотятъ.

По общему почти обыкновенію, Оратору а особливо Оратору священному надлежитъ не много помолчать предъ начатіемъ слова. Это должно быть не для того, говоритъ *Рикбокони*, чтобъ дать время слушателямъ собраться съ мыслями и приготовить ихъ къ слушанію; слушатели, такъ думающіе, и Ораторы, дѣлающіе это съ симъ намѣреніемъ, заблуждаютъ. Сію минуту собиранія мыслей, въ которую Ораторъ закрываетъ глаза, присовокупляетъ тотъ же Писатель, долженъ онъ посвятить на то, чтобъ забыть всю природу, и заняться только своимъ предметомъ.

Признаюсь, что я не совсѣмъ согласенъ на сіе мнѣніе. Проповѣдникъ, закрывающій прежде глаза и стоящій нѣмымъ нѣсколько времени оставляетъ меня въ величайшемъ безстрастіи, и можетъ привесть въ нетерпѣніе. Я лучше хочу видѣть въ глазахъ его и читать на его лицѣ качество той матеріи, о который онъ хочетъ говорить.

Глаза, какъ сказали мы, суть зеркало души; они имѣютъ свой языкъ, должны имѣть свою декламацію: чело есть престолъ всѣхъ страстей, оно не можетъ быть нѣмымъ. Надобно ли глазамъ и челу ожидать конца трехъ или четырехъ періодовъ, и послѣ оныхъ соединять свои изъясненія съ гласомъ устъ? Но, скажутъ мнѣ, начало слова должно быть скромно; Ораторъ въ тѣлодвиженіи, такъ какъ и въ сочиненіи, долженъ оживляться постепенно. Безъ сомнѣнія; но уже ли посему онъ долженъ произносить все начало своего слова съ величайщею холодностію, сложивъ руки и

глаза потупивши? Есть средина между боязливостію и смѣлостію, то есть, видъ благопристойности, разлитый по всей наружности честнаго мужа, и нимало не походящій на видъ замѣшательства.

Дѣйствованіе мышцами и руками столь натурально соединено съ дѣйствованіемъ глазами и лицемъ, и должно быть столь неразлучно съ произношеніемъ, что оно-то у насъ и называется *тѣлодвиженіемъ* (gestus); и въ семъ мы подражаемъ древнимъ.

Сіе движеніе мышцевъ и рукъ должно быть натурально, важно и благородно, должно соотвѣтствовать качеству матерій или обстоятельствъ. Изъ чего слѣдуетъ, что въ приступѣ оно почти не имѣетъ мѣста, то есть, оно не такъ видно, не такъ чисто и не такъ живо, какъ въ другихъ частяхъ слова; въ предложеніи оно весьма просто и состоитъ въ одномъ движеніи руки; въ показаніи основаній умѣренно; въ примѣненіи оныхъ нѣсколько живѣе, въ мѣстахъ патетическихъ напряженно и сильно, но не нагло и буйно; благопристойность не позволяетъ ни въ чемъ удаляться отъ нея. Слово, исполненное чувствовованій и огня, никому не понравится, естьли руки дѣйствовать будутъ слабо и вяло; но не менѣе ли оно противно, ежели дѣйствованіе руками обращается въ непрестанное маханіе?

Сверхъ сихъ главныхъ правилъ есть для рукодвиженія механизмъ, всѣми принятый и употребляемый. 1. Правая рука ходитъ съ лѣвой стороны, и останавливается на правой;

2. Лѣвая рука должна сопровождать правую, а естьли Ораторъ дѣйствуетъ ею одною, то дѣлаетъ это для изображенія презрѣнія, отказа, отвращенія, обращая голову къ другой сторонѣ. 3. Рукъ никогда не должно поднимать выше плечь или глазъ, ни опускать ниже пояса. 4. Мышца вся протягивается только при концѣ періода, либо въ жару чувствованія, и потомъ рука полагается на груди, или на краю каѳедры. 5. Жесту надобно начинаться отъ локтя, а не отъ плечь; запястье должно давать ему надлежащее качество, то возвышеніемъ руки, то опущеніемъ, то горизонтальнымъ обращеніемъ на правую или на лѣвую сторону, то держа оную вровень съ собою. Рука приглашаетъ или отрѣваетъ, принимаетъ или отвергаетъ, увѣряетъ и утверждаетъ, грозитъ или проситъ, измѣряетъ пространство, высоту, глубину, показываетъ мѣста, раздѣляетъ времена, лица, дѣйствія и проч. 6. Правая рука, прилагаема будучи къ желудку, дѣлаетъ движеніе благопристойное, когда Ораторъ говоритъ о себѣ самомъ, или объявляетъ какое нибудь чувствіе сердца. 7. Жестъ долженъ, такъ сказать, идти въ слѣдъ за мыслію и голосомъ, то есть, долженъ начинаться, продолжаться и оканчиваться вмѣстѣ съ ними, не предупреждая ихъ, ни оставаясь назади. Потребно также, чтобъ онъ имѣлъ для глазъ свои приращенія и отдохновенія, такъ какъ мысль имѣетъ оныя для ума, и голосъ для уха. И какъ промежутки между каждымъ періодомъ или мыслію, хотя ощутительны, не составляютъ

впрочемъ виднаго разстоянія, такъ не должно оно быть и въ жестахъ, но надобно, чтобъ жестъ начинающійся былъ какъ бы слѣдствіемъ предшествовавшаго, и рожденіемъ имѣющаго за нимъ слѣдовать. Они должны хранить между собою такое же соотношеніе и такую же связь, какая находится между мыслями.

8. Наконецъ, хотя слово имѣетъ единство, но какъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ есть разнообразіе, такъ равно должно оно быть и въ жестахъ, которые не надобно дѣлать ни весьма рѣдко, ни слишкомъ часто, ни слабо, ни превосходя надлежащую мѣру, они должны быть согласны съ голосомъ и мыслію, дабы Ораторъ въ глазахъ, ушахъ и душѣ слушателей дѣлалъ одинаковыя впечатлѣнія.

III. О Погрѣшностяхъ, могущихъ дѣлать тѣлодвиженіе безполезнымъ и смѣшнымъ.

Слушать природу, послѣдовать ей и украшать ее, вотъ искусство тѣлодвиженія! Все отступающее отъ нея, все принужденное, все, что не въ своемъ мѣстѣ, препятствуетъ успѣху Ораторскаго дѣйствованія, и разрушаетъ оный.

Важнѣйшія погрѣшности, относительно къ глазамъ, суть слѣдующія: говорить закрывши оные, что означаетъ тягостное усиліе нетвердой памяти, или робость; весьма пристально устремлять ихъ на своихъ слушателей, либо останавливаться ими неподвижно на одномъ предметѣ, это наглость или изступленіе. Не должно также показывать ихъ бѣглыми, мигать, поворачивать ихъ,

дѣлая свирѣпый видъ, а особливо изпускать изъ нихъ слезы принужденно; сіе принужденіе произведетъ смѣшныя кривлянья. Но естьли слезы текутъ сами собою, то должно позволять имъ течь. Онѣ суть почти неложные знаки твердой и подлинной сердечной увѣренности, которая скоро въ другихъ произведетъ тѣже впечатлѣнія, какія ощущаетъ Ораторъ. Глазъ долженъ слѣдовать за движеніемъ руки, и, такъ сказать, издали сопровождать оную: естьли, между тѣмъ какъ рука движется или протягивается на одной сторонѣ, онъ отправляетъ свое дѣйствіе съ противоположной стороны, то, изключая время отказа, ужаса и презрѣнія, нѣтъ согласія между сими двумя частями, которыя должны соединяться, чтобы дѣлать одно изъясненіе.

Вотъ еще погрѣшность нѣкоторыхъ Ораторовъ, — морщить лобъ, и нахмуривать брови каждую минуту и безъ причины. Правда, иногда сіи движенія нужны въ декламаціи; бываютъ такія обстоятельства, въ которыхъ душа требуетъ оныхъ, какъ-то въ жару ревности и негодованія: въ другихъ же случаяхъ употреблять оныя, значитъ брать на себя видъ мрачный и человѣконенавистный, который не дѣлаетъ истину любезнѣе. Еще Ораторъ въ осанкѣ своей ничего не долженъ являть забавнаго и непостояннаго, что можетъ лишить его довѣренности другихъ. Притомъ это есть унижать самаго себя, и не имѣть уваженія къ публикѣ. *Цицеронъ* и *Квинтиліанъ* не совѣтуютъ судебному Оратору,

видомъ и жестами уподобляться комедіанту. Сколь сильнѣйшую причину имѣетъ удаляться того Священный Ораторъ! Его краснорѣчіе важнѣе несравненно всякаго другаго, и слѣдовательно требуетъ вящшей благопристойности.

Не надобно ударять въ руки, считать по пальцамъ, и ихъ или кривить, или одинъ отъ другаго чрезмѣрно отдѣлять, или очень сжимать.

Не пристойно указывать на кого нибудь или на какую либо вещь пальцомъ, и показывать слушателямъ сжатые кулаки.

Есть тѣлодвиженія *подражательныя*, которыхъ не надобно позволять себѣ, потому, что ими можно являть непристойность, и показывать себѣ болѣе пантомимомъ, нежели Ораторомъ.

Наконецъ, ничто столь не противно на священной каѳедрѣ, какъ тѣлодвиженіе безчинное. Нѣкоторые Ораторы имѣютъ всегда видъ негодованія, кричатъ, горячатся, кидаются. Такое движеніе ревности весьма не кстати. Все излишнее въ дѣйствованіи Оратора отвращаетъ ту пользу, какую онъ производить долженъ. Духъ Божій спокойнѣе. Запальчивый Ораторъ прерываетъ то величественное молчаніе, которое должно царствовать у ногъ Олтаря, и которое толико прилично священнодѣйствію. Блаженный *Августинъ* говоритъ, что для самой важности краснорѣчія наружность должна быть проста. А сему славному Учителю надлежитъ вѣрить, когда долгъ великихъ Ораторовъ есть предлагать правила слова.

ИЗБРАННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

Священномъ Ораторѣ, яко служителѣ Евангелія.

Проповѣдникъ долженъ писать вразумительно, дабы охотно и съ покорностію слушали его, но въ семъ дѣлѣ можетъ онъ успѣвать болѣе теплыми молитвами, нежели своимъ искуствомъ. Всегда надлежитъ ему за себя и за тѣхъ, коимъ намѣренъ предложить слово, прежде помолиться, а потомъ учить, и въ самый тотъ часъ, когда приступаетъ къ проповѣданію, долженъ прежде, нежели отверзетъ уста свои, возвысить къ Богу жаждущую душу, да источитъ Своимъ слушателямъ то, чѣмъ она напоится, или да изліетъ на нихъ то, чего она исполнится.

(*Август. о Христіанскомъ ученіи.*)

Проповѣдники закономъ обязаны подтверждать жизнію то, что они словами другимъ совѣтуютъ; ибо слова теряютъ свою важность, когда дѣла имъ не соотвѣтствуютъ. *Св. Григор. въ Нравоуч.*

Слушатели охотно пріемлютъ то слово, которое съ горячестію духа Проповѣдникъ произноситъ. Тотъ умѣетъ истинно говорить, кто прежде научился хорошо дѣлать, и сѣмя слова тогда прозябаетъ, когда оно въ сердцѣ слушающаго увлажняется благочестіемъ проповѣдующаго. *Св. Григ. во 2 Бес. на Іезек.*

Уста, сердце и руки Священника Христова должны быть согласны. *Св. Іерон. въ Пис.*

Все, что не назидаетъ слушателей, во вредъ имъ обращается. *Онъ же.*

Кто готовится проповѣдать слово истины, тотъ долженъ заимствовать главныя причины изъ Священнаго Писанія, долженъ всему полагать въ основаніе Божественное Откровеніе, и на ономъ утверждать свои глаголы. *Св. Григ.*

Благочестивые Проповѣдники и бѣгаютъ чести, чтобы міръ не ласкательствовалъ имъ, и желаютъ быть почитаемы, дабы имъ подражали. *Онъ же въ Бес.*

Учащій долженъ весьма остерегаться, чтобъ не говорить больше, нежели сколько слушатель понимаетъ. Долженъ онъ проповѣдать, примѣняясь къ немощи слушающихъ, снисходить оной, ограничивая себя самаго; естьли онъ говоритъ малымъ высокое, и потому неполезное, то тщится болѣе показать себя слушателямъ, нежели принести имъ пользу. (*Онъ же въ нравоуч.*)

Проповѣдникъ долженъ надѣяться не на пышность своихъ словъ, но на честность дѣлъ; долженъ восхищаться не похвальными гласами народа, но плачемъ, ниже ожидать отъ него рукоплесканія. Естьли онъ хочетъ, чтобъ его слушатели испускали стенаніе и слезы, самъ прежде да плачетъ, и тако сокрушеніемъ своего сердца да воспламеняетъ ихъ. *Просперъ.*

Должно распредѣлять проповѣданіе по мѣсту и времени, и качеству мѣстъ; естьли оно будетъ рѣдко, то будетъ неудовлетворительно.

естьли непрерывно, то придетъ въ неуваженіе. *С. Гр. въ Бесѣдѣ.*

Цицеронъ сдѣлалъ изображеніе совершеннаго судебнаго Оратора. Смѣю ли я представить здѣсь начертаніе служителя Божественнаго слова? — Вообрази человѣка, который вознесенъ будучи превыше другихъ, долженъ показывать тономъ своего голоса, огнемъ своихъ очей, величественными чертами своего чела, что онъ говорящій—не простый смертный, что небо отверсто надъ главою его, что земля неизмѣримо отдалена отъ него; человѣка, котораго уста суть святилище вѣчныхъ истинъ, котораго душа и сердце въ рукѣ Всевышняго; котораго слова суть токъ пламени; человѣка, который носитъ громъ Бога, мещетъ или удерживаетъ оный по своему произволенію; который на страшныхъ вѣсахъ взвѣшиваетъ судьбы и совѣсти, снимаетъ завѣсу съ глазъ грѣшника, исторгаетъ слезы изъ кающихся, держитъ ключи неба и ада; наконецъ, человѣка, который расточаетъ тьму и производитъ свѣтъ. Вотъ священный Ораторъ!

Никогда почти не входятъ въ строгое разсужденіе о томъ, какого расположенія духа требуетъ святость служенія слову Божію, и важность столь высокія должности. Потребно не только великое прилѣжаніе и долговременное упражненіе, чтобы исполнить свой умъ великихъ мыслей, образующихъ характеръ священнаго краснорѣчія, но нужно и долговременное уединеніе, дабы онымъ приготовить свое сердце къ полученію Святаго

Духа, Котораго проповѣдникъ дѣлается истолкователемъ. Отъ Него — то непосредственно долженъ онъ принимать свое посольство исполненіемъ правилъ духовной жизни, для очищенія своей души добротвореніемъ, дабы она содѣлалась способною получить небесное просвѣщеніе, и то твердое благочестіе, которыя Богъ даетъ только душамъ смиреннымъ и чистымъ; и для расположенія себя къ принятію потомъ священной должности отъ мужей поставленныхъ на вышшемъ достоинствѣ, и получившихъ сію власть для сообщенія оной другимъ. И такъ онъ долженъ остерегаться полагать излишнюю надежду на себя и на свой умъ, дабы не забыть, что въ семъ столь святомъ служеніи надлежитъ прежде получать помощь небеснаго просвѣщенія частыми размышленіями и молитвами. Безъ сея помощи, не льзя постигать надлежащимъ образомъ Евангельскія истины, дабы хорошо проповѣдать оныя (*).

Весьма многіе не разсуждаютъ довольно о томъ, что, когда проповѣдуютъ, говорятъ со стороны Божіей: такимъ образомъ отнимаютъ у своего слова важность его и цѣну. Большая часть Проповѣдниковъ говорятъ отъ самихъ себя, они себя самихъ выставляютъ, и не даютъ мѣста Духу Божію, дабы все оставить своему уму. Не такъ поступали Пророки, Проповѣдники Ветхаго Завѣта; они

(*) Больщая часть сихъ размышленій взята изъ сочиненія *Рапина* о церковномъ краснорѣчіи, изъ *Гешье*, изъ Опыта о священномъ краснорѣчіи, сочиненнаго Аббатомъ *Беплясомъ*, и проч.

никогда не говорили народу, какъ частные люди, они учили, какъ посланники Божіи, и величество того Владыки, отъ Котораго они говорили, привлекало имъ уваженіе народовъ и Царей... Какую бы важность всѣ придавали Слову Божію, естьли бы знали искусство проповѣдать оное, яко Слово Божіе, а не яко истое изобрѣтеніе ума человѣческаго! Дабы оно имѣло успѣхъ, надлежитъ предлагать его, по примѣру Святаго *Павла, оружіи правды, въ словеси истины, въ силѣ Божіи.*

Не довольно для Проповѣдника качества честнаго человѣка, надлежитъ ему имѣть и благочестіе, оно есть сила научающая. Оно проистекаетъ изъ внутреняго чувствованія дѣлъ Божіихъ. Изъ холоднаго сердца исходятъ слова мертвыя, не имѣющія духа жизни.

Проповѣдникъ долженъ живо чувствовать тѣ истины, въ которыхъ хочетъ онъ увѣрить другихъ. Естьли сердце не одушевляетъ голоса, то оно есть мѣдь звенящая. Благое должно говорить съ чувствіемъ, и тотъ ничего не скажетъ трогательнаго, кто самъ не тронутъ.

Мало того, чтобъ имѣть въ своемъ собраніи разныхъ сочиненій высокія чувствованія Богодухновенныхъ Писателей и Святыхъ Отецъ, надобно имѣть оныя въ своемъ сердцѣ. Просвѣщенный умъ только начинаетъ исправленіе другихъ; живое и нѣжное благочестіе совершаетъ оное.

Міръ не доволенъ посредственною добродѣтелію Проповѣдника, онъ хочетъ, чтобъ

сей, будучи беззазоренъ, могъ говорить какъ Апостолъ: *подражатели мнѣ бывайте.*

Примѣръ яснѣйшія даетъ понятія о добрѣ, нежели слово. Жизнь проповѣдника обличаетъ не оскорбляя, убѣждаетъ не говоря.

Проповѣдникъ есть обличитель вѣка сего; непростительно бы ему было послѣдовать правиламъ и подражать поступкамъ онаго.

Худо тотъ проповѣдуетъ умерщвленіе плоти, кто живетъ въ нѣгѣ.

Чѣмъ сильнѣе проповѣдникъ доказываетъ, что человѣкъ долженъ быть благонравнымъ, тѣмъ болѣе онъ осуждаетъ себя самаго, есть-ли его нравы безчестны: всякой отсылаетъ ему назадъ тѣ стрѣлы, которыя онъ мещетъ. Предувѣренный слушатель негодуетъ на *того*, кто дѣлаетъ не то, что говоритъ.

Цѣль проповѣданія должна быть непорочна. Какое злоупотребленіе при семъ столь святомъ дѣйствіи имѣть въ виду мірское, славу, чести, подлую корысть! Не другой какой конецъ онаго долженъ быть, какъ только слава Божія и спасеніе человѣковъ.

Въ семъ знаніи, которымъ заслуживается титулъ Учителя, надлежитъ блюстися гордости, не полагаться на свой умъ, на свои дарованія, на свои намѣренія, на свой трудъ; но надобно возлагать всю надежду на Того, Кто дѣйствуетъ на сердца.

Проповѣдникъ не на каѳедрѣ только есть служитель Евангелія; сіе достоинство слѣдуетъ за нимъ всюду, вездѣ долженъ онъ исполнять обязанности онаго. Дѣла любви суть,

его опіпдохновеніе. Удаляясь опіъ міра уединеніемъ, опівергаясь самаго себя смиреніемъ и умерщвленіемъ плопіи, возносяся горѣ молипівою и умозрѣніемъ, долженъ онъ упіѣшапіься испыпіаніемъ и дѣланіемъ закона Божія.

Проповѣдникъ, занимающійся слишкомъ подробнымъ изображеніемъ нравовъ, опінимаепіъ у священной каѳедры топіъ харакпіеръ важноспіи, копіорый придаепіъ великую силу проповѣданію: онъ сообщаепіъ приманки пороку, подражая піѣмъ опаснымъ школамъ, въ копіорыхъ силяпіся дѣлапіь спіраспіи ненависпіными посредспівомъ описаній, вдыхающихъ любовь къ онымъ. Кромѣ сего подробное и продолжипіельное нравоописаніе опасно попіому, чпіо оно заспіавляепіъ слушапіелей подозрѣвапіь проповѣдника въ пюмъ, чпіо онъ человѣкъ Божій довольно знаепіъ свѣпіъ. Іоаннъ въ пусіпынѣ, Павелъ во узахъ, Іисусъ Хрісіпосъ на Голгоѳѣ, вопіъ карпіины, копіорыя предспіавляпіь должно!

Пуспіь другіе любяпіъ подобныхъ себѣ, какъ человѣки. Служипіель Евангелія долженъ носипіь въ своемъ сердцѣ всю любовь Хріспіанскую, и любипіь, нѣкопіорымъ образомъ, какъ самъ Богъ любипіъ.

Богъ награждаепіъ проповѣдника не попіому, чпіо всѣ одобряюпіъ его, и слова его имѣюпіъ успѣхъ, но взирая но его пірудъ и недовѣрчивоспіь къ своимъ дарованіямъ и силамъ. Предъ Богомъ всѣ дарованія равны; чиспіопіа ревноспіи даепіъ имъ различіе.

Ревноспіный Проповѣдникъ всегда пворипіъ плодъ. Миръ, опівергаемый слушапіелемъ,

возвращается къ тому, кто возвѣщаетъ оный; онъ сторицею плодоноситъ въ его сердцѣ. Естьли грѣшники обращаются, то они суть его вѣнецъ, его слава; естьлижъ ожесточаются, Богъ уважаетъ желанія его; истинная ревность никогда не бываетъ безплодна.

Проповѣдникъ долженъ стараться хорошо поступать, и не искать того, чтобъ другіе говорили о его добрыхъ поступкахъ. Онъ лишается той награды, какую Богъ назначаетъ ему, естьли желаетъ хвалы человѣческой. Стыдно тому подвергнуться тщеславію, кто въ другихъ укоряетъ оное.

Проповѣдникъ сошедши съ каѳедры, возблагодаривши Бога и смирившись предъ Нимъ, не долженъ заняться своимъ успѣхомъ, *дабы* не возчувствовать отъ того чрезмѣрной радости или печали.

Естьли слава слѣдуетъ за нимъ, да бѣжитъ онъ ея, да скрывается во смиреніи, да уничижается въ молитвѣ. Онъ долженъ удивляться въ своемъ дѣланіи могуществу Божію, и силѣ Его благодати, которая тѣмъ паче сіяетъ, чѣмъ орудіе слабѣе.

Естьли повсюду распространяется слухъ о успѣхѣ проповѣди, горе проповѣднику, который также распространяетъ свою знать въ мірѣ. Слава устрашаетъ вѣрнаго служителя Христова. Удостовѣренъ ли онъ, что проповѣдуя инымъ о спасеніи, самъ осужденъ не будетъ ?

О СОЧИНЕНІЯХЪ,

Которыхъ чтеніе можетъ принести пользу Христіанскому Оратору.

Сказали мы выше, что главнымъ упражненіемъ Проповѣдника должно быть чтеніе Священнаго Писанія и святыхъ Отецъ. Необходимо нужно ему, для успѣха своего званія, присвоивать себѣ высокія наставленія и красоты всякаго рода, разлитыя въ сихъ драгоцѣнныхъ книгахъ: но есть и другія книги, которыхъ онъ не долженъ презирать. Онѣ суть тѣ, кои могутъ оживить его воображеніе и содѣлать оное плодовитымъ, возвысить его умъ, укрѣпить его умозаключеніе, образовать его вкусъ, и которыхъ благоразумныя правила послужатъ ему руководствомъ въ поприщѣ, которое онъ пройти намѣревается. Изъ числа сихъ книгъ суть слѣдующія (*).

Трактатъ блаженнаго Августина о Христіанскомъ ученіи, гдѣ есть, а особливо въ четвертой книгѣ, превосходныя правила на родъ краснорѣчія приличный священной каѳедрѣ.

Церковная Риторика Лудовика Гренада, переведенная на Французской языкъ Г. *Бинетомъ*, въ 1698 году. Сія Риторика есть прекраснѣйшее сочиненіе, и по справедливости всѣ хвалятъ ее. Она сперва показалась въ Лиссабонѣ, въ 1576 году, и потомъ много изданій ея вышло. *Гренадъ* трактуетъ въ ней о изобрѣтеніи, о расположеніи, о израженіи и

(*) Желательно, чтобъ всѣ онѣ переведены были на Руской языкъ.

произношенiи слова. Все тамъ объяснено примѣрами изъ Священнаго Писанiя и святыхъ Отецъ, столь хорошо избранными, и исполненными вѣрныхъ и основательныхъ мыслей, что они, не смотря на изящный порядокъ, въ какомъ поставлены, сами по себѣ кажутся неоцѣненными.

Искусство проповѣдать слово Божiе, съ правилами Христiанскаго краснорѣчiя, сочиненiе Марка Антонiя *Фоаксъ* Iезуита, изданное въ Парижѣ въ 1687 году. Аббатъ *Гугетъ* сдѣлалъ анализъ сего глубокомысленнаго и основательнаго сочиненiя, во второй книгѣ Французской Библiотеки, стр. 153.

Трактатъ о сочиненiи слова, написанный *Клавдiемъ* въ 1688 году, том. 2, страница 245, *творенiй* изданныхъ по смерти его. Сiе сочиненiе полезно, исполнено важныхъ подробностей, и содержитъ въ себѣ великiй порядокъ.

Размышленiя о краснорѣчiи Проповѣдниковъ, написанныя *Антонiемъ Арнольдомъ* въ 1695. Вотъ одно изъ наилучшихъ сочиненiй, какiя на краснорѣчiе Проповѣдниковъ изданы были!

Разговоры о краснорѣчiи вообще, и въ особенности о краснорѣчiи церковномъ, Г. *Фенелона;* сочиненiе исполненное полезныхъ примѣчанiй, изъ котораго научаемся мы уважать правила, предпочитать натуральное замысловатому, существенныя и твердыя красоты ложному блеску, краснорѣчiе всѣхъ временъ краснорѣчiю минутному.

Разсужденiе о проповѣданiи; сочиненiе изданное по смерти Автора, Аббата *Флери*, написавшаго церковную Исторiю. Правда, что оно

есть только рисунокъ, но доказываетъ великаго Писателя, привыкшаго дѣлать размышленія благоразумныя, полезныя и основательныя.

Размышленія о краснорѣчіи церковномъ и разсужденіе о Священномъ Писаніи, Г. *Ролленя*. Сіи размышленія находятся на концѣ второй книги *Трактата о Наукахъ* (*). Авторъ разбираетъ, по примѣру Блаженнаго *Августина*, въ Хрістіанскомъ Ораторѣ двѣ вещи, что онъ говоритъ, и какъ говоритъ, сущность самыхъ матерій, и образъ проповѣданія оныхъ. 1. Онъ показываетъ, что должность Проповѣдника есть научать, и для сего надобно ему говорить ясно; нравиться, и потому слово его должно быть красиво и чисто. Но надлежитъ по его наставленію, избѣгать двухъ погрѣшностей, не слишкомъ гоняться за украшеніями, и не слишкомъ презирать оныя. Потомъ онъ доходитъ къ третіей Проповѣдника должности, трогать и возбуждать слушателей. Каждое правило доказываетъ онъ ученіемъ *Цицерона и Августина* и примѣромъ краснорѣчивѣйшихъ Святыхъ Отцевъ, изъ которыхъ приводитъ прекраснѣйшія мѣста. 2. Онъ пишетъ, что Хрістіанскій Ораторъ долженъ почерпать знаніе наипаче изъ Священнаго Писанія и сочиненій Святыхъ Отецъ. По связи написалъ онъ особенный трактатъ о краснорѣчіи Священнаго Писанія, гдѣ говоритъ о

(*) Онъ весь изданъ на Россійскомъ языкѣ въ 1789 года, подъ назначеніемъ: *Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ*.

простотѣ и величествѣ онаго, о описаніяхъ и фигурахъ, какія находимъ въ ономъ, о мѣстахъ высокихъ, нѣжныхъ и трогательныхъ, часто въ немъ встрѣчающихся, о страстяхъ, какія оно изображаетъ. Сей трактатъ коротокъ, но превосходенъ (*).

Предисловіе къ Цицероновой книгѣ о Ораторѣ, прекрасно переведенной на Французской языкъ Аббатомъ Колленемъ. Сіе предисловіе есть рѣчь исполненная размышленій, критики и вкуса, и какъ можетъ подать точное понятіе о древнихъ Ораторахъ, такъ научить новѣйшихъ.

Правила на проповѣданіе Тешье. Сіе сочиненіе тотчасъ приписали *Массильйону*, но онъ, хваля оное, не призналъ своимъ. Книга драгоцѣнная какъ по основательности наставленій, такъ и по пріятности слога. Она написана кратко, точно и красиво. Мы нѣкоторыя мѣста изъ нея почерпнули.

Предисловіе къ проповѣдямъ Іезуита *Ла Рю.*

Риторика Проповѣдника, написанная *Августиномъ Валерикомъ* на Латинскомъ языкѣ, переведенная на Французской Аббатомъ *Динуартомъ.* Сіе сочиненіе, говоритъ Аббатъ *Гугетъ*, можетъ и исправлять неисправныхъ въ своей должности, и образовать желающихъ содѣлаться способными къ проповѣданію.

Мысли о Декламаціи, Лудовика Риккобони. Книга сія содержитъ основательныя размышленія.

(*) Онъ особенно еще переведенъ на Руской языкъ, и имѣетъ названіе: *Неподражаемое витійство Священнаго Писанія.*

Опытъ о краснорѣчіи церковномъ, Аббата *Беплаcа*, изданный въ Парижѣ, въ 1778 году. Сочиненіе весьма важное, и доказывающее глубокое Автора познаніе Ораторскаго искусства, которымъ онъ занимался съ такимъ успѣхомъ, что былъ бы включенъ въ число наилучшихъ Проповѣдниковъ, естьли бы преждевременная смерть не пресѣкла трудовъ его.

Избранныя рѣчи о разныхъ предметахъ Религіи и Литтературы Аббата *Мори*, члена Французской Академіи, изданныя въ Парижѣ въ 1777 году. Въ началѣ сего сочиненія говорится только о священномъ краснорѣчіи, и содержатся прекрасныя примѣчанія на оное. Потомъ слѣдуютъ *похвальное слово Лудовику Девятому*, заслужившее великое одобреніе отъ всѣхъ; *Панегирикъ блаженному Августину*, произведшій живое впечатлѣніе въ слушателяхъ, и размышленія о *Боссюэтѣ*, дающія вѣрное и высокое понятіе о достоинствѣ сего знаменитаго Оратора.

Краснорѣчіе, Поэма Аббата *Ла Серръ*. Мѣста содержащія въ себѣ хорошіе стихи, правила предложенныя пріятно, нѣкоторыя изображенія Ораторовъ, представленныя съ истиною и съ полезными замѣчаніями, дѣлаютъ ее занимательною для читателей, хотя есть въ ней нѣсколько слабыхъ и небрежныхъ мѣстъ.

Еще можно съ пользою читать *Правила для чтенія Ораторовъ*, Аббата *Маллета*; *Опытъ о Ораторской благопристойности*, егоже; *Опытъ о похвальныхъ словахъ*, Г. *Томаса*; четвертую книгу *Курса изящныхъ наукъ*, Аббата *Батте*, гдѣ есть на краснорѣчіе примѣчанія весьма

основательныя и сообразныя съ хорошими началами; членъ *о церковномъ краснорѣчіи* въ *методической Энциклопедіи* Г. *Мармонтеля*, содержащій новыя и глубокія размышленія о сей матеріи.

Есть и другія сочиненія, которыя могутъ помогать молодымъ Ораторамъ въ трудахъ ихъ, какъ, на примѣръ, *Библіотека Проповѣдниковъ*, Г. *Гудри*, и *Словарь Апостольскій*, *Монтаргона*. Но надобно употреблять оныя съ разборчивостію; можно совѣтоваться съ ними въ извѣстныхъ случаяхъ; но удобность, съ какою всякой находитъ въ нихъ готовые планы и отрывки проповѣдей, не должна благопріятствовать лѣности. Ораторъ можетъ подражать, но никогда не позволяется ему выписывать.

О ОРАТОРАХЪ,

Прославившихся священнымъ краснорѣчіемъ (*).

Мы ничего не скажемъ о успѣхахъ, какіе получали въ свое время *Меноты*, *Мальярды* и другіе многіе Ораторы, которыхъ нынѣ представляютъ только образцами худаго вкуса. Начало царствованія Лудовика XIV должно почесть временемъ полезной перемѣны въ церковномъ краснорѣчіи. Тогда явились *Сенольтъ* и *Ленжандъ*, которые первые возвратили проповѣданію Божественнаго слова то достоинство,

(*) Мы не смѣемъ сами судить о Ораторахъ, которыхъ хотимъ представить здѣсь. Мы только вѣрно покажемъ то, что о нихъ говорятъ *Историческій Словарь*, *Годовыя ученыя записки*, *Аббатъ Саббатьеръ*, и другія Критическія книги, въ которыхъ достоинства ихъ оцѣнены съ довольною точностію.

то благородство, какое оному приличествуетъ, и котораго совсѣмъ нѣтъ въ высокопарномъ пустословіи ихъ предшественниковъ.

Сенольтъ, родившійся въ Анверсѣ въ 1599 году, и умершій въ Парижѣ въ 1671, былъ членомъ Ораторіи, и сдѣлался главнымъ въ семъ обществѣ. Великое достоинство проповѣдей его состоитъ въ томъ, что онѣ написаны порядкомъ, до того времени неизвѣстнымъ, и содержатъ умозаключенія твердыя, основанныя на Священномъ Писаніи и ученіи Святыхъ Отецъ, вмѣсто тѣхъ свѣтскихъ примѣчаній, тѣхъ смѣшныхъ шутокъ, которыя прежде почитались нужными для привлеченія вниманія слушателей.

Ленжандъ, Іезуитъ, родившійся въ Муленѣ въ 1591, умершій въ Парижѣ въ 1660 году, оказалъ, такъ какъ и *Сенольтъ*, великія услуги церковному краснорѣчію. Отъ него имѣемъ мы три книги проповѣдей, которыя онъ сочинилъ на Латинскомъ языкѣ, а произносилъ на Французскомъ. Евангельскія истины изъяснены въ оныхъ весьма краснорѣчиво; умозаключенія и страстныя изображенія поочередно другъ за другомъ слѣдуютъ.

Ле Женъ, членъ Ораторіи и современникъ оныхъ преобразителей священнаго краснорѣчія, шествовалъ съ успѣхомъ по стопамъ ихъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Апостольскихъ и чрезвычайныхъ мужей, которыхъ Промыслъ воздвизаетъ для спасенія вѣрующихъ. Онъ особенно посвятилъ себя миссіямъ, и совершалъ проповѣданіе Слова почти 60 лѣтъ съ великою ревностію и пользою. На 35 году

лишился онъ зрѣнія, что подало причину называть его *слѣпымъ отцемъ*, и умеръ въ 1672, на 80 году. Слова его собраны въ 10 книгахъ. Хотя съ одной стороны есть въ нихъ недостатки въ разсужденіи вкуса и слога; но съ другой трогательность, простота и страстность соединены въ оныхъ съ наставленіемъ весьма основательнымъ.

Щастливыя перемѣны скоро возвели церковное краснорѣчіе на высочайшую степень совершенства; *Сенольтъ* и *Ленжандъ* открыли путь, *Боссюэтъ*, *Бурдалу*, *Сегодъ*, *Шемине*, *Флешьеръ*, *Террассонъ*, *ла Рю*, и проч. протекли оной показавши отличность дарованій, которою они обязаны были какъ природѣ, такъ и искусству.

Жакъ-Бенинъ *Боссюэтъ*, Епископъ Мокскій, родился въ 1627, умеръ въ 1704 году. Онъ первый явился во Франціи образцомъ краснорѣчія, которымъ онъ сравнялся съ самыми славными Греческими и Латинскими Ораторами, а индѣ и превзошелъ ихъ; большая часть надгробныхъ проповѣдей его суть совершеннѣйшія творенія, и самыя славныя содержатъ черты творческаго ума, отличающія великаго Витію. Нимало не подражая предшествовавшимъ ему въ семъ родѣ краснорѣчія, онъ умѣлъ вознестися выше обыкновенныхъ чувствованій и проложить себѣ новую дорогу. Здѣсь-то открываетъ онъ всю важность своего званія. Представлять картины трогательныя, устрашающія, блистательныя, возвѣщать истину, посрамлять гордость, цѣнить величіе человѣческое, не скрывать слабостей, научать

живыхъ среди трофеевъ смерти: вотъ какая должна быть цѣль проповѣдей сего рода, цѣль, которую Епископъ Мокскій совершилъ преимущественно предъ всѣми, и сіе преимущество, можетъ быть, всегда съ нимъ останется. Его краснорѣчіе въ оныхъ плавно, обильно и натурально; оно презираетъ ложный блескъ противоположеній, наборъ подробностей и заимствуетъ отъ искусства нужное только для украшенія своего, или лучше, оно украшаетъ самое искусство. Огонь, жизнь въ картинахъ, великія идеи въ изображеніяхъ, быстрыя движенія въ чувствованіяхъ, изумляющія порѣванія воображенія, высокія, плѣнительныя черты въ изъясненіяхъ — суть для него обыкновенныя пружины, производящія въ душѣ такія потрясенія, которыя покоряютъ и порабощаютъ ее, исторгаютъ ее изъ нея самой, и наполняютъ тѣмъ восторгомъ, какой одинъ истинный геній сообщать можетъ. Хотя нравоучительныя слова *Боссюэта* не въ такой славѣ, какъ надгробныя; но можно почитать оныя образцовыми. Въ нихъ мы видимъ тотъ великій и твердый порядокъ, ту благородную простоту, тѣ высокія порѣванія, тѣ великолѣпныя и занимательныя картины, тѣ истины, исходящія изъ глубины сердца, то величество идей и силу выраженій, все то, чѣмъ сей великій мужъ отличается во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

Флешьеръ, Епископъ Нимскій, родился въ 1632, и умеръ въ 1710 году. Сей Ораторъ не столь высокъ и силенъ, какъ *Боссюэтъ*, но стиль его пріятнѣе и обработаннѣе. Надгробное слово

Тюренну, есть наилучшее его сочиненіе. Мы уже имѣли случай говорить объ ономъ, и показать достоинства и недостатки *Флешьера.*

Бурдалу, Іезуитъ, родился въ 1632, и умеръ въ 1704 году. Слова сего знаменитаго Оратора всегда пребудутъ прекраснымъ памятникомъ Христіанскаго краснорѣчія, сего краснорѣчія сильнаго, убѣдительнаго и быстраго, которое влечетъ душу и торжествуетъ надъ сопротивленіемъ. Вотъ что нравится, чему наипаче должно удивляться въ *Бурдалу:* неистощимая плодовитость плановъ его, которые всегда различны, и щастливый даръ располагать свои умозаключенія тѣмъ порядкомъ, о коемъ говоритъ *Квинтиліанъ*, сравнивая достоинство Оратора, сочиняющаго рѣчь, съ *искусствомъ* полководца, повелѣвающаго войскомъ; Логика точная и убѣдительная, въ которой нѣтъ софизмъ, противорѣчій и парадоксъ; искусство, съ какимъ онъ основываетъ наши должности на нашихъ пользахъ, и драгоцѣнная тайна, которую только въ его словахъ находятъ, обращать описанія нравовъ въ доказательства своей матеріи; обиліе творческаго ума, не оставляющее читателямъ ничего воображать сверхъ читаемаго слова, хотя на одну матерію написалъ онъ по двѣ, часто по три, а иногда и по четыре проповѣди, и по прочтеніи оныхъ не льзя узнать, которой надлежитъ дать преимущество; простота стиля сильнаго и трогательнаго, натуральнаго и благороднаго; весьма глубокое познаніе Религіи, и удивительное употребленіе Священнаго Писанія и ученія Святыхъ Отецъ.

Сегодъ, Iезуитъ, родился въ 1674, умеръ въ 1748 году. Слова сего Оратора хотя не могутъ сравниться съ словами *Бурдалу*, но въ такой славѣ, какую они заслуживаютъ. Въ нихъ найдешь великой запасъ нравоученія, много красоты и силы, а наипаче той трогательности, которая пронзаетъ душу, и располагаетъ ее къ исповѣданію Евангельскихъ истинъ. Между оными отличаются слова: о *прошеніи обидъ*, о *искушеніяхъ*, о *мірѣ*, о *честности*, о *дѣятельной вѣрѣ* и о *послѣднемъ судѣ*.

Шемине, Iезуитъ, родился въ 1652, умеръ въ 1689 году. Трогательность, чувствительность и щастливый даръ убѣждать соединены въ словахъ его. Не льзя сильно не тронуться, читая его проповѣди: *о страхѣ суда Божія*, и *о любви къ узникамъ*.

Жирустъ, Iезуитъ, родился въ 1624, умеръ въ 1689 году. Въ проповѣдяхъ его находятъ краснорѣчіе натуральное и сильное; но не трудно увидѣть изъ неисправности его стиля, что онъ привязывался болѣе къ вещамъ, нежели къ словамъ. Онъ можетъ быть думалъ, что простота слога много способствуетъ страстности, и что краснорѣчіе отъ нея бываетъ натуральнѣе, трогательнѣе и убѣдительнѣе. Сей Ораторъ наипаче удивителенъ въ извѣстныхъ патетическихъ движеніяхъ, гдѣ онъ совершенно предавался своей ревности. Онъ тогда привлекалъ такое вниманіе, котораго ничто не могло прервать; однажды, какъ онъ говорилъ слово, и какъ уже приближилась минута окончить оное, всѣ слушатели тронутые имъ давали ему знать со всѣхъ

сторонъ, чтобъ онъ продолжалъ, и что они готовы слушать его, сколь бы долго онъ ни проповѣдалъ. *Жирустъ* однако престалъ, разсудивши, что не льзя ему еще въ лучшемъ расположеніи оставить сердца слушателей.

Террассонъ, (Гаспардъ,) членъ Ораторіи, родился въ 1680, умеръ въ 1752 году. Краснорѣчіе его благородно и просто, сильно и натурально. Онъ тѣмъ болѣе нравится, что не ищетъ того, дабы нравиться. Онъ блистаетъ только ученіемъ Евангелія и Святыхъ Отецъ.

Молиньеръ, членъ Ораторіи, родился въ 1675, умеръ въ 1745 году. Слова сего Оратора суть произведеніе щастливаго ума, изьясняющагося съ великимъ жаромъ, напряженностію, силою, важностію и натурально; не доставало ему только вкуса. Стиль его неисправенъ, неровенъ и униженъ простонародными терминами, которые дѣлаютъ странную противоположность со многими мѣстами, исполненными живости и благородства. Слово *о Небѣ* почитается наилучшимъ его сочиненіемъ.

Ла Рю, Іезуитъ, родился въ 1643, умеръ на 84 году. Остроумныя раздѣленія (distributio), вѣрныя соотношенія разныхъ частей, мужественный стиль и пріятная легкость блистаютъ въ словахъ сего Оратора. Онъ все одушевляетъ; но его воображеніе иногда дѣлаетъ его болѣе Стихотворцемъ, нежели Проповѣдникомъ. Сія погрѣшность не такъ примѣтна въ его проповѣдяхъ на Филипповъ постъ, какъ въ великопостныхъ. Совершеннѣйшее его сочиненіе есть слово *о общественныхъ бѣдствіяхъ*. Написалъ онъ нѣсколько и

надгробныхъ словъ, которыя весьма уважаются, говоренное надъ Маршаломъ *Буффлеромъ* почитается наилучшимъ.

Массильйонъ, Епископъ Клермонскій, родился въ 1663, умеръ въ 1742 году. Имя его сдѣлалось именемъ самаго краснорѣчія. Никто такъ не трогалъ слушателей, какъ онъ; предпочитая чувствованіе всему, онъ приводитъ душу въ то живое и спасительное волненіе, которое заставляетъ насъ любить добродѣтель: онъ ищетъ во глубинѣ сердца тѣхъ сокровенныхъ изгибовъ, въ которыхъ таятся страсти, и обнаруживаетъ оныя столь нѣжно и чувствительно, что болѣе влечетъ, нежели покоряетъ. Слогъ его всегда легокъ, красивъ и чистъ, и имѣетъ вездѣ ту благородную простоту, безъ которой нѣтъ ни хорошаго вкуса, ни истиннаго краснорѣчія, простоту, которая соединена будучи въ *Массильйонѣ* съ плѣнительнѣйшею гармоніею, заимствуетъ отъ оной еще новыя пріятности. Но вотъ что усугубляетъ то удовольствіе, какое приноситъ сей очаровательный стиль: всякой чувствуетъ, что толикія красоты истекли изъ самаго источника, и что онѣ ничего не стоили тому, кто произвелъ ихъ. Иногда встрѣчаются у него то въ выраженіяхъ, то въ оборотахъ, то въ трогательной мелодіи его стиля неисправности, которыя можно назвать удачными, поелику онѣ довершаютъ увѣренность читателя, что сочиненіе не стоило труда Автору. Вотъ, короче сказать, какой характеръ краснорѣчія сего славнаго Оратора: онъ въ

одно время умѣетъ мыслить, изображать и чувствовать. Лучшія проповѣди *Массильйона* суть слѣдующія: о *маломъ числѣ избранныхъ*, о *прощеніи врагамъ*, о *смерти грѣшника*, о *исповѣди*, о *смѣшеніи добрыхъ съ злыми*, бесѣда о *блудномъ сынѣ*, и *церковныя разсужденія* (conferences). Слова, говоренныя имъ въ Филипповъ постъ, (petit Carême) почитаются прекраснымъ памятникомъ Ораторскаго искусства.

Ла Боассьеръ, членъ Ораторіи, умеръ въ 1732, на 84 году. Слова сего Оратора достойны уваженія наипаче по красотѣ и живости картинъ, по тонкимъ и блистательнымъ мыслямъ, по замысловатому, но вѣрному изображенію нашихъ нравовъ, по обильному стилю, наконецъ, по яснымъ, плавнымъ и высокимъ выраженіямъ, которыя почти всѣ взяты изъ Священнаго Писанія.

Аббатъ *Климентъ*, придворный Проповѣдникъ, родился въ 1706, умеръ въ 1771 году. Сильное и мужественное краснорѣчіе сего Оратора болѣе бы могло дѣлать впечатлѣнія, естьли бы большая часть проповѣдей его были не столь протяжны и неисправны. Весьма видно, что онъ любилъ читать Святыхъ Отцевъ, а особливо *Іоанна Златоуста*, котораго духъ, огонь и движенія, кажется, себѣ присвоилъ.

Шапелень, Іезуитъ, родился въ 1710 году. Идеи великія, вѣрныя и хорошо представленныя служатъ основаніемъ почти всѣмъ планамъ проповѣдей его. Онъ въ стилѣ подражалъ *Бурдалу*, но не имѣя, подобно ему, той глубины умствованія, которая сдѣлала онаго

Оратора образцемъ, имѣетъ онъ индѣ больше жару и черты высокія, могущія оживлять вниманіе слушателя; особливо заключенія его живы, сильны и страстны. Между словами его достойно замѣчанія, сочиненное на пострижение Г. *Эгмонта*, слово безподобное по пристойности и важности раздѣленій.

Аббатъ *Де Ла — Туръ — дю — Пэнъ*, придворный Проповѣдникъ, умеръ въ 1765, на 44 году. Слова сего Оратора написаны вообще стилемъ легкимъ и блистательнымъ. Планы оныхъ просты, раздѣленія удачны, приводы изъ Священнаго Писанія остроумны. Впрочемъ укоряютъ его тѣмъ, что онъ слишкомъ часто употребляетъ противоположенія. Панегирики его славнѣе нравоучительныхъ словъ, и поставляютъ его въ числѣ первыхъ Витій въ семъ родѣ.

Невиллъ, Іезуитъ, родился въ 1693, умеръ въ 1774 году. Всѣ слышавшіе имя его должны вообразить одного изъ чрезвычайныхъ Проповѣдниковъ, прославившихъ свое званіе. Оригиналъ въ своемъ родѣ, во всѣхъ существенныхъ частяхъ истиннаго Христіанскаго краснорѣчія, *Невиллъ* имѣлъ всѣ характеры знаменитыхъ мужей, предшествовавшихъ ему въ Евангельскомъ служеніи. Глубина мыслей, сила умозаключеній, высокость и скорость стиля всегда соединены въ словахъ его съ жаромъ воображенія, живостію чувствованія и важностію изъясненія. Всегда обиленъ, всегда ровенъ, онъ господствуетъ, не примѣчая того, надъ всѣми разсуждаемыми имъ матеріями, и живость кисти его даетъ новые

цвѣты тѣмъ предметамъ, какіе онъ представляетъ. Впрочемъ осуждаютъ его, что онъ не умѣлъ содержать своего краснорѣчія въ надлежащихъ предѣлахъ, ни избѣгать проступковъ блистательнаго ума, и излишества въ противоположеніяхъ. Сіи погрѣшности, которыя ощутительнѣе при чтеніи проповѣдей *Невилля*, нежели когда онъ произносилъ, уменьшаютъ важность оныхъ.

Аббатъ *Пуллъ*, придворный Проповѣдникъ, умеръ въ 1781, на 74 году. Краснорѣчіе живое, благородное и быстрое, изображенія великія и блистательныя, иногда чувствительность, приводы изъ Священнаго Писанія самые удачные, черты творческаго ума, — вотъ качества ощутительныя въ проповѣдяхъ сего Оратора, который, при искусствѣ сочинять, имѣлъ и даръ произношенія весьма важнаго, придававшаго силу всему, что онъ говорилъ! Мы почитаемъ двѣ его проповѣди, о *милостынѣ* и о *Словѣ Божіемъ*, наилучшими его сочиненіями.

Недавно умеръ *Елисей*, Кармелитъ, Ораторъ подлинно знаменитый. Проповѣди его написаны весьма пріятно и убѣдительно, и чистымъ слогомъ; онѣ напоминаютъ дарованіе *Массильона*, и потому заслуживаютъ отличіе между сочиненіями сего рода.

Bayerische Staatsbibliothek München

КОНЕЦЪ.

220,-
Posev 6.5.87

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Rukovodstvo k cerkovnomu krasnorěčiju s priměrami iz Svjaščennago Pisanija, Svjatych Otec i slavnějšich Oratorov Christianskich ; sočinenie poleznoe dlja duchovnych učilišč i dlja mladych Svjaščennoslužitelej, posvjativšich sebja propovědaniju Slova Božija

Moskva 1833

Hom. 2092 u
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10464959-0